

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

СЕМЬ КРАСАВИЦ

К 840-ЛЕТИЮ
НИЗАМИ ГИДЖЕВИ

М. Ф. Алаудилов б.д.и.и.
Аварб. республика
КИТАБХАНАСЫ

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

„ХАМСЭ“

СОКРОВИЩНИЦА ТАРНИ
ХОСРОВ И ШИРДИН
ЛЕВЛИ И МЕДЖИУН
СЕМЬ КРАСАВИЦ
ИСКЕНДЕРНАМЕ

БАКУ—1983

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

СЕМЬ КРАСАВИЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЯЗЫЧ“

Ш 6 (2=A₁) 3 + A₁.

С(Аз)1
Н65

Перевод *Вл. ДЕРЖАВИНА*
Вступительная статья и комментарии
проф. *РУСТАМА АЛПЕВА*
Редактор *НИКОЛАЙ ХАТУНЦЕВ*

ПОЭМА НИЗАМИ «СЕМЬ КРАСАВИЦ»

Великий азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви жил и творил в XII веке, в эпоху необычайно богатую событиями и выдающимися культурными и научными достижениями, сыгравшими исключительно важную роль в дальнейшей истории человечества. Эта эпоха унаследовала, усвоила и довела до логического завершения великую синкретическую культуру, созданную на протяжении пяти столетий многими народами, входившими в состав арабского халифата. XII век был временем, когда Азербайджан, родина поэта, стал экономическим, политическим и культурным центром всего Ближнего и Среднего Востока. Азербайджанские атабеки почти полностью восстановили распавшуюся на множество разрозненных княжеств империю Сельджуков, и центрами их государства стали Гянджа — родина Низами — и Нахичевань.

Эпоха Низами в значительной степени предвосхитила начавшийся в XIII—XIV вв. великий переворот в культурной жизни народов Европы, именуемый Ренессансом. Это было время интенсивного развития городов и консолидации городского населения, бурного расцвета естественных и гуманитарных наук, искусства, теологии и философии, литературы и особенно поэзии.

Отличительной чертой литературы рассматриваемой эпохи было то, что в ней художественная и философская мысль выступали как единое целое. В литературе обсуждались все проблемы, волновавшие тогдашние умы, начиная от устройства мироздания и кончая идеальной формой правления, хотя наряду с этим процветала и придворная поэзия, основная задача которой заключалась в цветистом прославлении сильных мира сего и власть имущих.

В своем творчестве Низами выдвинул на первое место духовную жизнь человека, сложные движения его души, бесчисленные вопросы, волновавшие ум и совесть лучших людей эпохи.

В стройном гуманистическом учении, созданном Низами, рассматриваются, с одной стороны, многообразие человеческих характеров и формы его проявления в тех или иных обстоятельствах, а с другой — такие глобальные проблемы, как смысл мироздания и человеческой жизни, возможность гармонии между индивидом и обществом, обществом и природой, миссия и назначение человека на земле. В силу этого все поэмы Низами

можно назвать многоплановыми и многоцелевыми. Яркой иллюстрацией этой особенности творчества поэта является предлагаемая читателям четвертая поэма Низами, вошедшая в литературу под названием «Семь красавиц», которая, как и другие творения поэта, несомненно, явилась новой важной вехой в истории художественной и эстетической мысли народов Ближнего и Среднего Востока.

Первая же поэма Низами «Сокровищница тайн» принесла ему громкую славу, приумножив тем самым и число его завистников. Особенно докучали ему придворные поэты-современники, воспринимавшие успехи поэта как личное оскорбление. Но среди мыслящих людей того времени, поэтов и писателей было и немало друзей, с которыми поэт общался, делился своими творческими планами. Невзирая на житейские трудности, Низами упорно трудился и одно за другим создавал свои великие творения. В 1180 г. он приступил к сочинению поэмы «Хосров и Ширин», а в 1188 г. завершил свой другой шедевр — поэму «Лейли и Меджнун», в 1197 г. он закончил «Семь красавиц». Работой над «Искендер-наме», самой большой, монументальной поэмой, были заняты последние годы жизни поэта. В 1199 г. была готова первая часть ее, «Книга о славе» («Шараф-наме»), а в 1201 г. была завершена и вторая часть, «Книга о счастье» («Икбал-наме»). Умер Низами в июне 1202 г.

Прежде чем перейти к анализу поэмы «Семь красавиц», следует заметить, что многие вопросы, связанные с историей ее написания, названием, адресатом, до сих пор окончательно не решены. Так, поэма вошла в мировую литературу как «Семь красавиц», однако название это возникло в результате отсутствия достоверного критического текста и многозначности слова «пейкар», которое переведено как «красавица». По этому поводу Е. Э. Бертельс, один из лучших знатоков творчества Низами, писал: «Мы переводим название поэмы Низами «Семь красавиц», но с таким же правом мы могли бы перевести его и «Семь портретов», ибо персидское слово *пейкар* в XII в. имело оба эти значения»¹.

Однако в самом тексте поэмы Низами нигде не указывается точного ее названия. Видимо, автор полагал, что оно и так ясно из ее содержания. Лишь в «Искендер-наме», подводя итог своей жизни, поэт называет поэму «Хафт пейкар»:

Когда же я закончил эту повесть («Лейли и Меджнун»),
Погнал коня в сторону семи пейкаров.

Из контекста видно, что слово «пейкар» употреблено не в значении «красавица» или «портрет», а скорее в смысле небесного тела. Дело в том, что многозначное слово *пейкар* прежде всего означает «тело». Его остальные значения «фигура», «образ», «изображение», «портрет», «идол», а за-

тем уже в переносном значении «стройная фигура», «красавица». Во всех толковых словарях и классических текстах за словом «пейкар» закреплены следующие значения: 1. Тело, фигура, корпус, туловище. 2. Статуя, скульптура. 3. Рисунок, изображение, портрет, картина. 4. Наружность, внешность. 5. Звезда, планета, небесное тело и т. д.

В поэме слово *пейкар* употребляется почти по всем указанным значениям, а в названии оно скорее всего употреблено в последнем смысле — «звезда», «планета» и т. д. Это ясно вытекает из содержания самой поэмы, где говорится о постройке семи дворцов для жен Бахрам-гура, привезенных из семи поясов — обитаемых частей света. Дворцы были посвящены семи планетам, каждая из которых, по тогдашним астрологическим представлениям, имеет свой цвет и свой день недели: 1) зеленый дворец — Луна — понедельник; 2) красный дворец — Марс (Миррих) — вторник; 3) голубой (синий) дворец — Меркурий (Утарид) — среда; 4) сандаловый дворец — Юпитер (Муштари) — четверг; 5) белый дворец — Венера (Зухра) — пятница; 6) черный дворец — Сатурн (Кей-ва) — суббота; 7) желтый дворец — Солнце — воскресенье.

Европейские названия дней недели григорианского календаря, которым мы пользуемся ныне, восходят к этой индо-иранской традиции.

Говоря «погнал коня в сторону семи пейкаров», поэт имел в виду, что он погнал коня поэтического воображения в сторону небесных светил, звезд. Исходя из этого, правильнее было бы перенести название поэмы как «Семь звезд», что в переносном смысле одновременно означало бы и семь красавиц.

Сказанное подтверждается тем, что крупнейшие поэты, написавшие подражания поэме Низами, понимали значение слова *пейкар* именно в указанном смысле. Алишер Навои (1441—1501) назвал соответствующую свою поэму «Семь планет», а Абдурахман Джами (1414—1492) свою семеричу — «Семь звезд Большой Медведицы».

Однако подлинное название поэмы было другим. «Семью звездами» поэт назвал ее уже в конце жизни, притом условно. Как явствует из текста старейших рукописей и литографированных изданий, первоначально поэма была названа в честь главного героя Бахрама — «Бахрам-наме», т. е. «Сказание (или повесть) о Бахраме». Ведь и другие три поэмы Низами названы именами главных героев — «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Книга об Искендере» («Искендер-наме»)².

До сих пор не установлена и личность заказчика поэмы. В литературе принято считать, что поэт написал книгу по просьбе правителя Маргаи Ала ад-Дина Кори-Арслана (1174—1208)³.

Однако в главе «О причине составления книги» поэт прямо указывает, что к нему прибыл специальный гонец — «почтальон» от Сулеймана и передал ему заказ этого шаха написать изысканную, бесподобную книгу

¹ Мухаммед Муни. Фарханчи фарси. Словарь персидского языка. Тегеран, 1961, т. 1, с. 943.

² В некоторых источниках и литографических изданиях название книги зафиксировано как «Семь куполов».

на любую тему и увековечить его имя. По этому поводу Е. Э. Бертельс писал: «Кто был заказчик, приславший к поэту своего гонца? Вернее всего полагать, что это тот самый Ала ад-Дин, которому... посвящена поэма. Странно, однако, что Низами обошел этот вопрос и ограничился неясным указанием на Сулеймана, т. е. могущественного властелина»¹.

Далее Е. Э. Бертельс замечает: «С. Нафиси полагает, что здесь содержится намек на одного из азербайджанских эмиров. Однако нам неизвестен эмир с этим именем».

Указанная глава «О причине составления книги» начинается следующими стихами:

Когда пришло тайное указание
Из царского шатра Сулеймана,
Я обрел крылья, словно птица; раскрыл я крылья,
Чтобы [полететь и] занять место у порога [чертога]
Сулеймана.

Далее поэт рассказывает о том, как в поисках подходящей темы он углубился в книги и исторические хроники древних летописцев, изучил огромный материал и, наконец, остановил свой выбор на жизнеописании Бахрам-гура, как он создал из темы, использованной Фирдоуси в его эпосе «Шах-наме», совершенно новый, необычайно интересный исторический роман в стихах.

В заключении поэт, снова обращаясь к заказчику, скромно заявляет о том, что он изготовил простой воск, далекий от меда и ичел, и все зависит от того, какую печать поставит на нем Сулейман: то есть, если он одобрит, значит, поэма удалась, если отвергнет ее, то нет. Намекая на нетронутый воск, на который не садилась ни одна пчела, поэт указывает, что его поэмы никто не касался и впервые ее прочтет Сулейман.

Как позволяет думать ряд фактов, речь в поэме идет о Сулейман-шахе, сельджуком султана в Малой Азии, брате жены Бахрам-шаха Эрзинджанского, с которым Низами был в близких отношениях и которому в 1177 г. посвятил свою первую поэму «Сокровищница тайн». Сулейман-шах был сыном султана Малой Азии Кылыч-Арслана и правил прибрежной полосой Черного моря в Малой Азии, а после смерти своего отца Кылыч-Арслана и брата Мелк-шаха в 1196 г. стал верховным правителем всего малозыкийского султаната и правил им до 1204 г. Сулейман-шах был большим любителем поэзии, сам писал стихи на персидском языке (до нас дошло несколько его стихотворений), покровительствовал поэтам, писателям и ученым. Слава, выванная на долю его шурина Бахрам-шаха благодаря «Сокровищнице тайн», широкая популярность других поэм Низами — «Хосров и Ширин» и «Лейли и Меджнун», а также искусственность самого султана в поэзии побуждали его попросить поэта написать в его честь новую поэму. Первый адресат Низами Бахрам-шах и другие правители областей подчинялись Сулейман-шаху и вместе с ним совершили поход в Армению и покорили ее в 1200 г., а затем в 1202 г. — в

¹ Е. Э. Бертельс. Низами и Физули, с. 147.

Грузию, где, однако, потерпел поражение, а Бахрам-шах попал в плен и освобожден лишь с помощью огромного выкупа. Низами сравнивает Сулейман-шаха с Александром Македонским, Румийским, т. е. византийским, солнцем и т. д. Подобные же сравнения содержатся в оде современника Низами, придворного поэта азербайджанских атабеков Захир ад-Дина Фархаби.

Все это, как и целый ряд других данных, позволяет думать, что поэма была начата по просьбе Сулейман-шаха в 1196 г., когда последний стал верховным правителем всей Малой Азии и сел на престол в Конии.

Первоначальный вариант поэмы был завершен 31 июля 1197 г. и был посвящен заказчику — Сулейман-шаху. Однако впоследствии главы, содержащие посвящения в начале и заключении книги, были кем-то переделаны, и имя Сулейман-шаха ибн-Кылыч-Арслана заменено именем правителя Мараги Кори-Арсланом (1174—1208), добавлено несколько двустиший, восхваляющих его сыновей и семью, и поэма была преподнесена ему. По всей вероятности, это было сделано после смерти Низами в 1202 г. его сыном Мухаммедом, ибо посланная Сулейман-шаху поэма не вызвала никакого резонанса в придворных кругах и поэт не получил вознаграждения от заказчика, который постоянно вел войны вдали от своей столицы Конии.

Как писал Е. Э. Бертельс, «это посвящение сильно запутало европейских востоковедов. В. Бахер, очевидно, исходя из имени старшего сына Кори-Арслана, считает, что поэма посвящена Нуерат ад-Дину (Бинкину); К. Уилсон, который перевел «Семь красавиц» на английский язык, потратил очень много усилий, чтобы доказать, что поэма посвящена хорезмшаху Ала ад-Дину Текешу (1172—1200). Все это, конечно, результат пользования плохими рукописями, в которых имя Кори-Арслана, перешепчанное не-привычное, большей частью либо совсем искажено, либо переделано в Кызыл-Арслан»¹.

Однако следует отметить, что во многих рукописях и литографированных изданиях вместо «Кори-Арслан» и «Кызыл-Арслан» зафиксирован «Кылыч-Арслан», а так звали отца Сулейман-шаха.

Это лишний раз доказывает справедливость предположения о том, что поэма была написана по просьбе Сулейман-шаха, сына Кылыч-Арслана, и посвящена ему.

В поисках подходящей темы Низами «углубился в сказания, стал вникать во тьму тайн, рассеянных по свету всему». Он на арабском прочитал и на дари (фарси) книгу Бухари и книгу Табарни, «чтобы не было пробылов, не было потерь, переполненных хранилищ отирая он дверь» и, наконец, остановил свой выбор на истории иранского царя из сасанидской династии Варохана V (421—438) — Бахрам-гура. Это было сделано не случайно. Бахрам-гур, этот, по выражению европейских исследователей, средневековый «Дон-Жуан», отличался любвеобильным сердцем и держал целый гарем. Это дало возможность поэту ввести новый жанр и классическую литературу — жанр художественной новеллы и создать качественно новый, если можно так выразиться, «обрамленный» роман в стихах.

¹ Е. Э. Бертельс. Низами и Физули, с. 148.

Новелла в поэме в общей сложности семнадцать, и они составляют основную ее часть.

Кроме того, жизнеописание Бахрама давало Низами возможность еще раз высказать свои мысли об идеальном правителе, а также показать свое мастерство и в так называемом увлекательном, приключенческом жанре, в котором можно было скорее донести до сознания читателей гуманистическое учение, облаченное в форму народных сказаний.

История Бахрама до Низами была изложена в «Книге царей» Фирдоуси. Но поэт, как он обстоятельно говорит в предисловии, ставил перед собой совершенно иные художественные задачи. Если Фирдоуси в хронологическом порядке, на основе доступных ему материалов из различных хроник и летоисчислений, изложил в стихотворной форме жизнеописание исторического Бахрама, сасанидского царя, то Низами, отталкиваясь от него, стремился создать обобщенный художественный образ. Изображая непростой характер Бахрама, его духовное становление и различные события из его жизни, поэт неоднократно неоднократно повторяет, что, возможно, все это было не так, но так могло бы быть.

Бахрам — сын сасанидского царя Ездигида I (399—421). Ездигид отличался жестокостью, деспотизмом, преследовал жрецов и знать, за что и получил прозвище «Грешник», хотя христианские хроники отзывались о нем доброжелательно, называют веротерпимым и христианолюбивым.

Опасаясь за свою власть, Ездигид своего юного сына Бахрама удалил из Ирана, передав его на воспитание своему вассалу, арабу Ну'ману, который, как и его сын Мунизир, не чаял в нем души. Ну'ман построил для Бахрама сказочный дворец Хавариак («Солнечный»), обучал его наукам и воинскому искусству. Бахрам одарен от природы: статен и красив, бесстрашен и ловок, неуклюжий наездник и охотник, трудолюбив и целеустремлен, любит жизнь и ее радости, весел и красноречив, щедр и любвеобилен. Он проводит свое время главным образом в охоте на оягров (гуров), за что и получает прозвище Бахрам-гур. Но он охотится на гуров не ради бессмысленного уничтожения их, а, наоборот, как бы следуя учению Низами об установлении гармонии между человеком и природой. Ловя оягров, он ставит на них свое тавро и отпускает на волю, после чего никто не имеет права убивать и ловить их. Именно во время охоты случается с ним происшествие, которое и составляет содержание первой вставной новеллы о том, как оягр завлекает Бахрама в пещеру, где он вступает в единоборство с драконом, убивает его, освобождает оягрёнка и находит там сокровище.

Однажды в одном из залов Хавариака он обнаруживает изображение семи красавиц из «семи обитаемых климатов» — поясов земного шара: в центре красуется его собственный портрет. Бахрам воспринимает это как доброе предзнаменование и дает себе слово собрать этих красавиц в будущем в своих дворцах.

Предаясь охоте и жизненным утехам, Бахрам в то же время пристально следит за событиями в Иране, он ждет своего часа. Однажды он узнает, что отец его Ездигид умер и иранцы, опасаясь, что его наслед-

ник Бахрам пойдет по стопам отца и станет творить насилие, тиранить народ, сажают на трон одного знатного старика кроткого права.

Узнав об этом, Бахрам пишет грозное письмо иранцам, на которое те отвечают, что Бахрам лишен престола из-за несправедливости и деспотизма. Тут поэт влагает в уста Бахрама речь, в которой ярко выражены воззрения самого поэта на то, кто может быть царем и как он должен править.

Дело в том, что теоретики монархической власти в Иране, выразители интересов старой иранской аристократии и феодальной интеллигенции Даккии (XI в.), Фирдоуси (936—1020) и другие твердо придерживались учения о том, что царем может быть лишь особа царского происхождения, обладающая фарром — божественным ореолом, нимбом, царской сущностью и доблестью (нажд, фарр, гоухар и хунар).

Однако Низами начисто отверг это учение, смело провозгласив демократичный по тому времени лозунг о том, что царем может быть любой человек, если он справедлив, умен, трудолюбив и доблестен. Как справедливо заметил М.-Н. Османов, «Фирдоуси был одним из первых великих персоналических поэтов, провозгласивших, что одно только происхождение не дает права на правление страной. Творчество Низами уже представляет следующий период в развитии этой мысли, он почти не принимает во внимание происхождение и ставит во главу угла личные достоинства того, кто претендует на верховную власть».

Для обоснования этой мысли поэт, описывая Бахрама, заявляет:

...Таково потомство шахов. Перлом заблестать
Может шахский сын — и может камнем тусклым стать.
Не во всем отцу подобен сын и не всегда, —
И жемчужину рождает камень иногда.
Дан такой пример был в прошлом, в поученье нам —
Ездигид был грубым камнем, жемчугом — Бахрам.
Тот — карал, казнил, а этот одарял добром,
Был булыжник рядом с перлом, острый шип с плодом.

Далее, излагая историю правления Бахрама, поэт продолжает развивать свои взгляды на идеального правителя, использующего власть в интересах народа. Сам Бахрам лишь отчасти удовлетворяет выдвигаемым Низами требованиям. Придя к власти, он начинает править справедливо, кротко. Его страна в скором времени превращается в обетованную землю: все сыты, все благоденствуют, поют, пляшут и веселятся. Когда наступают засуха, Бахрам приказывает открыть двери государственных кладовых и снабжать население всем необходимым. Рассказывая об этом, Низами пишет: «Если бы случилось такое в наше время, то, наверное, остался бы в живых один человек». Когда засуха проходит, в стране вновь воцаряется благополучие, но Бахрам, привыкший к одним лишь удачам, теряет бдительность. Пользуясь беспечностью шаха и бездарностью вое-

¹ Низами. Семь красавиц. Пер. Вл. Державина. Предисловие М.-Н. Османова, М., 1959, с. 7.

начальников, умеющих лишь кичиться своим высоким происхождением, тюркский хакан из Китая нападает на Иран. Лишь грозная опасность пробуждает в Бахраме решительность — благодаря удачному тактическому маневру он одерживает победу над противником.

Подобно Хосрову, облик Бахрама как бы двоится, хотя и в меньшей степени. Бахраму не хватает твердой воли в проведении разумной политики, в неусыпном надзоре за важнейшими государственными делами. Бахрам чересчур склонен к чувственным удовольствиям и развлечениям, к мишуре, плотские страсти в нем подавляют «божественное» начало, и он часто забывает о своем долге перед государством и подданными. Поэт изображает характер своего героя в постоянном развитии, изменении, становлении. С каждой новой главой все больше ощущается, что характер Бахрама, его деяния созвучны учению Низами, изложенному в «Сокровищнице тайн».

По мысли поэта, гармоничное общество можно установить лишь тогда, когда сердца властвующих с помощью самовоспитания и подвижничества очистятся от телесной скверны, низменных страстей, похоти, алчности, беспечности и властолюбия. Однако Бахраму часто не удается справиться со своими страстями, они оказываются сильнее его воли и разума, плотское начало в нем часто берет верх. Так, минутный гнев оказывается в нем сильнее привязанности к верной и мудрой возлюбленной рабыне Фитне. Бахрам, обещавший в своей тронной речи быть справедливым, добрым, сдержанным, ставящим интересы подданных выше своих желаний и вождельний, велит казнить Фитне только за то, что она не стала подобострастно возносить безудержную похвалу шаху за его искусную стрельбу из лука. Тут Бахрам забывает о своем добром природном нраве и выказывает себя деспотом. Невольно вспоминается излюбленный афоризм Низами, часто повторяющийся в поэме, как и в других произведениях:

Царь — пожар, и не опасен он своим огнем
Только тем, кто в отдаленье возведет свой дом.

В другом месте поэт, осуждая самую сущность царской власти, утверждает, что неограниченная власть любого благородного человека может развратить и сделать тираном и деспотом.

Поэт считал одним из основных источников гуманизма чувство бескорыстной и преданной любви, любви возвышенной и благородной, воспетой им в поэмах «Хосров и Ширин» и «Лейли и Меджнун». Начиная с IX в. в сочинениях мусульманских философов и поэтов весьма оживленно обсуждалась проблема любви. К XII в. было создано несколько концепций любви. Низами был в курсе всех этих дискуссий и учений.

Переработав суждения античных и мусульманских философов, Низами создал качественно отличную от учений предшественников концепцию любви и в художественной форме впервые изложил в поэме «Хосров и Ширин». В этой поэме есть специальная глава «О любви», в которой любовь провозглашается смыслом жизни и утверждается, что любовь — это ось, вокруг которой вращается небосвод, мир, вселенная. Низами при-

зывает своих читателей служить большой, возвышенной любви, ибо мир сотворен любовью и из любви. Человек, лишенный чувства подлинной привязанности, лишен жизни, он — живой труп. В мире этом существует закон притяжения, и все сущее, наделенное душой и разумом, подвластно этому закону. Этот закон аналогичен закону, в силу которого магнит притягивает к себе железо, янтарь — солому, мусульманин стремится к Ка'бе, а огнепоклонник — к храму огня. Лишь благодаря чувству любви человеческая жизнь приобретает смысл, через нее она приобретает к вечности. Любовь, проникая в сердце камня, превращает его в са-моцвет, ибо основное свойство любви — облагораживать, очищать. Она делает лучше, добрее, красивее, счастливее все, к чему прикасается.

Однако, к сожалению, есть много металлов, не обладающих свойствами магнита, есть много камней, которые не влекнут к себе соломы. Но те, что называются подлинными стихиями (табаин) и материями, субстанциями (джаухар), обладают врожденным свойством притяжения (кашим), и это свойство философы называют любовью (ниш). Те, кто смысл жизни видит лишь в еде и сне, в утехе и плотских удовольствиях, подобны камням и металлам, лишенным свойства притяжения.

Любовь по своей природе священна и божественна, ибо она порождена Всемирной Душой (богом), и поэтому влюбленные должны подавлять в себе низменные плотские потребности, чтобы достичь духовной гармонии. Низами так же, как Аристотель и Ибн Сина, считал, что разные части и силы душ влюбленных находятся в гармоническом отношении друг к другу, составляя своеобразную иерархию.

В своем учении Низами специально подчеркивает эту возвышающую и облагораживающую человека божественную силу любви:

Явись рабом любви, заботы нет иной!
Для доблестных блеснет какой же свет иной?
Все ложь, одна любовь указ беспрекословный...
Кто стынет без любви, да внемлет укоризне:
Он мертв, хотя б стократ он был исполнен жизни...

(«Хосров и Ширин». Пер. К. Липскерова)

В противовес Ширин, Лейли, Фархад и Меджнуну в поэме «Семь красавиц» Низами создал типичный образ властителя, чья человеческая природа «слаба и греховна». Бахрам легко обольщается внешней оболочкой, поддается «колдовским силам», влекущим его к красивым женщинам.

Низами вслед за Платоном и Абу Али ибн-Синою делил душу на три «части», каждая из которых имеет специфический объект любви, а именно: 1) пища и половое удовлетворение; 2) победа, месть и превосходство; 3) знание и приобретение совершенства. У Бахрама развиты лишь первые, низшие части и силы души: ему чуждо чистое, идеальное чувство привязанности и стремление к нравственному совершенству. Смысл жизни он видит в удовлетворении животных страстей — в изысканной пище, неге и удовольствиях, победах в битве, в превосходстве над

другими, в ловкости, смелости, искусстве стрельбы и т. д. Любовь для него сводилась к удовлетворению плотских пожеланий, времяпрепровождению в обществе красивых рабынь, наложниц и царевен. Бахраму в голову не приходит, что настоящий влюбленный должен стремиться к слиянию с гармонично настроенной родственной душой. Как наглядно показывает Низами, любовь во всех ее проявлениях для Бахрама — свойство тела, а не души. Он хочет «создать рай для своих страстей» и поэтому недолго думая, в зените могущества и славы, одновременно женится на семи царевнах из семи краев земли, поселяет их в специально возведенных семи сказочных дворцах и раз в неделю посещает каждую из них.

Как отмечалось выше, цвет каждого дворца соответствовал цвету одной из семи известных в то время планет, покровительствующих дням недели и семи поясам обитаемой части света. Каждая царевна рассказывала Бахраму «волшебные старые повести».

По своей увлекательности, эмоциональной насыщенности и напряженности действия, тщательности отделки, богатству образов, событий, сюжетных поворотов, яркости изображения характеров эти «выставные» повести Низами можно отнести к шедеврам мировой литературы такого жанра. В повеллах Низами впервые использует и фантастические сюжеты, но преподносит их так реалистично, человеческие эмоции и поступки изображает так верно и правдиво, что читатель забывает о неправдоподобности описываемых событий. В рассказах наряду с людьми участвуют феи, перы, злые духи, демоны и т. д., но все они так «человечены», что самые искусственные ситуации выглядят у Низами жизненно. Мораль некоторых новелл-сказок призвана иллюстрировать мысль Низами о том, что для достижения счастья человек должен обуздать свои низменные инстинкты, подчинить телесные страсти разуму, быть воздержанным в удовлетворении плотских потребностей. К этим новеллам относятся сказки индийской, туркестанской, хорезмской, славянской царевен. В них ослепленные духом герои добиваются счастья, а рабы низменных страстей оказываются в аду. К последним полностью можно отнести характеристику, данную поэтом Бахраму:

Вспомни: в ад поверг Бахрама рай его страстей,
В этом царстве двух обманных, мимолетных дней.

Конечно, не следует упрощать целевую установку указанных новелл. Помимо общей дидактической задачи, в указанных рассказах Низами решает целый ряд других художественно-этических и эстетических проблем. Так, в новелле «Бишир и Мелиха» поэт создал яркий образ самодовольного нигилиста, который ни с чем не согласен, ничто в жизни его не устраивает. Тут следует заметить, что вполне или невольно отрицательный герой новеллы получился интереснее и красочнее, чем положительный. Единственное преимущество Бишира над бунтарем Мелихой в том, что он более благочестив и богобоязнен, сумел подавить охватившую его страсть и поэтому добился счастья. Однако вместе с тем в уста Мелихи поэт вложил такие научные суждения, идущие вразрез с ортодоксальной религией

и официальной теософией, которые поражают своей новизной и глубиной. Может быть, поэт специально создал образ Мелихи, чтобы вложить ему в уста эти идеи.]

Новелла Магрибской царевны представляет собой аллегорию: под демонами и злыми духами, глумящимися над египетским купцом Маханом, поэт подражал низменным страстям. Сказка же о Хейре и Шерре (Правде и Кривде) своим содержанием восходит к так называемым «странствующим» сюжетам мировой литературы: здесь повествуется о борьбе добра и зла, из которой добро всегда выходит победителем.

Особо следует остановиться на новелле славянской красавицы. Сюжет этой новеллы восходит к древнеславянским традициям, ко временам, когда власть князя наследовал муж его дочери. Поэтому князя часто с помощью различных уловок оттягивали замужество дочерей, придумывали разные способы, чтобы устранить женихов, и т. д. Эта тема нашла отражение в русском фольклоре, а отсюда проникла в литературу и фольклор восточных народов. Аналогичный рассказ имеется, например, в «1001 ночи».

В повеллах Низами уделяет особое внимание символике цветов и чисел. Как известно, число семь в средние века считалось священным: семь планет, семь дней недели, семь небес, семь основных цветов, небесный престол о семи ножках, семь храмов огня, семь обитаемых поясов земли и т. д.

С необычайным мастерством поэт раскрывает эту символику цветов. Дочитав до конца каждую новеллу, доводы царевен в пользу избранного ими того или иного цвета, читатель каждый раз убеждается в справедливости этих доводов и преимуществе данного цвета над другими.

Для иллюстрации сказанного можно сослаться на новеллу индийской царевны о городе, прозванном Обителью скорбей, все население которого носило черную одежду. Герой новеллы на собственном опыте познает одну печальную истину, которую скрывают жители злополучного города. Этот герой получает редчайшую возможность вкусить подлинной любви с прекраснейшей Тюрктас, но он оказывается недостойным таких даров. Бессильный обуздать собственную плоть, он «охлаждает» свою чувственность в объятиях рабынь своей возлюбленной, чью деликатную и нежную натуру ему не дано постичь. Растратив сокровища, которые ему были отпущены природой, герой новеллы возвращается в город черных и сам облачается в черные одежды. Символика этого цвета, таким образом, блестяще раскрывается всем содержанием повести, рассказываемой в черном дворце. Чернота ассоциируется здесь с угасанием огня в человеке, с мертвенностью его духа, с трауром по поводу бессилия человека перед своими низменными чувствами.

В таком же плане построено повествование во всех новеллах: каждая из них приурочена к определенному дню недели, планете (или светилу), которые, по представлению вавилонских астрологов, покровительствуют этим дням.

Пока Бахрам утопал в удовольствиях, наслаждаясь сладкой жизнью в своих семи дворцах, его визирь своей тиранией и лихоимством довел

страну до разорения. И вновь беспечность шаха приходится оплачивать дорогой ценой. Хакан опять собирает войска против Ирана. Лишь теперь Бахрам, наконец, постигает ту простую истину, что враг нападает лишь тогда, когда в стране царит произвол и насилие, что самая лучшая защита от врагов — это благоденствие подданных, процветание страны. Низамиты вводят в повествование еще одну новеллу, в которой он выводит очень важный в идейном плане образ простого, но наделенного мудростью пахотника. Последний открывает глаза Бахраму, рассказывая ему символическую притчу. Этим эпизодом поэт хотел сказать, что правителям полезно прислушиваться к голосу народа.

Паестух рассказывает Бахраму о том, что он покарал пса за то, что тот полюбил волчицу и поэтому ради удовлетворения своей похоти «продал» стадо волкам, которые безнаказанно растаскивали овец. Бахрам тут же решает проверить деятельность своего визиря, которому он доверил управление страной.

Бедствия узников, мастерски описанные Низами, поражают читателей своей правдивостью. Заметим, что рассказы заключенных возникли значительно позднее периода правления исторического Бахрам-шаха. Шесть из этих новелл впервые встречаются в знаменитой книге визиря могущественных сельджуков султанов Алп-Арслана (1063—1072) и Малик-шаха (1072—1092), Низам ал-Мулка (1063—1090) «Жизнеописание царей» (или «Книга о политике правления»), а также в «Насихат ал-Мулюк» («Насихатения царям») Мухаммеда Газали (ум. в 1111 г.). Как явствует из терминологии новелл, источником для Низами послужило «Жизнеописание царей» Низам ал-Мулка, а не книга Газали.

Безусловно, рассказы узников поэт ввел в художественную ткань своего произведения для того, чтобы ярче проиллюстрировать произвол, насилие, тиранию, творившиеся не во времена Бахрама, жившего в V в., а в современном ему обществе.

Шакзав визиря, восстановив порядок и благоденствие, Бахрам глубоко задумывается над своей жизнью, над смыслом существования и, наконец, начинает понимать, что он посвятил свою энергию и жизнь миру и забавам, забыв о высоких идеалах, о духовном величии. Он призывает дворня царевен в храмы огня:

Вечный пламенник под каждым сводом засветил,
В храмы пламени жилища страсти превратил...
Стал служить Бахрам, как богу, истине одной
И чуждался неизменно радости земной.

Конец Бахрама выглядит многозначительно: во время охоты он, преследуя необыкновенно красивого оленя, таинственно исчезает в пещере. По учению Низами, никакой дурной поступок не остается безнаказанным. Бахрам всегда ловил оленей, и не случайно providence послало ему в последний час как орудие судьбы оленя. Это выглядит символически, хорошо согласуется с общим замыслом поэмы, проникнутым символикой. Впрочем, Бахрам сам уже охладил к жизни и искал случая расстаться с ней.

Но не ловля, не добыча в степь царя влекла:
Сделаться добычей неба — цель его была.

Как явствует из этого бейта, жизнь больше не улыбалась ему; поняв, что он прожил ее не так, как следовало, разочаровавшись во всем, чему он посвятил свою молодость, Бахрам сам хочет покинуть этот мир, расстаться с неудавшейся жизнью.

Кончиной Бахрама поэт как бы предостерегает современных ему венецовцев, сильных мира сего, внушает, что жизнь дана им для благих свершений, для служения людям и обществу, для созидательного труда, а не для пустых забав.

Царь земной, стоящий в славе, словно небосвод,
В час негданный утратит славу и умрет...
Много давшие — величия обретут венец,
Но позор тебе, обжора алчный и скупец.
Только тот достоин вечной славы, кто добра
Людям хочет, ценит правду выше серебра.

Поэма полностью переводилась на русский язык дважды: Р. Ивным (Баку, 1947 и 1959) и В. Державиным (Москва, 1959). Вообще Низамы чрезвычайно трудно переводить на другие языки. Это признавал сам поэт:

Для науки безразлично, где какой язык ей служит:
Суть красавицы не тронешь сменой пестрых покрывал,
Для стихов переложенье на другой язык — смертельно,
Горд удачей, а вглядываясь, вытек смысл и дух пропад.

Проблема перевода произведений Низами на другой язык сопряжена с исключительно большими сложностями. В значительной степени это связано с тем, что до сих пор еще не выработан единый принцип для передачи образной системы, особенностей средств художественного выражения поэтическими средствами другого языка. Не случайно поэтому, что Шекспира, например, переводили на русский язык много раз; «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели переведен на русский язык неоднократно.

Низами повезло в этом отношении гораздо меньше, хотя он является одним из величайших поэтов всех времен. Как отмечал Е. Э. Бертельс: «Ознакомить русского читателя с творчеством такого исключительного поэта, как Низами, — задача крайне трудная. Первое и, может быть, самое главное препятствие, которое здесь приходится преодолеть, это, в первую очередь, вопрос о передаче формы поэзии тех народов, которые пользовались арабско-персидской метрикой, так называемым «арузом». Другая трудность — передача всего того изобилия образов, которыми переполнены стихи Низами. Поэзия Азербайджана в XII в. пользовалась особым стилем, который можно было бы условно назвать «орнаментальным». Характерная черта его — стремление к максимальному повышению веса каждого слова в строке путем введения многочисленных фигур, широчай-

шого использования игры словами, чему в значительной степени содействует полисемантичность лексики персидского литературного языка того времени. Совершенно очевидно, что весьма многие из этих фигур, особенно там, где использованы омонимы, в переводе сохранены быть не могут. Крайнее затруднение вызывают и метафорические эпитеты, приложение которых к данному имени обуславливается вторым и третьим его значениями¹.

Вместе с тем перевод Низами на русский язык открывает поистине неограниченные возможности перед переводчиком-творцом, ибо русский язык — один из богатейших мировых языков — способен передать тончайшие нюансы, краски, ритмику, образный строй оригинала.

К сожалению, на русский язык весь Низами был переведен фактически всего один раз — эти переводы были в основном приурочены к 800-летию Низами, отмечавшемуся в 1947 году.

Из-за отсутствия в то время полного и тщательно выверенного научно-критического текста произведений Низами, они неизбежно рождают неточности и искажения подстрочников, которыми пользовались поэты-переводчики. Добавим еще, что и требования, предъявляемые к качеству стихотворных переводов, за последние десятилетия значительно возросли, уровень их повысился, и с этой точки зрения не все они выдержали испытание временем.

Историческое решение ЦК КП Азербайджана о расширении изучения и популяризации творческого наследия Низами явилось передовым пунктом в развитии низамоведения в нашей республике, ярким свидетельством заботы нашей партии, ее Центрального Комитета о дальнейшем освоении бесценного духовного богатства, заключенного в бессмертных поэмах и стихах Низами.

В свете решений ЦК Компартии Азербайджана осуществлен и частично опубликован полный филологический перевод на русский и азербайджанский языки собрания сочинений поэта с обширными комментариями. После выхода из печати этих переводов будет объявлен всесоюзный конкурс на лучшие переводы поэм Низами.

Сейчас же предлагаем вниманию читателей поэму «Семь красавиц» в переводе покойного В. Державина, который в свое время много сделал для ознакомления русского читателя с шедеврами литератур народов Ближнего и Среднего Востока.

Проф. РУСТАМ АЛИЕВ

СЕМЬ КРАСАВИЦ

¹ Е. Э. Бертельс, Византийский поэт азербайджанского народа. В кн.: Низами. Пять поэм. М., 1946, с. 21—24.

ВОСХВАЛЕНИЕ

Ты, чьей благодатной мощью создан мир живой, —
Все в тебе! Во всех явлениях виден образ твой.

Ты — начало сотворенья и венец вещей,
В бесконечном завершенье и конец вещей.

Ты — строитель сводов неба — ярко засветил
Сонмы звезд и земнородных в круг объединил.

В беспредельном светит щедрость вечная твоя,
О создавший, населивший лоно бытия!

Зодчий мира, устроитель всех частей его,
Ты — во всем, ты — созидатель сущего всего.

Жизнь и смерть — и все начала мира и концы —
Все в тебе, — так в откровеньях молвят мудрецы.

Ты не в зримой оболочке людям предстаешь,
А в явлениях бесконечных, что ты создаешь¹.

Тайной сутью жизни живы в мире существа,
Но тобой — твоею сутью, жизнь сама жива,

Ибо ты — душа вселенной, мира существо,
Ты питаешь все живое и хранишь его.

Имя — всех имен начало — тайное творца —
Начинания начало и конец конца.

Самый первый среди первых на счету веков,
И последний из последних ты в конце коннов.

Необъятный круг свершая, льется бытие,
Возвращаясь снова в лоно вечное твое.

Моего воображенья путь к тебе закрыт,
Хоть, стремясь к познанию тайны, разум мой парит.

Ты вовек не рождался, породив других...
Все в тебе. Другие — ветер на путях твоих.

Ты единой мыслью дальний озаряешь путь.
Ты предвидения светом наполняешь грудь.

Если низкий всей душою склонится к тебе,
Ты, как свет во тьму, нисходишь и к его мольбе.

Утру ты даешь сиянье, цвет и блеск — весне.
Ты повелеваешь солнцу, звездам и луне.

Черный ты шатер и белый над землей простер, —
Белый — солнцу дал, а черный — месяцу шатер².

Как рабы твои, посменно пред твоим дворном
Ночь и день чередой проходят пред твоим лицом

И добро и зло твоею волею творят.
Ничего своею волей в мире не вершат.

Разум яркий, как светильник, ты в молву вместили —
Отражение горящих на небе светил.

Но светящий ярко разум — так устроил ты —
Смотрит в глубь себя и светит вне своей черты.

Если разум будет твердым на твоём пути,
Не заблудится в сомнениях на любом пути³.

Жизни суть — душа, и в тело наше вложена,
Но никто из нас не знает, где живет она⁴.

Ты же — все. Но кто укажет в мире — где твой дом?
Как тебя представить можем смертным мы умом?

Ты наш вождь, но кто помыслит о твоём вожде?
Вездесущий — ты повсюду; всюду — и нигде.

Мы семи небес частица; но, тобой полны,
На семь бездн от вечной тайны мы отделены.

Даже тот, кто в просветленье путь к тебе найдет,
Пред лицом твоим от страха вежд не возведет.

В мире все — от мрака ночи до дневных лучей —
Все нуждается в могучей помощи твоей.

Ты сплетенье судеб мира изменяешь сам;
Их сплетенье, их движение непостижно нам.

Не сказал бы ты — не стало б ни добра, ни зла,
И сама собой былинка в поле б не росла.

Ты рождаешь из гранита и бесплодных глин
Влагу твердую алмаза, огневой рубин.

Весь вращающийся в мире звездный небосвод
Суетится и кружится у твоих ворот⁵.

Тень лишь на твоей завесе всякий дух живой,
Все — ничто, а все живое создано тобой.

Разве доброе и злое людям от светил?
Сами звезды под влияньем злых и добрых сил.

Если в самом деле звезды счастье нам дарят,
Родился б от звездочета славный Кей-Кубад.

Среди многих звездочетов разве ты встречал
Одного, что путь по звездам к кладу отыскал?

Но невежда звездочету деньги дать спешит,
Что Маррих от Утарида вряд ли отличит.

Тайны звездного движения и пути планет
Изучал я — и в науке мне открылся свет⁶.

В древних книгах, в шуме листьев тайну я искал...
И нашел тебя, и новый путь мне заблестал.

В божьей я нашел причину и венец всего,
Я над всем тебя увидел — свет и божество.

Ты, под чьей благой защитой дух живой окреп,
Сам для нас в печи бессмертья выпекаешь хлеб.

У ворот своих, о божье, ты меня возвысь,
У ворот людской гордыни в прахе не унизь.

Сам, о божье, дай мне хлеб мой — не из рук чужих,
Ты — кормящий птиц небесных и зверей степных.

С юных лет не отвращал я от тебя мой взгляд,
Не ходил к вратам другим я от заветных врат.

И дверей своих пред нищим я не закрывал,
Ибо хлеб мой и достаток сам ты мне давал.

Я состарился на службе у тебя в саду,
Помоги мне — чтобы вновь я не попал в беду!

Боже! Как такое слово произнести я мог?
Если ты — мой покровитель, мир весь — мой чертог!

Я погряз в мирских заботах... Снизойди — спаси!
Ты один — моя надежда, так приди — спаси!

С жалобой к кому идти мне, о защитник мой?
Кем я буду принят в мире, если не тобой?

Хоть и много тайн глубоких укрывает свет,
Для тебя во всей вселенной тайны скрытой нет.

То желанье, что изречь я даже не могу,
В глубине почти душевной, ибо я не лгу.

И о том, о чем тебя лишь я просить могу,
Втайне, только пред тобою возгласить могу,

Если даже не исполнишь просьбы ты моей,
И отверженный — с тобою я душою всей.

Коль открою тайну людям — буду им смешон,
Пред тобой открою — духом буду вознесен.

Ты, могучий, чьей защиты просит Низами,
У него своей опоры ты не отними.

Ты возвысь его превыше всех земных владык,
Пусть он будет благородством истинным велик

До поры, когда предстанет он перед тобой
Вместе с сонмом пробужденных судною трубой⁷.

ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА МУХАММЕДА

Круг великий, проведенный циркулем творца,
Это круг начала мира и его конца¹,

Плод, что вырастил нам древний сад семи небес²,
Светлый перл в венце сознания и в венце словес, —

Кто же он — над прахом дольным довременный свет?
Это он — посланник бога, светлый Мухаммед.

Шах пророков, — весь огромный мир — его дворец;
Шариат как меч в деснице, а мирадж — венец.

Он — пророк, четыре силы мир свой в нем нашли.
Тень для огненного неба, свет он для земли³.

Он на дню пять раз молился, славя божество⁴.
Четверо друзей достойных было у него.

Все — ничто. Он — смысл. За это в мире он хвалим.
Он — посланник. Имя бога вечное над ним.

Он был первым комом глины, что размял Адам.
Сито — он. На нем — осадком оставаться нам.

И когда пойдет в последний круг свой небосвод,
Отпущения и прощенья он хутбу прочтет.

То запретно, что от века запретил нам он.
Правда — он. Его веленье чистое — закон.

Бедностью своей гордился он, а не страдал
Из-за бедности. Он миром высшим обладал.

Он — сиянье, пред которым блекнет яркий день.
Так, когда в зените солнце, исчезает тень.

Стал он вечною опорой правды бытия,
Щит он праведный, твердыня, мудрый судия.

Восстающих против правды поражает он.
Падших на троне опасной подымает он.

Праведным, добро творящим, — он творит добро,
А неправедным и злобным сокрушит ребро.

Меч свой он несет ошую — в наказание злым.
Одесную — мир скорбящим и бальзам больным.

Светлый меч его — в несчастье верных защитит,
А бальзам все злые скорби сердца исцелит.

Все, кто на него походных оседлал коней —
В злате паперсей и блеске боевых ремней,

Где они? Века промчались... После стольких лет
Средь рабов его обозных их отыщешь след.

Хоть господь его лишь выбрал, промыслом велик,
И избраннику на радость небеса воздвиг,

Для лазурных глаз пророка, чей так светел взгляд,
Крин расцвел недостижимый, а не этот сад.

Путь семидесяти тысяч всех грядущих лет
Здесь семитысячелетья будет чтить завет⁵.

Ангелы на небосводе, что темней сурьмы,
Звездами ему светили средь полночной тьмы.

Четверо его избранных, славны и сильны⁶,
Встали в мире, как четыре вечные стены.

Луч его очей яснее был, чем взгляд Орла,
Никогда не смолкнет в мире в честь его хвала.

Пальма высохшая будет фиников полна —
Лишь его дыханья к пальме долетит волна.

В мускусном его дыханье каждый дух живой
Радугой горит меж небом синим и землей.

Вечный дух его трепещет в естестве живом.
Мир — престол. А он — пресветлый Сулейман на нем.

Чудо! Вместо терна — груды фиников лежат!
Финики подошву вражью словно терн извят!

Ножницами, что пречистым вверены рукам,
Яблоко луны избраннык делит пополам⁷.

И когда стрижет он ногти, звездный небосвод
Серпиками эти ногти лунными зовет.

Лучшее творенье бога — он принял венец
Избранного, что из смертных сам избрал творец⁸.

Да прославится вовеки — в мирадах лет —
Избирающий! Да светит Избранного свет!

О МИРАДЖЕ ПРОРОКА¹

И не стал вмещаться в мире вещего венец.
И в мирадж призвал пророка истинный творец.

В поводу ведя Бурака, ангел Джабраил,
С высоты сойдя, пророку тайну возвестил:

«Встань! Земной своей стопою на небо ступай!
На коня садись, дорогой ветра поезжай!

Знай, о Избранный, сегодня наступил твой срок!
Этой ночью в светозарный ты войдешь чертог.

Я пришел с благою вестью. Сквозь надзвездный мрак
Ввысь помчит тебя крылатый твой скакун Бурак.

Конь твой молнии быстрее к цели прилетит.
Будь отважен! Он сегодня — твой надежный щит.

Скакуна гони высоко, ибо ты — луна.
Ты — владыка. Мчись по звездам, власть твоя сильна.

Шесть возьми великих граней у семи планет²,
И тебе девятисводный покорится свет.

По хребту небесной Рыбы ты коня гони,³
Шен ангелов арканом в скачке захлестни,

Чтобы их сердца любовный опалил огонь,
Чтобы, чистя померанец, ранили ладонь...

В небе, под своим подножьем, башню сотвори
И кудрей своих снянем башню озари.

Пред тобой луга ночные благовонья льют,
Духи неба в ожиданье радостном поют.

Как египтянки к Юсуфу — в дни его весны, —⁴
Гурии к тебе любовью воспламенены.

Странникам в ночной пустыне посылай свой свет!
Странник новый, сам раскройся, как садовый цвет!

Эта ночь — твоя. Молитву жарко вознесешь —
И, чего ты жаждешь сердцем, все ты обретешь.

Так воспрянь! К престолу неба возведи свой взор!
У подножья трона неба свой разбей шатер!

Озарись предвечным светом, тайну изреки,
Издали лучом горящим землю разреки.

Внемли тайне, что не могут выразить слова,
И возвысишься над всеми, ибо ты — глава.

Подними в венце высоко голову свою,
Завоюешь оба мира в духе, не в бою.

Огневой коня подковой пыли вихрь взмети,
Прямо в небо мчись. Иного нет тебе пути.

А за то, что истомился ты в своих трудах,
Изумрудный стяг твой будет реять в двух мирах!»

Мухаммед от Джабраила тайну ту принял,
И душой пред откровеньем он возликовал.

Перед солнцем откровенья духом светлым тмим,
Серьги рабские подвесил он к ушам своим⁵.

Джабраил — посланец неба — предстоял пред ним.
Он же был пророк, был верен по делам своим.

Два доверенные стража божией казны —
Небом тот, землею этот были рождены.

Неполнитель божьей воли — тот доставил весть,
А пророк был удостоен внять посланцу здесь.

Он бессмертный светоч духа — правду возлюбя,
Солице правды добровольно принял на себя.

Подвиг, словно ожерелье, он с себя не снял,
Из петли аркана неба шен не изъял.

На седло коня Бурака он взлетел, как дым,
Плеть в его руке витая, чудо-конь под ним.

На ниспосланного небом скакуна он сел.
Легче горной куропатки конь его взлетел.

Мчался конь. И от подобных молнии скачков
Осыпались перья с крыльев четверых орлов⁶.

С пог коня слетали перья — языки огня.
Как летучий трон Кавуса серп на лбу коня⁷.

Вскоре мир земной объяла неба глубина,
Под копытами блистала яркая луна.

Видел ты, как мысль живая молнией летит,
Как небесный меч, из ножен вырванный, блеснит?

Видел ты, как мчится в мире разум огневой?
Видел ты, как благородством блещет дух живой?

Мчался конь. Все кони мира хромы перед ним.
Был полет его пространством вечным не тесним.

И когда его копыта над землей взвились,
Северный и Южный полюс на земле зажглись.

В час, когда над полюсами Избранный парил,
Истинно — во всеоружье он духовном был.

Меж созвездьями Избранник божий пролетал,
Книгу темного пространства он перелистал.

И через врата вселенной устремил полет.
Далеко внизу остался твердый небосвод.

Он летел по недоступным миру небесам,
По путям светил, доверясь ангельским крыльям.

В эллиптическом движении он луну настиг,
И с тех пор сияет чище яркий лунный диск.

Утарид же озарился серебром венца,
Запылал, как печь для вечной выплавки венца.

Поутру он над Зухрою светлой пролетел,
И блестящей тучей руги он ее одел.

И, приблизившись к престолу неба, наконец,
Золотой на темя солнца возложил венец.

А когда свой плащ зеленый Мухаммед надел,
Перед ним Бахрам багряным светом заблестел.

Муштары увидя в язвах с головы до пят,
Исцелил его Избранник, жалостью объят^а.

А когда венец Кейвана тронул он ногами,
Чистой амброй напиталось у Кейвана знамя.

Конь летел, как предрассветный мягкий ветерок.
На коне, как лев, избранник божий и пророк.

Мчался рядом с ним крылатый вестник Джабраил,
Он у дальнего предела бег остановил.

Осадил коня Бурака всадник Мухаммед
У черты, где блещет вечный неизменный свет.

Тут отстал от Мухаммеда вестник Джабраил,
Смело в лестницу аркан свой путник превратил.

В зыбку он взглянул, где дремлет ангел Микаил
У чертога, где сияет в славе Исафил.

Ангелы покров с престола бога унесли —
И бессмертный свет забрезжил перед ним вдали.

Он на полпути оставил область бытия,
Встал на путь он отречения полного от «я».

Бездну он проплыл, как в волны погружаясь по грудь,
В неизменном миновал он небывалый путь.

Выплыл он, перед престолом Вечного предстал —
И, в смятенье, место тайны вечной увидал.

И душа от изумленья в нем изнемогла.
И тогда к нему аллаха милость снизошла.

Лестница к подножью бога перед ним была
В расстояние, что из лука пролетит стрела.

Подошел он, край приподнял тягостных завес,
Море солнц узрел, блистанье тайны и чудес.

И в сиянии бессмертного света и венца
Он увидел лик прекрасный самого творца.

Тень сомнения от сердца Вещий удалил,
Он от низменного вежды светлые омыл.

Не остановил он взгляда больше ни на чем,
Хоть кругом хвала гремела, как небесный гром.

Там ни верха нет, ни низа; свет, простор кругом.
Шесть исчезли измерений — считые в одном.

Шесть великих измерений — все ничто пред тем,
Перед кем тесны пространства, гром небесный нем.

Измерения, что служат лишь для нужд земных,
Там — ничто. Престол вселенной не вместится в них.

И пророк, увидев бога, из души исторг
Тьму и скорбь. Его великий охватил восторг.

Он увидел пред собою тайны вечной трон,
Место бога — вне пространства, вне земных времен.

И воспрянул к Новой Жизни он душой своей.
Но в пределе сокровенном не было людей.

Разве в мире бесконечном направление есть?
Разве далям бесконечным измеренье есть?

Бестелесного в надмирном Вещий увидал
И без уст, без слов — от бога тайну услышал.

Он испил из чаши тайны. Полный новых сил —
Разрешенье возвращенья к миру получил.

Эта чаша — счастье. Кравчим верный разум был,
Временное он и время вечное забыл.

Восприняв из рук господних звездный свой халат,
На землю пророк вернулся, благостью объят.

И сподвижникам поведал тайну в тот же час,
Снизвошел душой к несчастным, душу грешных спас.

Низами! Доколь ты будешь голову склонять
И доколь — паденья ради — высоко стоять?

Царство вечное старайся духом обрести!
По следам иди пророка, по его пути!

Если разум наш глубокой памятью богат —
Помни, что спасенье наше — светлый шарнат.

О ПРИЧИНЕ СОСТАВЛЕНИЯ КНИГИ

В день, когда, благоволеньем истинным дари,
Прибыло ко мне посланье тайное наря,

Ощутил я за спиною крылья, как орел,
Перья на широких крыльях новые обрел.

Было в свитке начертанье царственной руки:
«Друг, из бездны этой ночи месяц извлеки!»

Но чтобы его завесой гений твой облек,
Чтоб его непосвященный увидеть не мог.

Чтоб, словам твоим внимая — чуду глубины,
Чароден всей вселенной были сражены.

Брось на угли благовонья, преломи печать,
Чтобы жарче пламя тайны начало пылать.

Воск преданий над багряным жаром размягчи,
Мы за то тебе вручаем милости ключи.

Не тащись в поспехах тесных, в этой пыльной мгле,
О певец мой, полно ездить на хромом осле!

Если ты чихнешь спросонья десять раз подряд —
Ветер утренний наполнит благовоньем сад,

Ветер амбровый, что рябью серебрит реку
И деревья превращает в мускус на шелку.

Пусть живое вдохновение книгу озарит,
И тебя за это щедро царь твой одарит!

Ты деянием нелегким будешь утружден,
Но сокровищами шаха будешь награжден.

Коль на листьях виноградных не блеснет слеза,
Не родит своих сокровищ осенью лоза.

Где охотник, что без кости в поле видел мозг?
Где без пчел, в саду сиующих, взять нам мед и воск?

Быть дождю нельзя без тучи, морю — без реки.
Печь затоплена, о пекарь! Хлеб свой испеки!

Ждем начала представленья! На людей взгляни,
Темный занавес раздери и зажги огни!»

Я в тот день, когда посланье это прочитал,
С мирной радостью простился и в смятенье впал.

Тут искать я в старых книгах начал без конца
Быль и сказки, что могли бы радовать сердца.

К «Шах-наме» я обратился. Прочитал я в ней
О деяньях древних шахов и богатырей.

Фирдоуси — певец великий — все в стихах своих
Сладкозвучно нам поведал о веках былых.

И когда он драгоценный выиграл рубин,
Многие обогатились от его крупин.

И от «Шах-наме» — рубина — я осколок взял
И оправил, чтоб осколок ярко засверкал.

Чтобы люди во вселенной песнь мою прочли,
Чтоб мою перед другими книгу предпочли.

Что учитель подсказал мне — я договорил
И в забвенье пребывавший жемчуг просверлил.

Что я правильным и верным в книге находил,
Ничего в преданье древнем я не изменил.

Но, творенье создавая, все же я хотел,
Чтобы блеском небывалым сказ мой заблестел.

Углубился я в сказанья, стал вникать во тьму
Тайн, рассеянных когда-то по свету всему.

На арабском прочитал я все и на дари,
Книгу Бухари прочел я, книгу Табари.

Чтобы не было пробелов, не было потерь,
Переполненных хранилищ отпирал я дверь.

Пехлевийские в подвалах свитки я искал,
Со свечою — по листку их бережно сшивал.

И когда все книги предков изучил я сам,
Изохрился, окрылился быстрый мой калам.

Я ответил Сулейману: «Путь опасен мой, —
Мудрецы потом смеяться будут надо мной...»

Словно Зенд, я сказ украсил пламенным пером.
Юных семь невест блистают красотой в нем.

Пусть Небесные Невесты раз на них взглянут²
И еще светлей и чище над землей блеснут!

Чтоб вовеки им друг другом не пренебрегать,
Чтобы в блеске им друг другу вечно помогать

Есть у нас семь черт гаданий древних на песке³,
Пусть же смысл их будет явью у меня в руке!

Если десять живописцев образов творит,
Правды нить — в одном хотя бы — пусть он
проследит!

Если он черту неверно кистью проведет,
То в его картине зритель правды не найдет.

Хоть Бахрама нить в сказаньях криво шла досель,
Правда в мире не исчезла и ясна мне цель.

Я — певец — по этой нити в лабиринт спущусь,
В сторону от этой нити, верной не собоюсь.

Нить единственная в мире, за нее боюсь,
Все ж панизывать я жемчуг на нее берусь.

В сотнях речек омовенье, верный, соверши,
Лишь тогда найдешь источник света и души.

Порождается из капли человек живой,
Словно в море перл из капли вешней дождевой⁴.

Я — жемчужница, в которой чистый перл растет,
Дай же мне воды и хлеба от твоих щедрот.

Дар моих благодетелей — весь в моих словах;
Ты ж — высок и щедр, как небо, о мой светлый шах.

Что слова? Что щедрость? Мне ли говорить про то?
Счастье — в свете откровенья, сам же я — ничто.

Ты Стрельца и Скорпиона людям отнеси:
Это — злой Махмуд и вечный светоч Фирдоуси⁵.

Был любим Абу-Дулафом древний Асади,
Как он счастлив был!.. О сердце бедное, гляди!..

Что я говорю? Поток слов я увлечен?
Я, как море у Адена, тучей окружен.

Коль рассеет перлы туча — и сама тогда,
Словно раковина, станет в верности тверда.

То, что туча проливает дождевой водой,
Раковина превращает в жемчуг дорогой.

Кто я? Джабраил. Вручили джинны мне калам,
Сокровеннейшее вверил я живым словам:

«К джиннам, волшебству учащим, снова воззови!..
Наступил новруз, одежды слова обнови!»⁶

Скрой цветным плащом от дивов каждый слог и стих,
Чтоб лишь Сулейман проникнул в смысл глубокий их.

В нем нищ меня. Одним лишь им мой смысл высок,
Без него я — козлей шкуры высохший кусок.

Я не знак на камне перстия, я лишь воск простой,
Медя я лишней, хоть долго пел, гудел пчелой.

Ты — печать свою на воске чистом утверди,
Ты — своим изображеньем дух мой услади!

Счастье ждет меня пль горе и позора мрак, —
С благодарностью приму я избранный твой знак.

Полноценные монеты при подборе слов
Я дарю тебе. Измлада сердцем я таков.

Если амбру, что собрал я на своем веку,
Не продам — пусть будет мускус на твоём шелку.

Все, кто шли на подвиг слова, все изнемогли,
Труд великий совершая, и навек ушли.

Я — грандиозик самоцветов; чище жемчугов,
Я называю нищ драгоценных слов.

До меня никто столь щедрым слогом не писал,
До меня никто так много словом не сказал.

Пусть я немог, пусть беден я в своих стихах,
Но зато живет глубокий смысл в моих словах.

Мир поднес мне кость без мозга, как виденье сна,
Но сладчайшим костным мозгом мысль моя полна.

Хоть напрасно я у древних выхода ищу,
Я от древности и ныне лик не отвращу.

Может быть, мне сил не хватит жемчуг шлифовать,
Разве можно мерою чаши ветер исчерпать?

Что же? В мощь свою, в умение долго верил я,
Но заветных кладов мысли не измерил я.

Много недр забытых кладов вскрыл я сторяча,
Но к сокровищнице духа не нашел ключа.

Хоть ко мне хранитель кладов благосклонен был,
Я с молитвой, но, как прежде, нищим уходил.

Низами! Вот твой мессия, твой живой калам!
Память же твоя подобна пальме Марнам⁷.

Ты плодоноси, покамест ты и бодр и жив.
Счастье ты познаешь, ибо ты уже счастлив⁸.

ХВАЛА СЧАСТЛИВОМУ ПАДИШАХУ, ДА ОЗАРИТ ЕГО АЛЛАХ

Сердце, ты доколь скитаться будешь в темноте?
И доколь мечтать ты будешь о своей мечте?

Нет, я отойду от этой гибельной черты,
Лучше вовсе откажусь я от своей мечты.

В том кругу, что очертил нам вечный небосвод,
Родились четыре песни громче внешних вод:

Первая — перед престолом вечного парит,
Чье величие держит звезды, миру жизнь дарит.

А вторая песнь — пророку. Он оставил нам
Знамение обновления, завещал ислам.

Третья песнь — владыке мира слава и хвала, —
Эта песнь из уст поющих перлы извлекала.

Песнь последнюю — да слышит светлый падишах:
Наставленье в ней, как мудро мир держать в руках.

Повелителю пространных поясов земных
Вручены ключи иклимов и сокровищ их.

В блеске мощи государство утверждает он,
Небывалое величие создает он.

Сколько он царей и шахов посадил на трон,
Сколько роздал он сокровищ, раздарил корон!..

Он опора всей державы, солнца веры страж,
Века и земли хранитель, повелитель наш.

Он Курпа-Арслан великий — покоритель стран,
И превыше и славнее он, чем Али-Арслан.

Он Махди — спаситель мира и вселенной свет,
Солнце он. Славнее царства не было и нет.

Он Рустам. А конь небесный, словно Рахш, под ним.
Он велик и мир величием одарил своим.

Он величием равен небу, щедр, как облака,
Словно лапа льва, владыки мощная рука.

В те века, когда был заперт бытия замок,
Беспредельный мир из перла словом бог извлек.

Он — тот мир. Подобьем млечной брезжущей реки,
Мириады перлов льются из его руки.

Весь бескрайний мир — страница дней его земных,
Капля милостей владыки — пена волн морских.

Все живое славословит, мудрого хваля,
И покорны государству море и земля.

Он главой вознесся к небу, трон его высок,
Он одним объемлет взглядом Запад и Восток.

По сиянию и славе он, как ангел сам,
По величию — как сводный брат он небесам.

Он врага во тьме отыщет пламенем луча
И пробьет его кольчугу молнией меча.

Род могучий Аксакора держится на нем
И достойный подражания образ видит в нем.

Он велик, сама победа бьет ему челом,
Смуты смолкли, войны стихли, мир настал при нем.

Над горящим водоемом он воздвиг столпы,
Даже воздух веет амброй от его троны.

В страхе вражий конь на брюхо падает пред ним,
Лев, поджавши хвост, уходит, ужасом гоним.

Кровь лозы он льет на пире. И пред ним тогда
Поднимается, пылая, пламя изо льда!

И когда на бой он точит острие коня —
Минуты! день грозит последний лону бытия.

А когда он оттирает щедрости родник,
Он в дарах неисчерпаем, в доброте велик.

Он, как море, — не убедит, вечно волны мча.
Меч его — прилив вечерний, а отлив — камча.

Волны он меча ударом волеи подымать
И, камчой касаясь, волеи вспять их отгонять.

Словно Муштари, он блещет светочем огня.
В тьму глубин Кейван уходит от его коня.

Если на спине дракона льва не видел ты
И с мечом горящим солнце в блеске высоты,

То взгляни на шаха в битве пред толпой рабов,
Как сжигает он дракона и хватается львов.

У него дракон на стяге, Острием коня
Поражен, дракон извился в кольца, как змея.

И от стрел его, летящих с тетивы в простор,
Львы и тигры поредчали среди пустынь и гор.

Перед ним медведь кривлянье бросит, устранив.
Но кривляться, как медведя, льва заставит он.

Много львов, волков и барсов пало от него,
И стелным онаграм тесно стало от него.

Киноварью закидает дол его охот,
Одеянья он у барсов и волков берет.

И когда за лук берется шахская рука,
Вепрь скрывается в высокой чаще тростника.

И когда в стрельбе искусство кажет он свое,
Делается шкура лани саваном его.

А когда на поле рати выйдет властелин,
Камеш под его копытом рдеет, как рубин.

И, как небо, что вздымает дымы над землей,
Лезвием стальным блистает меч его кривой.

Славен он в пирах и в битвах. Душу отберет
Он мечом, а полной чашей снова жизни вернет.

И величие и славу вместе с ним делая,
Просветлеет ясным взором темная земля.

Клясть художника — природы парковой существо, —
Мускус в пазухе, рубины в рукавах его.

И они благоуханье миру принесли,
Стали нитью ожерелья на груди земли.

Над его парчовой ризой, между гор и вод,
Шлему светлому подобен чистый небосвод.

Если лук берет и стрелы он, открыв колчан,
Скажешь — на экватор неба лег меридиан.

И четыре основания сущего всего —
Лишь подушки на кровати царственной его¹.

Враг его секирой острой подсечен в корнях,
Четырьмя гвоздями распят на его дверях.

Мы в лучах его блистаем золотом луны,
Но, как зинджи, вражьи лица перед ним черны.

Что ж, ведь золотой подковой вечный небосвод
И алмазы и рубины россыпям дает.

В честь его алмаз в отвале камня засверкал
И огнем во тьме рудиничной засветился лал.

Горы — мощью он, а море — силою дарит, —
Яхонт славы этой силы блещет и горит.

Он на страже в двух покоях вечного дворца,
Страж он вили человека и слуга творца.

Он о щедрости вселенной внемлет тайне слов
И доводит откровенье до ушей рабов.

Пусть победоносный светоч славы он несет,
Пусть хранит его бегущий быстро небосвод.

Пусть владыку долголетьем небо одарит,
Пусть он долго и счастливо на земле царит,

А звезда его потомков дальних и сынов
Пусть луной заблещет полной на века веков.

Пусть в лучах двух зорь, обставших синий небосклон²,
Как немеркнувшее солнце, миру светит он.

Вот два солнца на престолах нам дают обет
Охватить лучами света весь бескрайний свет.

Тот, как Фаридун, познанием мудрых наделен
Этот, как Хосров, душою к небу устремлен.

Имя одному — Победа; знак его побед³
На венце и троне шаха излучает свет.

А другой по гороскопу стародавних лет
Назван — «Небо», и зовется он еще «Ахмед»⁴.

То два имени в двух формах корня одного:
Мухаммед, Ахмед — две формы имени того⁵.

Эти имена, как звезды, блещут на бегу...
Но взглядишь, они в едином движутся кругу.

Два зубца, изображенных линией одной,
Созданы одним каламом и одной рукой.

Ключ к победам постоянным одному вручен,
А другой победоносно к небу устремлен.

Этого скакун победы в пыль сражений мчит,
А другой от неба принял меч и светлый щит.

Этот три воздвиг подножья отчего дворца,
А другой воздвиг четыре пред лицом творца.

Пусть всегда они, подобно ясным двум зрачкам,
Служат шаху в этом мире, вечно светят нам,

И меж полюсов, где арки пламени встают,
Зорко — с севера и юга — царство стерегут.

Пусть, как дичь, в тенета шаха счастье попадет,
Пусть безоблачно и мирно век его идет.

Над челом его победно пусть лучом блеснет
Яркий свет, что дал вселенной Мухаммедов род.

Пусть ему эдем откроет светлая Балкис!¹
Вечь над дождем Сулеймана сонмы звезд зажглись.

Пусть планетам угодит он щедростью своей,
А Балкис пусть будет первой в сонме матерей.

Пусть, как имя Хызра, имя шахское блеснит,
Пусть он мир водою жизни чистой напоит.

Тень пророка, от которой нам струится свет,
Пусть от ветра охраняет этих роз расцвет.

Землю осенил могучий Сулейманов щит.
Вечно пусть его держава на земле стоит.

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕЛУЮЩЕГО ЗЕМЛЮ

Ты — пред чьим венцом покорно судьбы склонены,
Оживи венцом и тронем жизнь и цвет страны!

Вечер — твой слуга, чья кожа смуглая черна.
Только вместо колокольца у него — луна¹.

Дышитесь легко, свободно ранним утром дня,
Ибо утро держит стремя твоего коня.

Темнокудрая приходит ночь — рабой твоей,
Веет амброй сад в просмы царственных дверей.

День — блистающий румец — вмиг бы диндажем стал,
Если бы служить сардаром шахским перестал².

Щедрой скатертью небесный обладает свод,
Но на скатерть лишь два хлеба за день он кладет³.

Хоть у нас в достатке с небом и сравнения нет,
Все же мед несешь ты в чаше для семи планет⁴.

Перстень помощи небесной — перст предвещных снов —
На твое чело и царство знак свой положил.

Зодиак, в котором солнце искра лишь всего,
Как кушак на пояснице царства твоего.

И луна, которой тропом служит небосвод,
С головой твоею провесь над землей встает.

По сравнению с тобою влага родника
Солона, мутна, как лужа среди солончака.

Пред твоим великодушьем и скала мягка,
Пред твоею добротою и гора легка.

Посмотри, тисеславия полей, — каждый виден
Тучи щедрости и широких полей рукава;

Зимние все тучи эти. Лишь твоя одна
Рождена весенним солнцем, жемчужной поля

Шах иной, хоть дарит чашей, крош. сверхва крош. —
Он сначала жизни отнимет, хлеб потом дает.

Но кого своей ты светлой тенью осеняешь,
Хоть и поздно признаваясь, щедро ты даришь.

Чтит достоинство и доблесть честных только тот,
Кто о доблести и чести много книг прочтет.

Кто же доблесть от пороков злых не отличит,
Тот и доблесть по заслугам вряд ли одарит.

Только доблестью в народе славен государь!
Мы о том читаем в книгах, что писали встарь.

Нашей славы зная — щедрость, падишах, твоя, —
И твое сияет счастье стражем бытия.

Так сады не расцветали в месяц фарвардин,
Как страна, когда щедроты пролил властелин.

Как при кеях, коих небо счастьем одарило⁶,
«Семь свершений» и «Двенадцать поединков» было,

Так на небе и в созвездиях, пред тобою здесь⁶,
«Семь свершений» и «Двенадцать поединков» есть.

Вся вселенная — лишь тело, а Иран — душа.
Говорю об этом смело, правдою дыша.

Дух земли — Иран. И ныне — внеми каждый слух!
Пусть прекрасно тело мира, — выше тела дух.

Если мудр в стране правитель, счастлива страна,
В ней лишь доблестным и мудрым в руки власть дана.

Ты — душа, тебе и притча сказана моя,
Будь душою государства, — то судьба твоя.

Шах прославленный, как древний Хызр и Искандер,
Справедливости и знания всем давай пример.

Если в зеркало румнец камень превратил,
Если Хызр источник жизни некогда открыл⁷,

То не зеркало ль явилось в существе твоём,
Не вода ль живая — в чистом хрустале твоём?

А страну, где многомудрый падишах царит,
От несчастий, зод и бедствий сам Инад хранит.

Из-за благодати, и силы, и щедрот твоих —
Благом ты семи зовеншейм поясов земных⁸.

Пятый пояс славит бога, одарен тобой⁹;
Шесть других твоих хранимы кренкою судьбой.

Видя, как ты милосерден, мудр и справедлив,
Всекий под твоею властью был бы край счастлив.

На земле четыре шаха славилась былых,
Пятый — самый долготечный — будешь ты среди них.

Арасту — наставник мудрый Искандера был,
Он питомца величайшим знаниям обучил.

Шах Аууншириан великий жизни, провел, как мир,
Бузурджмихр — советник мудрый — был его везир.

У Парвиша сладкоустый был невен Барбед,
Равного ему в панегах не было и нет.

У султана Меликшаха, как молва гласит,
Был Низам ул-Мулк правитель — чистой веры жит.

Ты — пренныне их, превыше ты и честь прими!
Песен ткач с тобой, чеканщик слова — Низами

Имя Низами хвалою удостоил ты,
Дух его своим вниманьем успокоил ты.

Пусть цари другие, полны прихотью пустой,
Всюду хвалятся дарами, что дают порою.

Не напрасно сев ячменный в солончак бросать
И слезу глаза сурьюмою чистой натирать.

Бези злак живой посеешь в мертвых солончаках
Пропадет посев, ты будешь каяться в сердцах.

Надлежит зерно на пашню влажную бросать
И на плодородной почве дерево сажать.

Коль вином твоим невежда будет угощен,
Разве имя винодела после вспомнит он?

Кто так доблестен, кто знает более, чем ты?
Кто величьем обладает более, чем ты?

Был душе моей от бога к правде путь открыт, —
Я узнал, что ты искусствам и наукам шит.

Что алхимикам не веришь, гонишь хитрецов,
Что не внемлешь ты обманам всяческих лжецов.

И по знакам гороскопа, волею светил,
Именем твоим я книгу эту освятил.

Тот блажен, кто, хлеб посеяв щедрою рукой,
Пред собой увидит в поле урожай такой!

Так, откуда солнце светит племенам земным,
Книга будет открываться именем твоим.

Щедро шах дарил великий, счет не вел деньгам,
И тебя не за подарки мой вознес калам.

На семь тысяч лет варил я. Будет жить в веках
Эта пища, что готовил я в семи котлах.

Усладись роскошным блюдом, что готовил я!
Ешь на счастье, на здоровье, — доля в нем — твоя!

Я вложил в него всю душу и тебе поднес
Искренне, с любовью этот полный мой поднос.

Ты, чьим родичем зовется вечный небосклон, —
Неба родственник ты кровный, небом порожден, —

Как же поднимусь на небо я? Ведь я земной.
Как я ангелам предстану — человек простой?

Я хотел на черных землях, выкопав арык,
Вырастить и возлежать, сахарный тростник.

Чтоб из сахара припасы сделать и потом
Этот сахар весь рассыпать на ширу твою.

Если, шах, я недостойн мира твоего,
Что ж, спокойно стану стражем я ночным его.

Шах, как солнце, охраняет землю от беды.
Дух мой солнце отражает зеркалом воды.

Солнце на покой садится и ночь за гранью вод,
Но вода волной до солнца виск не доплеснет.

Я не Хызр, источник жизни недоступен мне,
Но его дыханьем свежим я дышу во сне.

Все ль сокровища имел ты, повелитель стран?
Я привел к тебе сокровищ поных караван.

Пусть сокровищница в недра примет их твоя, —
Возвелич мой дар, и этим возвеличусь я.

Нивы горные, питаюсь дождевой водой,
Без воды изнемогают, страждут в летний зной.

Пред водой живую руки горстью я сложил
И от всех других потоков лик свой отвратил.

Оценю ли перлы речи? Нет цены для них!
Я на усмотренье шаха оставляю их.

Так внемли пути рассказа. Следом за Зухрой
Поднял я твой тонкий месяц позднего зарей.

Если скажешь, что картины полотно мало,
Что ж — цветов и красок много ветром унесло...

Много лет живи, душою в вере, в правде тверд.
Радостью, что бог дарует, будь счастлив и горд.

Пусть добро твоею волей на земле царит,
Пусть всегда светильник счастья для тебя горит.

Все же темное, что счастьем твоему претит,
Пусть во тьму крылатым роем в страхе улетит.

И пока сияет солнце, все твои друзья
Пусть живут, враги ослепнут. То мольба моя.

Пусть враги твои поникнут в страхе пред бедой,
Пусть в отчаянье о камень бьются головой.

Всех ты мощью превосходишь, — знаньем превзойди!
Путь твой жизненный да будет светел впереди.

И да будет волей неба вечно далека
От границ твоей державы гибели рука.

ВОСХВАЛЕНИЕ СЛОВА И НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МУДРОСТИ

Мира древнего древнее то, что вечно ново, —
Много сказано об этом, ибо это — слово.

Вечность — древняя праматерь — землю создала
И творенья увенчанье — слово нам дала.

Слово тайны, слово мощи, чистое, как дух;
Страж сокровищ. К тайне слова приклони свой слух...

Ведь оно неслыханные повести скрывает,
В мире ненаписанные повести читает.

Все, что ныне народится, завтра прочь уйдет,
Кроме слова. Только слово в мире не умрет!

Сад иссохнет, шелк истлеет, рухнет здания свод.
Слово вечно. Остальное — ветер унесет.

Вникни, мудрый, в суть растений, почвы и камней,
Вникни в суть существ разумных, в суть природы
всей, —

И в любом живом творенье можешь ты открыть
Главное, что и по смерти вечно будет жить.

Все умрет, все сгубит время, прахом истребя,
Вечно будет жить познавший самого себя.

Обречен на смерть, кто сути жизни не прочтет;
Но блажен себя познавший: будет вечен тот.

Если ты себя, как свиток, правильно прочтешь,
Будешь вечен. В духе — правда, остальное — ложь.

Коль не обретишь познания высшего теперь,
В дверь одну вошедший, выйдешь ты в другую дверь.

Дом жилой, но лишь над кровлей не клубится дым.
Здесь живут, но знания польза неизвестна им.

Кто доволен преходящим — слеп, как жалкий крот,
И чертога вечной жизни он не возведет.

Повод для духовной лени выдумать легко;
И не скажут здесь: «Прокисло наше молоко»¹.

Опытом вооруженный, сведущий в делах
Муж порой не смыслит в сути дела и в корнях.

Видит далеко, кто знанием наделен среди нас,
А незнание пеленою скроет мир от глаз.

Если, человек богатый, ты собрался в путь —
От разбойников охрану взять не позабудь.

И купцы, что из Китая мускус к нам везут,
В оболочке из камеди мускус берегут².

Хоть перед орлом могучим слаб и мал угод,
Но, в полете быстр, всегда он от орла уйдет.

Вкруг прославленного зависть злобная шипит, —
Эта злоба, эта зависть бедных не страшит.

Коршун мчится за добычей, позабывши страх,
А посмотришь — обе лапы у него в сетях.

Жадный тигр, задрав корову, верно, будет сыт,
Не пожрет он пищи больше, чем нутро вместит.

Не проесть амбаров мира, даже на зерно
Не уменшаться запасы; столько нам дано.

Сколько бы ячменных зерен птицам ни скормить —
Все вернется! Как и звездам, зернам не убыть.

Золотым венцом ты хочешь, как свеча, блистать,
Но подумай, как придется под конец рыдать!

В этом зелье веселящем — так уж повелось —
Смеха радостного меньше, больше горьких слез.

Но, рассеянные в мире, есть друзья у нас,
Что подать нам помощь могут в самый трудный час.

Разум — главный наш помощник, наш защитник — он.
Муж разумный всем богатством мира наделен.

Кто от разума и мысли духом отвращен —
Человек он по обличью, див по сути он.

Люди разума подобны ангелам с небес,
Дар провидения дан им — чудо из чудес.

Все начертано заранее, что произойдет.
И никто предначертанья судеб не уйдет.

Делай дело здесь, задачу исполняй смело,
Дело и в аду почтенней праздности и раю.

Но и доброе деянье вряд ли будет впрок,
Если делом поглощенный человек жесток.

Кто злоумышляет тайно, ближних невзлюбил,
Жало зла он обращает сам против себя.

Благородный, мыслей добрых полный человек,
Зла не делая, запомнит доброе навек.

Так живи, чтоб в час кончины в хоре голубов
Не услышать ни упреков, ни хулы врагов.

Чтоб один из них не молвил: «Смерть в его дому!»
Чтоб другой не засмеялся: «Поделом ему!»

Пусть тебя и не поддержат под локоть рукой,
Так живи, чтоб не валяться ни под чьей ногой.

Тот, кто доброе запомнит среди твоих друзей,
Лучше тех, кто рад печальной участи твоей.

Хлеб не ешь среди голодных. Если будешь есть,
За накрытый стол с собою пригласи их сесть.

Пред завистником сокровищ не считай своих,
Чтобы, как дракон на кладе, он не сел на них³.

Если друг твой, как весенний ветер мягок, все ж
Знай — лампаду и под легким ветром не зажжешь.

Создан не для пожирания мяса и хлебов
Человек. Нет, он источник уместивших даров.

И собака благородней низкого того,
Кто живет лишь для улады брюха своего.

Мудрый, будь полезен людям, мир добром укрась!
Это — выше всех сокровищ и сильней, чем власть.

Будь открыт добру, как роза! От твоих щедрот
Пусть всегда благоуханье по земле идет.

Помнишь мудрого реченье? Что сказал нам он
«Кто заснул, добро содеяв, видит добрый сон.

В чьей душе укоренится зло и возрастет,
Тот во зло всю жизнь влачится и во зло умрет.

Тот же, в чьей душе открытой возрастет добро,
Проживет в добре и миру принесет добро.

Бойся алчности и помни: небосвод не спит,
Сонмы алчных истреблял он и тебя сразит.

Зижди вечное строенье! Мудрости внемли:
Прах могильный все: и слава и дела земли.

Если скажут: «Чистый пламень знания зажег
Человеком, но из шерсти человек рожден, —

Молви: «Аромат от розы, роза от земли,
От змеи противоядие в позвонке змеи»⁴.

Так не обольщайся миром, обострь свой взор
И перед драконой пастью свой не ставь шатер.

Не ищи в драконе друга, ибо — час пробьет —
Он, пожравший поколенья, и тебя пожрет.

Но зачем бросать собаке вретнице святых?
Низкий духом отвернется от даров таких.

Коль друзья отвергнут дружбу верных — я боюсь, —
Со своими же врагами заключат союз.

Как на белый цвет и черный мухи падетая,
Белый — в черный, черный — в белый скоро превратят.

Сторонись от них, без дружбы подлой их живи,
Смело все четыре цепи на себе порви.

В пору оскудения веры правду зло гнетет,
Хищным волком стал Иосиф, а отшельник пьет.

Ныне жить двояко можно: совершая зло
Или — с чистою душою — одобряя зло.

И не дай аллах всевышний, чтоб рабы твои
Наложили эти цепи на ноги свои!

Полно в мире божьем пламя ада разжигать,
Полно гаснущее пламя нефтью поливать!

Встань же, растопи печаль, смуту потуши
И всевышнего веленье в мире соверши!

Полно бедствовать у вечных, полных злата скрины!
Все сокровищницы засовы смело отодвни.

На тюльпан взгляни, — как ветер истрепал его,
Из-за трех монет фальшивых ощипал его⁵.

А полынь растет, как прежде; у полыни нет
Ни поддельных, ни червонных золотых монет.

Не венчайся драгоценной золотой чалмой,
Сам из золото, как солнце, наступи ногой,

Чтобы дивень животворный туча излила,
Чтоб земля перед тобою ярко расцвела.

Золото рассыпь на солнце, щедрость возлюби,
И рубины, цвста солнца, камнем раздробь.

Низкий духом ищет злата, — молвил мудрый пир.
Ведь несовершенно зренье видящего мир.

Что есть золото? — Два знака, и нельзя их снить⁶,
Долго ль бедную их рассынь будешь ты хранить?

Не уподобляйся руслу, что прорыл поток
Златоносный; не рассынься, как речной песок.

Если телом, словно злато, начал ты желтеть,
Время снхою одежду на себя надеть.

Где-веси, в чью чашу деньги сыпал казначей?
Тысячей камней побиты в тысяче дверей.

Не проснется сребролюбец, что уснул вчера,
Встанет жив не собиравший в мире серебра.

Трая золото, ты радость купишь на него,
Но какие муки терпит, кто таит его.

На друзей взгляни вчерашних, на слепых глухов,
Превратил их камень жалкий в яростных врагов.

О, доколе бремя мира нам нести во мгле?
И доколе прятать груды золота в земле?

Три носильщика смиренных служат у тебя,
Четверо рабов бессменных служат у тебя⁷.

Дом же твой — земля, и ветер, и почива мгла, —
Без любви земля, холодный, дикий ветер ада.

Если шии с вершины пальмы на семь упадет,
Пусть он повару менажкой для ланни пойдет.

Ты, чье брюхо несовместно с мыслью и душой,
Ты пленен не лентесками роза, а ланшой.

Помни: кто свое обжорство сможет обуздать,
Снова перлом драгоценным сможет заблестать.

Очищается и крешет сильный дух в беде,
Гребенок тысячеzubый нужен бороде.

Тысячи отрав изведать в мире нужно нам,
Чтоб вкусить животворящий времени бальзам.

Погляди: в обширной этой лавке мясника
Ты добытого без муки не найдешь куска⁸.

Тысячи надежд погибли, многих сгублен век,
Чтоб один обогатился в мире человек.

Сто голов мечом палачьным где-то спесено,
Чтоб седло баранье было избранным дано.

Золото ногами топчет человек один,
Тысячи за грош потеют в муках до седины.

Благо ль, что всего достиг ты и желаний нет?
В неисполненных желаниях свет грядущих лет.

Коль желанного достигнет поздно человек,
Это весть ему, что долгий проживет он век.

Пусть же поздно долговечный цели достигнет,
Кто всего достигнет быстро, рано тот умрет.

Образуета веками дал, живет века,
А тюльпан весенний гибнет и от ветерка.

О, доколе ты свечю будешь на пиру
Красоваться, пламенея на почном ветру?

Сбрось же с ног своих копыта низменных страстей,
Высунь голову из жбана на простор смелей!

С головы спили под корень эти семь рогов
И освободись от этих четырех подков⁹.

Мимо тайного колодца стороной пройди:¹⁰
Он — ловушка. Ты в ловушку ту не попади.

Лучше молнией блесни ты и умри смеясь,
Лучше — смерть, чем задыхаться, тучностью кичась.

Помни: ты — мюрид покорный, так войди же в мир
Образцом, чтоб стать для верных самому, как пир.

Стой средь избранных мюридов, вожделей и верь:
Исполнения желаний отомкнется дверь!

Я — развязывавший сотни спутанных узлов,
Бек села, я — вне селенья, небеса — мой кров¹¹.

Гость придет, увы! мне гостя нечем угостить,
Нет слуги, чтобы для гостя скатерть расстелить.

Разум знает, что я думал, что я скрыть хотел,
Что я притчей и намеком говорить хотел.

Но не тягостное бремя бедность на земле,
Не бесчестье, пусть я ежду на чужом осле.

В Эфиопии не ценят тюркской красоты,
Не для черных возрастил я лучшие цветы¹².

И пока в котле вселенной полдник мир варил,
Я подобен недозрелым летним гроздьям был¹³.

Время, жадно обрывая, послало их,
Мазь готовило глазную из плодов моих.

И созрел я, стал, как спелый сладкий виноград...
Видю: мякоть ягод сладких жадные едят¹⁴.

Но не видно винодела. На землю густой
Льется сок, в безлюдье гибнет вертоград пустой¹⁵.

Я иду путем безвестным, как ведут меня.
Неужель к уснувшим водам зачуют меня?

Прежде я слышал преданье: коль вода заснет,
То становится истоком золота — не вод.

Это — ложь: вода, заснувши, серебром блеснит,
Лед блистающий об этом явно говорит.

Серебром теперь в замену золота платить
Принято. Луну от солнца трудно ль отличить?¹⁶

Ведь в арабском начертанье серебро, заметь,
Если буку «йа» отбросить, означает — «медь»¹⁷.

Я железо слов червонным златом обложил;
Кто же серебро дешевым златом заменил?

А торгующий железом золото берет,
Он за серебро железо ныне продает.

Бойся, золотых дел мастер! Знай: пришла пора —
Золото твое дешевле стало серебра.

И теперь одна лишь дума душу мне томит,
Что не разум, а удача счастьем нас дарит.

Понимание оценщик тонкий потерял,
Жемчуг он теперь от гальки отличать не стал.

«Кисея — ведь это хлопок!» — так он говорит...
Что ж, и неба от веревки он не отличит¹⁸.

Кладовая тонких тканей у него полна,
Чистым золотом набита у него казна.

Если золото и жемчуг смог он подменить,
Что бояться мне свободы и о чем тужить?

Мне не друг разбойник этот, буду жить один
И не стану прятать солнце от него в кувшин.

Пред уходом гостя громко страж в ночи кричит;
Этот глас для всех однажды грозно прозвучит.

Эту горестную повесть не один слагал
До меня. Но, не закончив свитка, засынал.

Я, пока не поздно, должен повесть завершить,
Спать не должен я. Успею к сроку, может быть.

В путь заранее готовься. Горы впереди,
Пропасти. Тропой опасной быстро проходи!

В путь готов я. Но осел мой ухом не ведет
И ни с места. И не верю сам я в свой уход.

Видно, я пойму, что отбыл, там — в иной стране,
В день, когда гнездо разрушат, что служило мне.

О, доколь о неизвестном буду вопрошать,
И с решеньем твердым в сердце веки закрывать.

Ты забудь о зримом мире, ибо ты в ночи!
С тайною в уединенье до поры молчи!

Испытай свое познание, — как ты жизнь прожил?
В заблужденье ты или правду заблужденье считал?

Брось лопату! Бурным седем путь твой заплыл!
Посмотри — свою лопату небо занесло.

Землю превратить в могилу небосвод снится,
Но ведь глину и лопата неба не страшит.

Оглянись, проверь свой каждый год, и день, и час —
С чем пришел ты, чем владеешь в мире ты сейчас?

Два слона тебе служили; то, что принесли
В первый день они, ты это унесешь с земли.

Отягчен долгами моря и дарами гор,
Как ты сможешь в пляске с небом улететь, в простор?

Должникам отдай скорее все долги, о друг!
Налегке ступай в дорогу, сбрось тяжелый вьюк!

Если сбросишь бремя мира, налегке уйдешь, —
Путь себе, какой захочешь, сам ты избереши.

А пока не сбросят с трона силой твой венец,
Волею своей избавься от него, мудрец.

Будет день — плоды поникнут чистые земли
И — растоптаны — истлеют в прахе и в пыли.

Я оружие сбросил, словно лепестки цветок,
И от зависти язвящей и от зла далек.

Что мне тлеющая зависть? Что мне дым ее? —
Пусть огни ее потушит рубище мое.

Мир — далекий и опасный путь, из мрака в мрак,
И пройти дорогой дивов можно только так, —

В двери древние входящий небу говори:
«Гость я, странник здесь! Ты волю сам свою твори!»

Низами, доколь в оковах этих пребывать?
Не пора ль оковы сбросить, не пора ль восстать?

Встань, не бойся наваждения мира отвести,
Чтобы вечное блаженство в мире обрести!

НАСТАВЛЕНИЕ СВОЕМУ СЫНУ

Сын мой! Мудрым наставленьям знающих внимли!
В твой мектеб они скрижали знаний принесли.

Только знание — друг надежный, охранитель наш,
Разрешитель всех сплетений, неусыпный страж.

Каждый бодрствующий ныне, только час пробьет,
Все оставит и на ложе вечное уйдет.

Говорю тебе сегодня: «Сын мой, берегись!
Мне пора возлечь на ложе, ты теперь проснись!»

Сада счастья, сада жизни ты — нетленный цвет, —
Знай — ты носишь не напрасно имя — Мухаммед.

По стечению звезд ты назван. Мой завет прими:
В бранный барабан Махмуда громче загреми.

Имя доброе на стали славы отчекань.
Верь в свой путь, небес высоких головой достань.

Чтоб, войдя в селенье верных, к вечным небесам,
Был я за твои деянья почитаем там.

С мудрыми ищи союза, чтобы под конец
Доброй славы и величья воспринять венец.

Запах мускуса и розы нам из уст живых
И без многих слов дороже многих слов пустых.

Если хоть один порочен средь друзей твоих,
Он один в глазах народа опорочит их.

Если глупая пичуга в сети попадет,
Вслед за ней вся стая будет биться средь тенет.

Если кто во время хаджа деньги утаит,
Нож разбойя всех идущих в хадже поразит.

На стезе своей, как старец ветхий, не дремли,
Полы чистые одежды подбери с земли.

Чтобы в темном и опасном доме бытия
Далека от наваждений жизнь была твоя.

И не обольщайся мнимой ровностью стези, —
Труден будет путь. Над грозной бездной не скользи.

Если даже ты, как сокол, сможешь полететь,
То, как солнце, надо зорко вокруг себя смотреть.

Помни: этот путь далекий — древних путь охот;
Ведай: держит лук и стрелы хищный небосвод.

Пусть твое железо сталью чистой зазвенит.
Знай — дорога камениста, камень тот — магнит.

Если мула ты навьючишь тягостно сейчас,
Ты подумай, чтоб в триенье мул твой не увяз.

Знай, порой в узле мудреном ключ ты обретишь,
Дело трудное порою легким ты найдешь.

Сны тревожные смущают светлый мир души,
Если ж выкинуть — обещания будут хороши.

Коль порою жало горя поражает в грудь,
В эти дни броню терпенья, сын мой, не забудь.

Будь лишь верен клятве богу, с ним судьбу свяжи,
О привязанностях прочих долго не тужи.

Если не нарушишь данный вечному обет,
То, поверь, мой сын, избежишь в этом мире бед.

Лучший перл из ожерелья здесь не потеряй,
Низких, подлых по природе зорко избегай.

Лжец, неверный — разве будет верен он тебе?
Зло творит — для зла пришедший, зло — в его судьбе.

Щедро пусть тебя основа злая одарит —
Это ложь! А в ней основа злая говорит.

Ядовит и подл по сути злобный скорпион,
И щадить его постыдно, пусть погибнет он.

Завоюй дары достоинств, — помни, что без них
Ты хоть и откроешь двери — не закроешь их.

Тот, кто учится упорно, тот рукой своей
Из скалы рубин добудет, жемчуг из морей.

Среди знающих — ушами хлопать, как осел,
Будет тот бедняк, кто знаний прочных не обрел.

О, как много дар стубивших было среди нас —
Из-за лени! Гонимыми видим их сейчас.

О, как много нищих сердцем, разумом слепых,
Но усердных, видим ныне среди судей земных.

Если дичь твоя собака брать обучена,
Эта дичь и по закону нам разрешена¹.

Если пса каким-то знаньем можно обучить,
Человек небесным духам должен равным быть.

Ты, как Хызр, свой дух бессмертным знаньем возведи,
Чтобы чистого потока вод живых достичь.

Притча здесь: вода живая — это не вода,
Это, друг, душа и разум, слитые всегда.

Разум и душа, единством истинным дыша,
Побеждают; вечно живы разум и душа.

И они стремятся оба слиться с божеством,
Если ими обладаешь, усомнишься ль в нем?

И когда от этих двух ты к одному придешь,
Ты себя и человеком и деи² тот назовешь.

И когда одно найдешь ты, этих двух оставь,
И стою на темя мира радостно поставь.

Отрекись от трех, на крыльях их парить не лезь³,
Отрекись от двух, двойною верой жить не лезь⁴.

Ты из этих трех канатов ухвати один,
Два отбрось, а три каната преврати в один.

Если же от трех бесстрашно ты не отойдешь,
Сферу чистой веры в небо ты не понесешь.

Отрекись от двух отважно, и найдешь одно,
И тебе блаженство будет высшее дано.

Только в нем для нас — в едином — слава, жизнь
и власть,
Все, что вне его, — безумье, низменная страсть.

Молод, свеж ты у начала своего пути, —
Исполнение всех желаний можешь обрести.

Если кипарис, ударом грозовой стрелы
Сломлен, рухнет — не добудешь из него смолы.

Ты, пока сияет утро, сын мой, посмотри
Зорко в даль и путь отрадный света избери.

Как весенний цвет, одеждой чистой облекись,
На пути служенья богу стань, как кипарис.

Я, увы, утратил свежесть, волос побелел,
Белизна моя поблекла, лик мой пожелтел.

Я утратил драгоценный пояс и венцы,
И от немощей устал я тяжело наконец.

Я служил как муж и воин, безупречен был.
Где же власть моей десницы? Где избыток сил?

Скручен временем я, связан. Вяжет, как рабов,
Всех нас — время. Что ж, обычай у него таков.

Я не пал еще, на крыльях раненых взлетел.
Я — паду, и неизвестный ждет меня удел.

Если оспа Ахмадуку исказит черты,
Назовут ли Ахмадука чудом красоты?

Но хоть всюду, угрожая, тень за мной бежит,
Знаю — зонт в руке надежный надо мной раскрыт.

Горе мне! Дряхлеет тело — сохнет водоем,
Что же низменная алчность все не гаснет в нем?

Алчность, словно на монете, знак свой на любом
Ставит сердце, и влачим мы горестный ярем.

Боже! Страждущее сердце исцелить приди,
Разум мой от унижений здесь освободи!

О, доколе длиться мукам? Дай мне чистый свет!
Принеси во тьму светильник, если солнца нет!

Я сомненьем и тревогой ранен глубоко.
Облегчи мой груз, ведь это для тебя легко!

Вот, едва освободил я шею из петли,
Вновь под ношей непосильной гнусь я до земли.

Я доволен был и малым даным мне зерном.
Мал мой дом, как дом улитки, все же — он мой дом.

Быть главой в своем жилище, быть собой самим
Я хотел. Зачем я должен вновь служить другим?

Вольный лев достиг величия и могучим стал
Лишь тогда, когда ошейник он с себя сорвал.

Лучше пищим и голодным хлеб свой подавать,
Чем халву за дастарханом низкого вкушать.

Меч блистающий свой утро устремило ввысь,
О, доколе спать ты будешь? Низами, проснись!

Не боясь труда, с рассветом свой калам бери
И сокровищницы двери людям отвори!

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БАХРАМЕ

Тот, кто стражем сокровенных перлов тайны был,
Россыпъ новую сокровищ в жемчугах раскрыл.

На весах небес две чаши есть. И на одной
Чаще — камни равновесья, жемчуг — на другой¹.

А двухцветный мир то жемчуг получает в дар
Из небесных чаш, то — камня павшего удар.

Таково потомство шахов. Перлом заблестать
Может шахский сын — я камнем тусклым может **стать**.

Не во всем отцу подобен сын и не всегда.
И жемчужину рождает камень иногда.

Дан такой пример был в прошлом, в поученье нам, —
Ездигирд был грубым камнем, жемчугом — Бахрам.

Тот — карал, казнил, а этот одарял добром, —
Был булыжник рядом с перлом, острый шип с плодом.

Тем, кто в кровь о тот булыжник ноги разбивал,
Сын его для исцеленья свой бальзам давал.

И когда в глазах Бахрама первый луч дневной
Омрачен был этой ночи славою дурной,

Мудрецы и звездочеты вешние страны,
Искушенные в деяньях солнца и луны,

Взвесили созвездья неба, думая, что тут
Лишь дешевый блеск свинцовый вновь они найдут.

Но они чистейшей пробы золото нашли,
Жемчуг в море, драгоценность в камне обрели.

И увидели величье, славный путь побед,
Лучезарный свет в тумане предстоящих лет.

Пламенел тогда в созвездье Рыбы Мунтари,
А Зухра горела спина, пол-луном дари².

Поднялась в ту ночь и Плеядам мечаца едина,
Апогей звезды Бахрама был в созвездье Дина³.

Утарид блеснул над утро в знаке Близнецов,
А Кейван от Востока отогнал врагов.

Встал Денеб против Кейвана, отгоняя тень,
Мирно в знак Овна взошло солнце в этот день.

Так сошелся в гороскопе вонный круг светил,
Муштары в созвездье Рыбы счастье возвестил.

Со счастливым гороскопом, что ошенил пашу,
При благоприятных звездах родился Бахрам.

Ездигирд — его ровненький, неразумный шах,
Стал раздумывать и прискорбье о своих делах.

Что он делал он — все тщетно, прахом все ушло,
Ибо семена насилия порождают зло.

Хоть имел детей и раньше этот властелин,
Умирали все, остался лишь Бахрам один.

И к решению звездочеты мудрые пришли,
Что воспитывать Бахрама надобно вдали.

Что его в страну арабов надо отослать,
Что его у мужа чести надо воспитать.

Молвили, что там, быть может, счастье он найдет
И друзей в Арабистане верных обретет.

Вопреки установленьям строгой старины,
Перенести росток решили в сад иной страны.

Ездигирд себялюбивый сына не любил,
Он спокойно на чужбину сына отпустил.

Для него решил в Пемене он поставить трон,
Чтоб от смут земли Аджамы был он удален.

И в страну Пемени к Нуману он послал гонца,
Чтобы царь Нуман Бахраму заменил отца.

Он просил, чтобы Бахрама взял к себе Нуман,
Чтоб в саду Нумана вырос и расцвел тюльпан.

Чтоб его наукам царским обучили там,
Чтоб строению научился управлять Бахрам.

Сам Нуман за ним приехал и увез домой
Сына шаха, — скрыл в чертоге месяц молодой.

Тот родник, чей морем позже разлился поток,
Сохранил и как зеницу ока он сберег.

Минуло четыре года; мальчик подрастал;
Как степной онагр, он резвым и красивым стал.

И тогда Мунизру — сыну — молвил властелин:
«Он растет, но огорченьем скован я, мой сын.

Климат здесь сухой, весь край наш солнцем раскален,
Он же — с севера, и нежен по натуре он.

Нам возвышенное место надо отыскать,
Нам его в прохладе горной надо содержать,

Где бы северный лелеял тело ветерок,
Где бы отдых был приятен, сон ночной глубок,

Чтобы в климате хорошем рос он, как орел,
Чтобы крылья он и перья крепкие обрел,

Чтобы запятнать природу шаха не могли
Этот зной и сухость праха, дым и пыль земные.

О ПОСТРОЕНИИ ХАВАРНАКА И О ДОСТОИНСТВАХ СТРОИТЕЛЯ СИМНАРА

Ездил шах Нуман с Мунизром среди гор и скал,
Мест хороших для Бахрама долго он искал,

Где б от солнечного зноя не было вреда,
Где бы ветерок прохладу приносил всегда.

Не могли в стране такого места отыскать,
Где бы вырастить Бахрама им и воспитать.

И решили светлый замок с башней возвести.
Нужно было для постройки зодчего найти.

Много было иноземных зодчих и слых,
А для дела не годился ни один из них.

Но однажды до Нумана долетела весть:
«Шах! Такой, тебе пригодный, мастер в Руме есть.

Слава дел его по странам катится рекой;
Словно воск, податлив камень под его рукой.

Строить быстро и красиво он имеет дар,
Он из рода Симы, имя славному — Симнар.

Красотой его построек всякий изумлен,
В Сирии в горах Ливанских здания строил он,

И в стране, где Нил лазурный падает с небес,
Каждое его создание — чудо из чудес.

Хоть себя Симнар лишь зодчим скромно называл, —
Он художников славнейших миру воспитал.

Сюда там, где строить здание он предполагал,
Паутину балок в небе взором он свивал.

Он, как Будинас Румийский, разумом глубок;
Открыватель талисманов, маг и астролог,

Знает он о нападение яростной луны
И о мести солнца — тайну звездной вышины.

Он для нас дворец, как платье парекое, соткет,
На дворце такой высокий купол возведет,

И, созвездия, словно пояс, купол обовьют,
Нему Плеяды сами светоч отдадут».

Сердце всыхнуло в Нумане, жгли его, как жар,
Эти весты, это имя чудное — Симнар.

Он послал гонца, который бойко говорил
По-румийски. Тот Симнара быстро соблазнил!

Бросил Рум. И вот к Нуману зодчий привезен.
Услада, чего хотели от него, и он

Воспылал желаньем — дело начинать скорей,
Возвести дворец, достойный отпрыска царей.

Пятилетие трудился над постройкой он.
Был рукою златоперстой дивно возведен

Замок, башенки вздымавший к звездам и луне,
Сновиденьем возникавший в синей вышине.

И второй Каабой в мире этот замок стал.
Был резьбой он весь украшен, золотом блистал,

Горною лазурью, краской, что красней зари.
Наподобие неба сделан купол изнутри;

Опоясывали небо девять сфер вокруг,
Полный образов, что создал Север, создал Бог.

Купол был тысячеким, сказочным Душой.
Совершен свод, усталый отдышал душой.

Длинною дарил прохладой он и в летний зной.
А когда горел, как солнце, купол пол зарей,

Гурья завязывала очи подотном.
Словно рай, красив, удобен был прекрасный дом.

Будто небо в славе солнца, свод горел огнем.
Блажен кровью камень с камнем скопан в своде том.

Был подобен купол небу, важе и огню;
Трижды цвет свой и сиянье он менял на дню.

Как невеста, он одежды пышные сменял.
Синим, золотым и снежным светом он сиял.

Пред зарей, когда лазурным небосвод былал,
Плечи мглою голубою купол одевал.

А когда вставало солнце над земной чертой,
Свод пылал, как солнце утра, — ало-золотой.

Тень от пролетающего облачка падет —
Снежно-белым делается весь дворцовый свод.

Цвета неба — он миражем в воздухе висел.
То румийцем белым был он, то, как зиндж, чернел.

Вот Симнар работу кончил — снял леса со стен,
Красотой своей постройки взял сердца он в плен.

Стен и купола сиянье разгоняло мрак.
Замку новому название дали — «Хаварнак».

И великую награду шах Симнару дал.
Половины той награды он не ожидал.

С золотом и жемчугами длинный караван
Тяжко выюченных верблюдов дал ему Нуман,

Чтоб и в будущем работал на него Симнар.
Если впору не раздуешь ты в тануре жар.

Здополучное жаркое будешь есть сырым,
Но старицей возвратится, что за труд даем.

А когда такую милость зодчий увидал,
Молвил: «Если б ты мне раньше столько обещал,

Я, достойное великой щедрости твоей,
Здание создал бы — красивой, выше и пышней!

Багрецом, лазурью, златом башни б расцветил,
И поток столетий блеска б их не погасил.

Коль жедаешь — будет мною здание начато
Завтра же! Этот замок будет перед ним ничто.

В этом здании — три цвета, в том же будет сто
Это — каменное, будет яхонтовым то,

Свод единственный — строенья этого краса,
То же будет семисводным — словно небеса!

Пламенем у палинаха душу обняла
Эта речь и все амбары милости сожгла.

Царь — пожар; и не опасен он своим огнем
Только тем, кто в отдаленье возведет свой дом.

Шах, что розовый кустарник, лишнем жемчугом
Сыплет. Но не тронь — иранит жалами шипов.

Шах лозы обильной гроздь на плечи друзей
Возложив, их ослепляет силою ветвей.

И, обвиня свою опору, верных слуг своих,
Из земли, без сожаленья, вырвет корень их.

Шах сказал: «Коль этот зодчий от меня уйдет,
Он царю другому лучший замок поведет».

И велел Нуман жестокий челяди своей
Зодчего схватить и сбросить с башни поскорей.

О, смотри же, как судьбою кровожадной он
Сброшен с купола, который им же возведен!

Столько лет высокий замок он своей рукой
Строил. И с него мгновенно сброшен был судьбой!

Он развел огонь и сам же в тот огонь попал.
Долго восходил на кровлю — имиг с нее упал.

В высоте ста с лишним язов замыкая свод,
Он не знал, что, труд закончив, гибель там найдет.

Выше хижины он замка строить бы не стал,
Если бы свою кончину раньше угадал, —

Возводя престол, расчисли ранее всего,
Чтобы не разбиться, если упадешь с него.

И взвилось петлей аркана до рогов луны
Имя грозное Нумана с дивной вышины.

И молва, что он волшебник, с той поры пошла,
И владыкой Хаварнака шаха нарекла.

ОПИСАНИЕ ДВОРЦА ХАВАРНАКА И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НУМАНА

Хаварнак, когда он домом для Бахрама стал,
Чудом красоты и подлунном мире заблистал.

И представленный молвою, окружен хвалою,
Назвался «Кумирней Чина», «Кыболом второй»¹.

Сотни тысяч живописцев, зодчих, мудрецов
Приводили, чтоб увидеть лучший из дворцов.

Тот, кто видел, восхищения удержать не мог
И вступал с благоговеньем на его порог.

Там — на всех дверях чертога, что подымался **ввысь**,
Нареченны узором золотым висели.

Над Печеном сияли в ночи. Сухейль звезда
Так светло, как не сияла прежде никогда.

Посли красавиц, как под звездным куполом Печен,
Сидел тот замок, словно полный жемчуга Аден.

И, представленный молвою, стал известен всем
Хаварнаком озаренный берег, как Прем.

Как Озен на вешнем небе ярко светит нам,
Хаварнак светил, и рядом с ним светил Бахрам.

Проводил Бахрам на кровле ночи до утра.
В небе чашу поднимала за него Зухра.

Видел стройные чертоги в ответах зари,
Полная луна — над кровлей, солнце дня — внутри.

В глубине палат сияли факелы и ночи,
С кровли путникам светили, как луна, и доли.

И всегда отрадный ветер веял меж кустами,
Запахом садов, прохладой моря напоен.

Сам Бахрам, лишь постепенно обходя дворцы,
Дивное его величие познал наконец.

За одной стеной живую воду нес Еуфрат.
Весь в тени дерев цветущих и рощах оград.

А за банней, что, как лотос, высокая была,
Молока и меда речки, скажешь ты, текла.

Впереди была долина, сзади — свежий луг,
Пальмы тихо шелестели и сады вокруг.

Сам Нуман, что здесь Бахраму заменил сына,
Часто с ним сидел на кровле своего дворца.

Над высокой аркой входа он на челех ним
Лазовался с ним часами, светел и счастлив.

Даль пред ними — вся в тополях, как ковер, поля,
Личью полиая — к ловитве души их звала.

И сказал Нуман Бахраму: «Сын мой, рад ли ты?
Хорошо здесь! Нет подобной в мире красоты».

Рядом был его советник. Чистой перы свет
Мудрому тому вазир даровал Исед.

И сказал вазир Нуману: «В мире все пройдет,
Только истины познание к жизни приведет»².

Если свет познания брезжит в сердце у тебя,
Откажись от блеска мира — правду возлюбля!»

И от жара этой речи, что как пламя жгала,
Содрогнулся дух Нумана, твердый как скала.

С той поры как семь небесных встали крепостей,
Не бывало камнемета этих слов сильней.

Шах Нуман спустился с кровли в час полночной мги,
Молча он, как дев, к пустыне устремил шаги.

Он отрекся от сокровищ, трона и веща,
Предесь мира несместна с верою и творца.

От богатств, какими древле Судейман владел,
Он отрекся; сам назначил он избрал удел.

Не нашли нигде ни шаха, ни его следов,
Он исчез, ушел от мира, словно Кей-Хосров³.

Хоть Мунзир людей на поиск тут же снарядил,
Не нашли, как будто ангел беглеца укрыв.

Горевал Мунзир, потерей удручен своей,
Он провел в глубокой скорби много долгих дней.

Выпустил кормило власти из своей руки...
Стал дворец его высокий черным от тоски.

Но утихло в скорбном сердце горе наконец;
Власть его звала, к правлению призывал венец.

Он искоренил насилье твердою рукой,
Ввел законы, дал народу счастье, мир, покой.

А когда он полновластным властелином стал,
Ездигирд ему признание и дары послал.

А Бахрама, словно сына, шах Мунзир растил
Был отцом ему. Нет, больше и роднее был.

Сын Нуман был у Мунзира; вырастал, как брат,
Он с Бахрамом. Оба шахский радовали взгляд.

Ровня был Бахрам по крови, одногодок с ним,
Он не разлучился с братом названным своим.

Вместе обучаться стали грамоте они,
За игрой веселой вместе проводили дни.

На охоту выезжали вместе в дни весны,
Никогда, как свет и солнце, не разделены.

Так Бахрам в высоком замке прожил много лет,
Помыслы его премудрый направлял побед.

К ланцано был Бахрама разум с детства устремлен,
Как достойно сыну шаха, был он обучен.

Изучал Бахрам арабский, греческий язык,
Старый маг его наставлял тайне древних книг.

Сам Мунзир, многоученый и разумный шах,
Объяснял ему созвездий тайны и небесах.

Ход двенадцати созвездий и семи светил
Ученик его прилежный вскоре изучил.

Геометрию постиг он, вычислял, чертил,
Алмагест и сотни прочих таинств изучил.

Он, почками наблюдая звездный небосвод,
Стал читать светил движение и обратный ход.

Ум его величию мира стройным был обаян,
Знания перед ним раскрылись, как бесценный клад.

И, увидя в восхищенье, что его Бахрам
Зорок мыслью, и постиженье знания упрямо,

Шах его меридиана показал ответ,
И открыл пред ним науку высшую небес.

Все, что разум человека за века постиг,
Все, чем стал он перед небом и землей велик, —

Все Муизир законов стройных кругом вместе слил
И, как книгу, пред Бахрамом наконец открыл.

И Бахрам, учась прилежно, стал в конце концов
Некушен во всех науках — даре мудрецов.

Были вняты все таблицы звездные ему,
Сокровенное он видел сквозь ночную тьму.

Астролябией и стержнем юга он владел,
Он узлы деяний неба развязать умел.

И когда наукой книжной был он умудрен,
Божьим владеть оружием стал учиться он.

Он игрою в мяч, искусством верховой езды
Мяч выигрывал у неба и его звезды.

А когда в степи он ветер начал обгонять,
На волков и львов с арканом начал выезжать.

А в степи зари рассвета и лучи ее
Пред коньем его бросали на землю конье.

Вскоре он в стрельбе из лука равного не знал,
Птицу в высоте небесной он стрелой пронзал.

Полный весь колчан порою посылал он в цель,
Каждою своей стрелою попадал он в цель.

Так пускал он стрелы густо, так рубил мечом,
Что никто бы не укрылся от него щитом.

На скаку, в пылу охоты он конь не метал,
На скаку в кольцо коньем он метким попадал.

Острием коня колечко с гривы льва срезал
И кольцо с замка сокровищ он мечом снимал.

На ристалище, когда он лук свой брал порок,
В волосок он — за сто газов попадал стрелой.

Все, что в поле на довитве взгляд его влекло,
От летящих стрел Бахрама скрыться не могло.

Так в науках и в охоте перед ним всегда
Реяла его удачи яркая звезда.

Доблестью его гордились ближние паря,
С похвалою о Бахrame вседу говоря.

Говорили: «То он в схватку с зряим львом вступил,
То он барса на охоте быстрого сразил».

И такие о Бахrame посуду речи шли,
И его «Звездой Пеме́на» люди нарекли¹.

ОХОТА БАХРАМА И КЛЕПМЕННЫЕ ОПАГРОВ

А когда звезда Бахрама, как Сухейль светило,
Пеме́нского опагра кожу утопила¹,

Стал Муизир Бахраму братом. Ведь Нуман-мудрец
Был ему и воспитатель и второй отец.

Шах Муизир делил с ним радость верховой езды,
И Нуман с Муизиром юным были им горды.

И Бахрамово величье пышное, как сад,
Расцветало, вырастало, радовало взгляд.

Рос и день за днем в веселье проводил Бахрам;
Днем охоте предавался, вечером — пирам.

Он охоту на онагров без ума любил.
Где бы шах стрелу из лука в зверя ни пустил —

Не случалось, чтобы мигом дичи не убил.
Рыжий конь — проворный, быстрый — у Бахрама был;

Как волна морская, плавно, мягко он ходил
И скакал, не ожидая плетки и удил;

Диск луны и мяч у солища был им унесен?
И с движеньем небосклона породнился он.

Обгонял на том коне он даже вихрь стеней.
Рыжий хвост коня клубился, словно сотни змей.

Ста онаграм он копытом вырыл сто могил.
В прочих конях толку вовсе шах не находил.

И когда Бахрам на ловлю рыжего седал,
Стать коня табун онагров ржаньем восхвалял.

Конь оленей за собою в беге оставлял,
Дичь бегущую дыханьем жарким опалял.

А когда тигроподобный всадник на коне
Медноцветном в предрассветной мчался тишине,

Скажешь: поле было, словно роспись на стене.
Стадо дичи, клубы пыли, скалы, даль в огне...

И удачная охота каждый день была.
Лань любую настигала меткая стрела.

Были дичью изобильны степи в те года.
Промеха не знал охотник славный никогда.

Всюду ездил он бесстрашно на своем коне,
По пустыням, по безлюдной горной крутизне.

Тысячи живых онагров шах арканом брал;
Догонял, хватал рукою, на землю бросал.

Но не трогал тех, которым было мало лет.
Жеребят щадил, на жизнь их полагал запрет.

В силу им войти давал он. Шахское тавро
Именное пощаженным ставил на бедро

И, клеймо свое поставя, в поле отпускал.
Кто б клейменного онагра в поле ни поймал,

Шахское тавро увидев, зверю никогда
И никто не делал даже малого вреда;

Попелует лишь онагра в круглый знак тавра
И отпустит в степь, где веют вольные ветра.

Так Бахрам, охотник славный, дичь хоть и клеймил,
Но клейменных от печали он освободил.

Хоть клеймо султана посим мы — его рабы, —
Надо б нам повеселее гнать коня судьбы.

Но и муравья в гробнице нынче не найдем,
Что насилья не отмечен роковым тавром?

БАХРАМ УБИВАЕТ ЛЬВА И ОНАГРА

Как-то утром, так преданье повествует нам,
Вместе с шахом и со свитой выехал Бахрам.

В день тот у Бахрама неба выиграл он мяч,
Мчался конь его, как ветер, легок и горяч.

Свеж был ветер степи, таял утренний туман.
Был Мунзир с Бахрамом рядом, а за ним Нуман.

Был красив Бахрам, осанкой радовал он взгляд,
Статен, подон львиной мощи с головы до пят.

Вдруг вдали онагров стадо пронеслось, пыля,
В пыльном облаке сливались небо и земля.

Вслед ему Бахрам гнедого скакуна погнал,
Словно резкий ветер, тучи пыли разогнал.

Льва огромного увидел, что онагра сбил
И в хребет онагру когти мощные воизил.

Чтобы сбросить льва с онагра, левою рукой
Из узорного колчана взял он лук тугой.

С наконечником надежным он достал стрелу,
Положил на лук звенящий и послал стрелу.

Льву в плечо стрелой охотник метко угодил:
Сразу льва он и онагра той стрелой пронзил.

Льва одвою и онагра пронизал стрелой,
Что шиты и что кольчуги для стрелы такой?

И онагр и лев — ты видишь — мертвые легли,
И стрела до оперенья в грудь вошла земли.

Лук еще в руке простертой шах Бахрам держал,
Лук в его руке простертой не оттрепетал, —

Все, что видели Бахрама выстрел издали,
Все его Аджам шахом истинным сочли¹.

Спутники его арабы кланялись ему,
Удивлялись и уменью шаха и уму.

«Мощный, словно лев, охотник» — стали звать его,
Начали «Бахрамом-Гуром» величать его².

И когда вернулся в город, пронеслась молва,
Как одной стрелой онагра он убил и льва.

Во дворец к себе вернувшись, шах Мунзир велел,
Чтоб охоту живописец ту запечатлел.

И художник в Хаварнаке все изобразил:
Лев степной к земле онагра лапой придавил.

И Бахрам сидит поодаль на своем седле,
Две добычи пригвождает он стрелой к земле.

Как живой, на той картине шах-охотник был,
Так искусно живописец все изобразил.

И об этом с удивленьем всюду говоря,
Люди славили в Пемене юношу царя.

БАХРАМ УБИВАЕТ ДРАКОНА И НАХОДИТ КЛАД

Раз, когда в садах дышала ранняя весна,
Он погнал корабль веселья по морю вина.

Пил вино Бахрам и свиту шаха угощал,
Вышел прочь и, опьяненный, в степи поскакал.

За онаграми погнался, вихрем пыль всклубил,
Много он арканом резвой дичи повалил.

Дальше стадо убегало, он вслед скакал,
И ловил он, и добычи новой он искал.

Самка легкая онагр перед ним извивалась,
С криком в сторону от стада вихрем понеслась.

Ушки острые вздымая над широким лбом,
Статью легкой и осянкой схожая с конем.

Словно золото, блестящая гладкая спиня,
Снизу же была, как сахар с молоком, она.

Полосой блестящей черной вдоль всего хребта,
В крапинках была от шеи черной до хвоста.

Были витня, как луинара вострое шитье,
А на лбу была, как роза, челка у нее.

Красотой своих соперниц редких превзошла,
В быстроте у всех онагров первенство взяла.

Вся она была, как пламя, среди трав степных,
Как красавица в одежде избранных святых.

Ноги легкие, как стрелы, тонки и быстры,
Уши — дешия княжалов, как алмаз, острые.

Не было горба и гривы на спинке у ней,
Уши охраняли шею, шей других стройней.

Полосы по-арабски на спинке черны,
Обвивли, как две дороги, выпуклость спинки.

И узоры арабской кожи на бедрах
Прихотливы были, словно чернь на серебре.

На боках ее, как жемчуг, светит белизна,
Кровь ее в широких венах, как рубин, красна.

В полосах на легкой шее пламенее кровь,
Будто красный шелк, играет и краснеет кровь.

Словно липидж, жонглирующий связками ремней¹,
Кровеносные сосуды извивались на ней.

Черный хвост ее излетает, крун ее дрожит,
Шей гибкая играет с золотом кончат.

От преследования резко убегал онагр,
Вслед Бахрам — туда, где в далих пропадали онагр.

Был онагр и быстр и молод, мчался — полный сил,
А за ним ловил онагров, словно лев, египтя.

Так с утра и до заката, не преодолев
Расстояния между ними, гнал онагра лев?

Не хотел Бахрам от этой дичи отставать,
Гнал коня весь день, а дичи все не мог догнать.

Впереди онагр пугливый, а за ним — Гурхан²,
Степь кругом. Сидилось солнце в жаркой туман.

Мчался он пустыней дикой среди голых скал
И увидел пасты пещеры, где онагр пропал.

А приближавшись к пещере, ужаснулся он:
Вход в пещеру ту огромный охранял дракон.

Он клубился, словно черный смолистый поток,
Путь безвестный претраждал он, словно темный рок.

Был, казалось, тяжким серным дымом он объят,
Был огнем, что из утробы ивергает ад.

Он, как дерево без листьев, лана простирал,
Будто сам владыка ада шаху предстоил.

Словно черный зев пещеры, пасть его была,
И душа его добычу новую ждала.

Видно, только что она проглотил дракон,
Взгляд свирепый на Бахрама устремил дракон.

Так, погоней увлеченный, шах в беду попал,
Но, увидевши дракона, сам драконом стал.

Он в смятенной охоту полагал свою,
Видел — трудно будет змея победить в бою.

Для какого непотоптанья тайная звезда
Из степеней его призывных завела сюда?

Он искал кругом глазами, где она пропала?
В пасть разинутую дракона, видно, он попал.

Нельзя на правый суд Бахрама он хотел призвать,
Чтоб насильника железом шахским наказать?

Шах подумал: «Если это для меня дракон,
А не дичь, — то и в могиле буду посрамлен.

Я — возмездье за онагра. Смерти не страшусь,
Будь что будет, справедливый суд свершится пусть!»

Так решив, с единоборством медлить он не стал,
И двужалую халатца он стрелу достал.

И на лук на ветки туза положил стрелу,
И, в глаза дракона целясь, он пустил стрелу.

И в тот миг, как устремился на него дракон,
Поразил в глаза дракона той стрелою он.

И в глаза дракона оба острия впились,
И дороги Ахримана в мир оборвались,

Полюбуйся, как двужалой шахскою стрелою
Ослеплен был в миг единый тот насильник злой.

И, когда дракону темн мир и тесен стал,
Шах, как хищная акула, на него начал.

Острые копы дракону в горло он вонзил,
Вудто лес в хребет онагра лану запустил.

Он рассек дракону горло острием копы,
Он пресек ему дорогу зла и бытия.

И дракон со стулшим ресом объемь головой
Грянулся, как дуб, что с треском рухнул под грозой.

Рухнул наземь он, как глыба с крути горных скал,
Шах, на миг отпрянув, снова на него начал.

Он булатом Ахриману голову отсек,
Враг да будет обезглавлен, истреблен навеки.

Он мечом своим дракону срюхо расворол
И онагра у дракона в животе нашел.

Видно, тот онагр дракону отомстить хотел,
Бог Бахраму за онагра отомстить велел.

И склонил, шепча молитву, голову Гуруан,
Понял, что ему победу сам послал Ялан.

И, утешась, сесть хотел он на коня опять,
И охоту на онагров в поле продолжать.

Увидал онагр — к ловитве снова рвется лес,
Прискакал и перед шахом вполз в пещерный зев.

По камням послед онагру шах пошел пешком,
И, согнувшись, в ту пещеру он вошел с трудом.

Увидал во тьме, как будто светочи дрожат.
И нашел он в той пещере драгоценный клад.

Там кушину были полны слитков золотых
Лалы, скрытые, как перы, от очей людских.

Приведя Гурхана к кладу, голову склонил
Тот онагр и мигом скрылся, — след его простыл.

Шах, сокровища нежданно под землей найдя,
От дракона клад бесценный тот освободя,

Вышел из пещеры тесной, стал пути искать,
Спутников своих он начал громко выкликать.

С час у входа той пещеры он стоял, пока
Прибыли к нему на голос слуги и войска.

Родовались все, что снова шаха обрели,
Что живым его в безлюдном месте том нашли.

С ними радуясь душою, приказал Бахрам
Всем своим могучим слугам и богатырям,

Чтобы вход они прорыли в глубину земли,
Чтоб сокровища наружу поскорей несли.

Триста молодых верблюдов на своих горбах
Понесли тот клад богатый в кожаных тюках.

Если сильный за онагра вольного отметит
И насильника-дракона сталью поразит,

Небеса его за это отблагодарят
Благодеянием и счастьем и откроют клад.

Вновь Бахрам к ишрам, к веселью сердце обратил,
Он на празднества сокровищ много расточил.

Поначалу Ездигирду старому в Иран
Десять с золотом верблюдов отослал Гурхан.

И Музира, что Бахраму ближе брата был,
Он сокровищами клада щедро одарил.

Людям и себе на счастье клад он расточал.
Ни нищцов, ни казначеев клада он не знал.

Несколько еще он кладов вскоре отыскал, —
Брал их, радуясь, с открытым сердцем раздавал.

Царь Пемеа живописца пригласить велел,
Чтобы подвиги Бахрама он запечатлел.

И художник вновь, явился, кисти, краски взял,
На большой стене картину боя написал.

И потом, какой бы подвиг шах ни совершал,
Живописец в Хавариак все изображал.

БАХРАМ НАХОДИТ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕМИ КРАСАВИЦ

В Хавариак однажды прибыл из стеной Бахрам,
Предаясь отдохновению, лени и ишрам.

По бесчисленным покоям как-то он блуждал,
Дверь закрытую в проходе узком увидал.

Он ее дотоль не видел и не знал о ней;
Не входил в ту дверь ни ключник и ни казначей.

Тут не медля шах от двери ключ у слуг спросил.
Ключник тотчас появился, ключ ему вручил.

Шах открыл и стал на месте — сильно изумлен;
Будто бы сокровищницу там увидел он.

Длинной живописью взоры привлекал покой.
Сам Симпар его украсил вещью рукой.

Как живые, семь красавиц смотрят со стены.
Как зовут, под каждой надписью, из какой страны.

Вот Фурак, дочь магараджи, чьи глаза черны,
Словно мрак, и лик прекрасней солнца и луны.

Вот китайского хакана дочь — Ягманаз, —
Зависть думных дев Китая и твоих, Тараз¹.

Назери — ее родитель хорезмийский шах².
Шаг ее, как курнатики горной, легкий шаг.

В одеянии румийском, прелести полна³.
Насришун идет за нею — русская княжна.

Вот марибского владыки дочь Аларшон,
Словно утреннее солнце дева облик юн.

Дочь царей румийских — дивно сердна и ума.
Счастье льет, сама счастливна, имя ей — Хума⁴.

Дочь из рода Кей-Кавуса, ясная душой
Дурасти — нежна, как пальма, и павлин красой⁵.

Этих семерых красавиц сам изобразил
Маг Симпар и всех в едином круге заключил.

А посередине круга — будто окружен
Скорлупой орех — красивый был пломражен

Юный витязь. Он в жемчужном поясе, в венце.
И усы черны, как мускус, на его лице.

Словно кипарис, он строен, с гордой головой.
Взгляд горит величием духа, ясный и живой.

Семь кумиров устремили взгляды на него,
Словно дань ему платили сердца своего.

Он же ласковой улыбкой отвечает им,
Каждою и всеми вместе без ума любим.

А над ним Бахрама имя мастер начертал.
И Бахрам, себя улажив, надписью прочтешал.

Это было предсказанье, речь семи светил:
«В год, когда воспринмет в славе шитья, полный сяд, —

Он добудет семь парвен из семи краев,
Семь бесценных, несравненных, чистых жемчужин».

И не сяд этих зерен, в руки их не брад;
Что мне звезды рассказали, то и пависад⁶.

И любовь к семи прекрасным девам лишь задала
Полемному овладела молодым парем.

Кобылшны и пору тешки, буйный жеребец —
Семь невест и льву подобный юный удалец.

Как же страстному желанию тут не возражать,
Как же требованьям страсти тут противостоять?

Рад Бахрам был предсказанью звездному тому,
Хоть оно пересекало в жизни путь ему.

Но зато определяло жизнь и вдалеке дело,
Исполнением желаний дух его влекло.

Все, что нас надеждой крепкой в жизни одарит,
Силу духа в человеке удеситерит.

Вышел прочь Бахрам, и слугам дал такой наказ:
«Если в эту дверь заглянет кто-нибудь из вас,

Света солнечного больше не видать тому:
С плеч ему я без пощады голову сплуну».

Стражи, слуги, и вельможи, и никто другой
Даже заглянуть не смели в тайный тот покой.

Только ночь прольет прохладу людям и зверям,
Взяв ключи, Бахрам к заветным подходил дверям,

Отпирал благоговейно и, как в рай, вступал:
Молча семь изображений дивных созерцал.

Словно жаждавший, смотрелся в чистый водоем.
И, желаньем утомленный, забывался сном.

Вне дворца ловитвой вольной шах был увлечен,
Во дворце же утешался живописью он.

БАХРАМ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Лживые в предел Аджам вестники текли,
Ездигирду о Бахrame сплетни понесли.

Говорили: «Исполним сын твой ярым стал,
Молод он, а львом могучим, волком старым стал».

От него, как пес, трусливо убегает лев.
Он дракона убивает, приходя во гнев.

Он арканом сыромятным дива в плен берет,
По горам, преград не зная, правит он полет.

В шелк алмазы превращает он мечом своим,
Скалы в гнев рассекает он мечом своим».

Услыхал отец о силе сына своего,
Мыслит: «Смерть моя таится в юности его!»

Подозрительный и злобный, опасался он
Льва, хоть лев ему был сыном, им был порожден.

А Бахрам душой беспечной этого не знал,
Днем охотился с друзьями, ночью — пировал.

Дружелюбен и приветлив, радостен всегда,
Красовался он в Иемене, как Сухейль-звезда.

Так любил Муизр Бахрама — брата своего,
Что считал велем неба прихоти его.

И, почтив по благородству духа и уму,
Управление страной поручил ему.

Перлы он дарил Бахrame, дорогих коней.
Для него не пожалел бы жизни он своей.

Там ни в чем Бахрам счастливый не познал нужды,
Не изведal дуновенья никакой беды.

Дружелюбнем и лаской был он окружен,
И страну Аджам забыл он и отцовский трон.

А когда судьбой сужденных дней пришел черед,
Новое явил деянье вечный небосвод, —

Трон высокий Ездигирда долу ниспроверг.
Шаха грозного светильник в некий день померк.

Как венец и трон свой принял он после отца,
Так в единый час лишился трона и венца.

Увидев, что на престоле шаха больше нет,
Войны и горожане созвали совет.

И решили все: дракону больше не служить
И потомков Ездигирда к власти не пустить.

И хотя был добр, разумен доблестный Бахрам,
Наделен был всем, чем должно обладать царям,

Но из-за отца, чей тяжек был неправый гнет,
Доблестей Бахрама видеть не хотел народ.

Говорили: «Неизвестен этот нам юнец!
Пусть не знает он, что умер шах, его отец!

Вырос он среди арабов, и на нем печать
Чуждая. Как он Аджамом сможет управлять?

Он страну и нас повергнет под стопу тази.
Мы — иранцы — в унижение будем и в грязь!»

Так совет решил — Бахрама на престол не звать.
Бог судил иначе. С богом трудно воевать.

Вот они на трон Аджам шаха вознесли —
Старца из среды мобедев шахом нарекли.

Хоть и не из вельмошеского родом старец был,
Но от ветви древних магом он происходил.

И надел венцы на темя этот новый шах
И владык иранских пояс о семи значах¹.

Но Бахрам узнал, что небо свой круговорот
Завершило и что в новый круг теперь идет;

И что этот круг вёршится на стезе шой,
Вопреки установленьям старины святой.

Усмыслив он, что величие превратилось в прах,
Что из рода Ездигирда не был избран шах,

Что чужой теперь на троне царственным сидит,
Что в стране иранской смута новая кипит.

Он сперва оплакивание по отце свершил,
Бирюзовые одежды черной заменил.

А потом решил за правду обиджить свой меч
И пути врагов кривые навсегда пресечь.

Он решил пойти и смуту сталью поразить,
Он решил врата сражений пред врагом открыть.

А потом сказал: «Сначала мудрость проявил,
Мне добра не будет, если гневом их сжалю».

Хоть иранцы провинились тяжко предо мной,
Хоть отнять они хотели трон законный мой,

Но не буду я душою гневаться на шах,
Мне добро откроет душу подданных моих.

Пусть они неправы, нужно ль их казнить мечом?
Ведь они мои же ошны на дугу моею!

Пусть теперь в своей ошнице там они хранят,
На моих они угодьях и отгонах сят.

Пусть они нарушат клятву, и вернусь в свой дом,
Знаю я — им будет стыдно предо мной потом.

Ведь предательства стыдится честный муж всегда,
Он в раскаянии горьком никнет от стыда.

Сам себя унижит тяжко, кто несправедлив,
Кто вернется в лоно правды — тот уже счастлив.

Обезумели иранцы? Что ж, — я к ним приду,
Разум им верну и к вере прежней приведу.

Коль охотник в нетерпенье выстрелить спешит,
То стрела его от цели в сторону летит».

БАХРАМ ПРИВОДИТ ВОЙСКО В ИРАН

Не пора ли стать собою, слова чародей?¹
Утомляет повторенье слышанных речей.

Нет, из горла ты дыханье розы источи,
Словно амбру, мысли в ларчик слова заключи!

Дал сначала обещанье я тому, кто сам
В исполненье обещаний помогает нам.

В наши дни, когда вино мы пьем, а он почил —
Тот, кто царственную книгу миру подарил, —

Не могу его творенье я назвать своим,
Ибо не к лицу ходить мне по путям чужим.

И пока воображение молодо мое,
Стыдно будет мне чужое зашивать старье.

Хоть в напизыванье перлов я и не привык
Пересказу сказанного подчинять язык.

Но к сокровищницам слова нет путей других.
Хоть и две стрелы, но все же цель одна у них.

Но поскольку пересказа я не избегу,
Вместо древнего паласа шелковый сотку.

Два алхимика над словом стали колдовать
И заставили монеты старые блистать.

В серебро один когда-то переплавил медь,
Серебро другой заставил золотом звенеть.

Если серебром занело медное литье,
Не дивись, что станет золотом серебро твое.

НАЧАЛО ИЗЛОЖЕНИЯ

Ювелир, что самоцветы эти оправлял,
Меж собой в таком порядке их располагал:

В день, когда Бахрам услышал вести от гонцов,
Что чужак похитил дерзко трон его отцов,

То — во имя славы Кеев и величья их —
Шах Бахрам оружие поднял на врагов своих.

Чтобы в мире утвердил он древний свой оплот,
С ним Муизир послал Нумана спутником в поход.

Он открыл перед Бахрамом царскую казну,
Дал людей, коней, оружие, чтоб вести войну.

Был стремителем вонзатель, месть в нем ожила,
На Аджам рука Бахрама войско повела.

От Йемена до Адена всадники пришли,
Клятву верности сто тысяч шаху принесли.

Лучшие в стальных доспехах войны степей,
Братья обученные с бою стены крепостей.

Каждый по своей природе с тигром схож и львом,
Каждый — шахская опора со своим мечом:

Двинулись войска Бахрама по стезе войны,
Конский пот и пыль затмили светлый лик луны.

Загремели барабаны, и из края в край,
Оглашая даль степную, заревел карнай.

От раската барабанов, грянувших кругом,
Желчь бы в печени несякла, онемел бы гром.

И волнами до небесных нижних плоскостей
Подымались шум и ржанье множества коней.

Многочисленной деташей в небе саранчи
Войско двигалось, и сечи жаждали мечи.

Цвет воинственный Пемеа двинулся в Аджам,
Чтобы сел на троне Кеев доблестный Бахрам.

Заступивший Ездигирда старец был смущен,
Услыхав, что устремился на него дракон;

Что спуститься пожелали наземь небеса,
Что Сухейль, Пемеа светоч, гневно поднялся;

Что над ним, как над онагром, лану лев занес,
Что ему сулит могилу сочетание звезд;

Что идет Бахрам в Аджам смуту усмирить,
Брать венец и трон, порядок стройный водворить.

В день, когда в Аджам такие слухи донеслись,
Полководцы и мобыды к шаху собрались.

Говорили: «Нам Бахрама незачем пускать,
Здесь потомку Ездигирда нечего искать».

Совещание мобыдов кончилось на том,
Что Бахрама надо мудрым вразумить письмом.

Написали, как высокий разум им велел,
Семена писец посеял с примесью плесел.

Он писал велеречиво в духе старины;
Словеса неясны были, мысли в них темны.

Написав, свернули свиток, выбрали гонимов —
Опытных в посольском деле старых мудреных

Те приехали к Бахраму и сошли с коней,
Но была звезда Бахрама воли их сильнее.

Благосклонные хаджибы, доброе творя,
Выслушали, разрешили увидеть царя.

Полон светлого величия, встретил их Бахрам:
«Подойдите ближе, старцы!» — молвил он послан.

Те с великим опасеньем ближе подошли,
Пали ниц и восхваленные шаху принесли.

Тут старейший из посольства к трону подступил,
Над челом посланье поднял и царю вручил.

И лабир паря на свитке преломил печать,
Развернул письмо и начал вслух читать.

ПИСЬМО НАДИННАХА ИРАНА БАХРАМУ-ГУРУ

«Именем того, кто правит небом и землей,
Кто заблудшим указывает к благу путь прямой,

Именем творца вселенной, волею своей
Направляющего звезды и судьбу людей;

Ибо все, что населяет сей земной простор,
Море, воздух — от зенита до тяжелых гор —

Все в кумирне несказанной славы и щедрот,
Им изваянные формы восприняв, живет;

Ибо им живет любое в мире существо,
И желанья наши движет промысел его.

Мы узлов его не можем сами развязать,
И его восходит утро солнце прославлять.

В нем живут земля и время, им владыка — он,
И ему земля и время отдают поклон».

Так был во главе послания восхвален творец.
А закончив славословье, продолжал писец, —

Воздал славу Ездигирду он и шахзаде:
«О, вознесшийся подобно утренней звезде,

Наделенный фарром, отпырек истинных царей,
Человечный, справедливый шах богатырей.

Сам я родом от Хосрова, предком я горжусь,
И противника любого я не уstraшусь.

Доблестями наделенный, я — мобедов пир,
Знаю жизнь; к моим сединам благосклонен мир.

Горячо судьба за доблесть мне благоволит,
Недостойного всевышний тронем не дарит.

Я короною увенчан, тронем вознесен,
Никогда никем не будет мой унижен трон.

Но хоть на земле в Аджаме власть крепка моя,
Знай, что дивами и пери управляю я.

Но суровые заботы разум мой томят,
Тяжесть царской власти к меду примешала яд.

Сколько силы, сколько мощи было у меня,
Как светло горел мой светоч вечного огня!

Хорошо, когда б ты старцу внял, мой юный шах! —
У подножья трона пропасть, и враги, и страх.

Знай, что долго не хотел я восходить на трон,
Уступить горячим просьбам был я принужден.

Весь Иран меня заставил падинахом стать
И в чужом венце сиянем чуждым заблистать.

Я поклялся от вторжений землю защищать,
Долг мой не блистать величием, долг мой — охранять.

Притчу старую напомнить я хочу тебе:
Власти жаждущий над миром — враг своей судьбе.

Но безумной жаждой власти ты не овален,
По-иному ты душою к миру устремлен.

Для тебя кебаб, что в поле на углях посел,
Лучше тысячи тревожных, трудных царских дел.

И глоток вина и лютня — отдых без забот —
Это лучшее, что дать нам может небосвод.

Лучше пировать, бесечно, дичь в полях стрелять,
Чем на плечи бремя власти царской принимать.

Счастья хочешь ты и мира — ты владеешь им,
И довольно! А заботы предоставь другим.

Днем охотился, пируешь ночью за столом,
Пьешь ты сладко, ешь ты прино, спишь ты крепким сном.

Я не так: живу, лишенный радостей земных,
Сна не ведаю, страдаю из-за дел людских.

С той поры как стал я шахом, мой удел суров.
То из-за друзей скорблю я, то из-за врагов.

Наименьшая забота для меня — свой меч
Обнажить, чтобы к престолу путь тебе пресечь.

Пусть тебе прожить приятно жизнь поможет бог,
Чтоб не знать тебе подобных тягостных тревог.

О мой шах, когда бы мог я, жил бы я, как ты,
К радостям бы обратился, сбросив груз тщеты.

Ни единой бы заботой дух не утруждал,
Песнею, вином, охотой сердце б улаждал.

Не скажу, что недостойн вовсе ты венца,
Нет, величием привлекаешь ты к себе сердца.

По обычаям, идущим к нам от старины, —
Мы не спорим — ты наследник истинный страны.

Но из-за злодейств безумных твоего отца
Ты у нас навек лишился Кеева венца.

С подданными не сдружился грозный твой отец,
На него теперь пред небом весь Иран истец.

Преступлениями шаха мир был потрясен,
Из-за это «Ездиризом грешным» прозван он.

Столько он творил насилий страшных и обид,
Что о жертвах Ездирида весь Аджам скорбит.

Восхвалять никто не станет ваш проклятый род,
Не засеет эту пашню больше здесь народ.

Ты признания в Иране добывать не тщишь,
Сам от сана каяндидов миром отрекись.

Если ты вскинешь, то пламя вспыхнет вокруг тебя,
Домогательством напрасно сгубишь сам себя.

Из сокровищ скрытых столько золота я дам,
Сколько шаху подобает, сколько спросишь сам.

Для любых затрат в течение жизни всей твоей
Я пожертвую охотно всей казной моей;

Чтоб ни в чем ты не нуждался, все у нас бери,
И живи в богатстве, в мире, как живут парси.

Если хочешь, наречешься ты у нас царем,
И наместником лишь в царстве буду я твоим.

Если же народ наш будет недоволен мной,
Без меча ты овладеешь тронем и страной».

А когда вазир послание это дочитал
Пламя вспыхнуло в Бахrame, гнев заклокотал.

Но хоть возрастом и молод, мудр он сердцем был,
Он усилием рассудка гнев свой укротил.

Весь горел, но торопиться все ж не стал Бахрам,
Он подумал и спокойно отвечал послан:

«Здесь внимательно я слушал, что читали мне,
Что правители Аджам написали мне.

Не скажу, что очень ясен строй и смысл писем,
Все ж советы — испытанье сердца и ума.

Все, что сказано разумно и на чем печать
Светлой мудрости, — все это следует принять».

Для меня равны по сути прах и серебро:
Я ценить приучен в мире лишь одно добро.

Все же царство, что осталось от отцов моих,
Не могу отдать, как ветошь, я во власть друзей.

Требовал обожествления мой родитель шах,
 Я же — к разуму привержен, я — пред богом прах.
 Бог во мне иной основы нити заложил,
 Правду я люблю. Отец мой — только власть любил.
 В несовершенных преступлениях обвинять нельзя,
 И грехом отцовским сына упрекать нельзя.
 Был одно отец мой грозный, я не сходен с ним,
 В скалах презан ход рудничный к лаалам дорогим.
 Ночь уходит и рождает утро в некий час.
 Порождается из камня грубого алмаз.
 Неуместно после смерти порицать отца,
 От него народ избавлен волею творца.
 Хотя и много зла свершил он, но пошел добром,
 Умер он, зачем же дурно говорить о нем?
 Говорящему дурное внемлет только тот,
 В ком дурное над хорошим верх всегда берет.
 Движимые лишь природой низкою своей
 Говорят дурное. Слушать их — еще дурней.
 На душе отца оставим то, что он свершил,
 Мы оставим то, о чем я вовсе не слыхал.
 Я, когда меня не тронет наговор и сглаз,
 За грехи отца прощенья здесь прощу у вас.
 Я во сне неведения долго пребывал,
 Но от праздности отрекся я и с ложа встал.
 Тот, кому судьба счастливый жребий свой дарит,
 До поры своих деяний безмятежно спит.

Не противься сну! — присловие мудрых учит нас, —
 Мирно спи, но встань, как только твой наступит час!
 Хотя и долго продолжался сон глубокий мой,
 Но, как видно, не дремало счастье надо мной.
 Мне недремлющее счастье, видно, помогло;
 Сон от вежд моих угнало, с дождя подняло.
 Вас отныне я заботой доброй осею,
 Тень бесчестия от сердца ныне оттою.
 Своенравно суровый положу предел
 И пособником я буду лишь разумных дел.
 И не панесу я людям никаких обид,
 Будет слух мой для советов разума открыт.
 Коль простить проступок можно — я его прощу,
 Я имущества и крови вашей не взыщу.
 И не буду весть грехам я проаням пересчет,
 Удовольствуюсь, что время правду принесет.
 С вами буду я по правде мудро поступать,
 Лишнее в казну не буду ни с кого взымать.
 Не пробью и малой брешы я ни в чей казне,
 А казною только сердце правое будет мне.
 Благотыслящих приближу, властью осею,
 Злое мыслящих низвергну, зло искореню.
 Я возьму себе примером мудрецов седых,
 Праведных. Смотреть не буду на людей дурных,
 Так, чтоб не стыдиться после перед богом мне,
 Буду править вами; смуты утишу и страхе.

Как у стада под охраной зоркой пастуха,
Ваша жизнь, при мне спокойна будет и тиха.

Силой я у земледельца хлеб не отниму,
Я еще прибавлю хлеба своего ему.

По пути добра направлю своего коня,
Дав нечестия не сможет совратить меня.

То, чего бы не одобрил жизнь дающий нам,
Не ядлю под этим сводом я ничьим глазам».

Речь свою Бахрам закончил. И ему в ответ
Молвил, поклонясь, старейший среди посланцев мобед.

Он сказал: «Теперь мы видим, истинно ты шах,
Мудрость восторжествовала, царь, в твоих речах.

В блеске разума пред нами ныне ты предстал,
Речь твою на темме сердца разум начертал.

Ты достоин быть над всеми, ты велик во всем,
Сможешь быть ты в этом стаде главным пастухом.

Ты достоин по природе трона и венца,
Ты рожден для шахской власти волею творца.

Кто в Иране «Зенд» Гуштаспа без тебя прочтет?
Кто, когда не ты, продолжит Кеев древний род?

Ты по крови — ветвь Бахмана, предок твой Дара,
Истины в тебе светильник и посев добра.

Ты на древе Снямака порожденный плод
Ардашира Бабадана дух в тебе живет.

Ты уж при своем рожденье был наш властелин,
По законам — венценосец только ты один.

Все мобеда, все, кто правит нашею страной,
Как один, согласно примут сказанное мной.

Но — не волены мы, хоть зримых нет на нас цепей,
Ибо связаны мы клятвой крепкою своей.

Перед тем, кого мы сами в шахи возвели,
Крепкую мы, в дни смятения, клятву принесли.

Поклялись мы, что другого не хотим венца,
Что душой не отвернемся от его двorca.

И теперь, ты понимаешь, как мы смущены, —
Нам для нарушения клятвы поводы нужны.

Чтоб перед людьми и небом это оправдать
И за клятвопреступление вечно не страдать».

Молча выслушал мобеда мудрый шах Бахрам
И, размысливши, достойный дал ответ посланцам.

Он сказал: «Законов древних нарушать нельзя,
Людям разума от клятвы отступать нельзя.

Мой противник, что Аджам захватил венец,
Для меня — дитя, хоть старый муж он и мудрец.

Так я у него корону с головы сниму,
Что ни на волос не будет убавил ему.

Хоть не за мое смирение будет возмещен
Мне завещанный от предков мой законный трон.

Я — идущий от Джамшида шах, — так суждено!
В белом, в черном, — здесь уделом царство мне дано.

Что престол и что корона, если царства нет?
Должен царь уметь за царство сам давать ответ!

У того же, кто по праву царство приобрел,
Вечно небосвод — корона, а земля — престол.

Где Джамшид? Где Фаридуна блеск — царя царей?
Все ушли, и не был вечен ни единый Кей.

Тот, кто истинною мощью духа обладал,
Возносил венец свой к небу, трон свой утверждал.

Путь я знаю к овладению троном и венцом, —
У меня есть меч, дорогу проложу мечом.

На престол отныне изменник без меня вышел, —
Как паук в пустой пещере паутину плел.

Но явился в ту пещеру исполни дракон,
Неужель тенет паутиных побоятся он?

Разве твоя от Джабраила в мире рождена?
И в бою комар противник разве для слона?

Доблестью своей гордитесь и озагр стеной,
Но покамест не затрубит лев перед войной.

И о ста свечах светильная яркая темна
Перед солнцем, проходящим через знак Овна.

Сирота — под чуждой кровлей я нашел приют, —
А в отцовском доме воры наглые живут.

Воры пожирают сахар из моих ларей, —
Я питаюсь кровью сердца, печенью своей.

Обнажить мне меч, я вижу, срок теперь настал,
Будет меч из иракской шее, а в груди кинжал!

Весь Аджам — мое владенье. Что же я ищу
На чужбине? У арабов весь свой век гоню?

То Муазир мне посылает пищу и питье,
То Нуман, как брат, мне дарит все добро свое.

Те, на чем я вырос хлеба, мною дорожат,
Ну, а те, кого кормлю я, мне в лицо дерзят.

Я пришел занять владенье прежнее мое,
Разве лев лесной оставит логово свое?

Я природный Кей. Кто сможет Кея отстранить?
Разве будут самозванцу подати платить?

Место Кею подобает Кеям лишь одним,
На вершину их престола нет путей другим.

Мы издревле миродержцы, вы у нас рабы,
Мы — всегда полны, вы — пусты, — это знак судьбы.

Шах природный и на троне и в боях велик,
Разве воин — этот вами выбранный старик?

Если старый маг не сможет наливаться вином,
Заместить его лишь магу истому дано.

Вы же ведайте, что вам я зла не сотворю,
Это все во имя правды вам я говорю.

Я не по гордыне царской буду поступать,
Но чтобы святянино клятво вам не нарушать,

Так я сделаю, что правы будете и вы,
Ибо подданных довольство — радость для главы.

Знаю я, что повод нужен; повод я найду,
Нарушения присяги грех я отведу.

Завтра — кто из нас могучих будет львом смелей,
Тот и правь страной! И троном и венцом владей!

Поутру — из-за решетки и из-под замков —
Выведем мы, до кормежки, двух свиреных львов.

Двух голодных, что от гнева яростно ревут,
Львов свиреных, кровожадных в поле приведут.

Пусть там выстроится войско. И при всех войсках
Этих львов к столбам привяжут на стальных цепях.

Пусть корону древних Кесей, что послал Хосров,
Принесут и там положат между этих львов.

Кто из нас двоих, не зная, что такое страх,
Кто у львов возьмет корону, тот и будет шах!»

Кротко он, хоть и с намеком, те слова сказал,
Так на речь обманной лести он им отвечал.

Те условия велел он тут же записать,
И поставил на посланье он свою печать.

И посланникам Аджамы свиток свой вручил,
И обратно к старцу-шаху он их отпустил.

А послы, печать на свитке парекою узнав
И любезные от шаха речи услышав,

Воротились, предстоящим делом смущены,
Образом и речью шаха нового полны.

Каждый обликом Бахрама очарован был,
Каждого из них он блеском царственным пленил.

Меж собою говорили: «Да! Вот это шах!
Царь по крови, по природе, а не жалкий прах!

Да ему и невозможно противостоять,
Как нельзя восходу солнца утром помешать.

Полный силы и величия лев нам предстоит,
Он отважен, он драконов стрелами разит.

Худо будет, если грозный разъярится лев,
Плохо нам придется, если он впадет во гнев.

Силой трон возьмет, не будет медлить он ни дня,
Нас он бросит под копыта своего коня.

Что он требует, не лучше ль волею отдать?
Нужно ли напрасно брани пламя разжигать?

А условие со львами нужно ли ему?
Смысл условия понятен острому уму.

Эти львы — разумный довод; трудно ли понять,
Что нельзя лесой лукавой волею заменить.

Все они с дороги прямо во дворец пошли,
Об условии Бахрама шаху довели.

Прочитай ему посланье, изложили все,
Не убавивши ни слова, сообщили все.

Этот старец, полюбивший царство и престол,
Тут же снял с себя корону, с трона прочь сошел.

Он сказал им: «Наведи мне венец и трон!
И за них и встать от лица львиной обречен.

Лучше и живой с престола плыть сам собой,
Чем от лапав себе такую поклонять беду.

Тот, кому не надоели жизнь и голова,
Не дерзнет, конечно, нищу отнимать у льва.

Пусть Бахрам добьет по праву трон последний свой,
По мечу он и по чине — царь, для нас прямой.

Он наследник древних Кесев — и ему венец,
Молод он — я стар, раздорам пусть придет конец.

Но вельможины мобеда молвили ему:
«Ты глава у нас по знаниям, славе и уму.

Мы, когда тебя решили шахом посадить,
Ставили тебе условие — мягкосердым быть.

Ты — наш царь, по нашей воле. Ты для нас хорош,
Только лишь по нашей воле с трона ты сойдешь.

Не забава у голодных львов венец отнять, —
Мы подумаем. До завтра надо подождать.

Выполним его условие мы без лишних слов, —
На землю венец положим, двух привяжем львов.

Если львов он устрашится, будет твой венец,
А растерзан будет, — тоже за тобой венец.

Ну, а если победит он и венец возьмет
И от тягостных поборов облегчит народ,

То престола он достоин, — это скажет всяк, —
Но не дай, всевышний боже, чтоб случилось так!»

И решили: будь что будет — надо подождать.
От условия нельзя им было отступать.

Ждать решили, что им завтра утро принесет,
Как Бахрам у львов свирепых свой венец возьмет.

БАХРАМ БЕРЕТ ВЕНЕЦ

Только в золотой короне утро над землей
На подножии рассвета трон воздвигло свой,

Полководцы и вельможи шахов поднялись
И с войсками на майдане ратном собрались.

Все войска Арабистана ожидали там,
Против них войска Аджамы тоже стали там.

Стражи царского зверинца из глубоких рвов
Вывели двух разъяренных людоедов-львов.

Приковали львов цепями рядом к двум столбам,
Чтоб меж ними невредимо не прошел Бахрам.

Тут зверинца главный сторож, богатырь-храбрец,
Под охрану львов могучих положил венец.

Золотой венец меж черных этих львов лежал,
Словно между двух драконов месяц заблестал.

Но не таза гром драконов черных испугал,
Таз судьбы и меч Бахрама тьму с небес прогнал.

По земле хвостами бил, яростью горя,
Эти львы, они рычали, будто говоря:

«Кто посмеет подойти к нам и корону взять?
Кто посмеет у дракона клад его отнять?»

Но рожден с железным сердцем славный был Бахрам,
Много львов убил, дракона победил Бахрам.

На цепях те львы ходили, растерзать грозя,
На полет стрелы к ним было подойти нельзя.

По условию мобеда, должен был Бахрам
Первым выйти за короной к двум огромным львам.

Если, мол, возьмет корону — будет шахом он,
Примет чашу золотую и взойдет на трон.

Если ж не возьмет — от трона отречется пусть
И туда, откуда прибыл, вновь вернется пусть.

То условие без спора принял шах Бахрам,
Он спокойно с края поля подошел ко львам.

Он охотником в Пемене самым первым слыл,
Он за жизнь свою до сотни львов степных убил.

И арканом львов ловил он и стрелой стрелял,
И копьём своим и сталью острой убивал.

Разве сотню львов убивший побоялся двух?
Он, как сталь, в охоте львиной закалил свой дух.

Он своей кольчуги полы за кушак заткнул,
Подошел, как вихрь палящий, прямо к львам шагнул.

Сам на львов, как лев пустыни, грозно зарычал
И венец рукою левой между ними взял.

Эти львы, увидя доблесть львиную его,
И бесстрашие и отваги львиной торжество,

Ринулись, как исполины, на него. Скажи:
Острые мечи в их пасти, в лапах их — ножи.

Захотели шахской кровью свой украсить пир,
Захотели миродержцу тесным сделать мир.

Но Бахрам зверей свирепых грозно проучил,
Кровью этих львов свой острый меч он омочил.

Обезглавил их и злобе положил конец.
Он живым ушел с майдана и унес венец.

Возложил его на темя и воссел на трон,
Так судьбой своей счастливой был он одарен.

Тем, что он неустрашимо взял венец у львов,
Сверг Бахрам лисец с престола древнего отцов.

БАХРАМ ВОСХОДИТ НА ПРЕСТОЛ ОТЦА

Гороскоп, что о рождение шаха возвестил,
Исполнялся благосклонной волею светил.

И по звездам, хоть не видя шаха самого,
Звездочеты наблюдали путь судьбы его.

Видели, что трон Бахрама был в созвездье Льва,
Совершались предсказания давнего слова.

В сочетании с Утаридом, солнце в апогей
Поднималось — обещаешь долгих, славных дней.

В знак Овна Зухра входила, Мунтари вставал
Со Стрельцом. И дом Бахрама раем расцветал.

Месяц был в десятом знаке, а Бахрам в шестом
Знаке неба. С чашей — месяц, а Бахрам — с мечом.

А рука Кейвана стала чашею весов,
Чашею сокровищ мира и его даров.

С добрым предзнаменованием, счастьем одарен,
Добронравный шах Ирана поднялся на трон.

То не трон, корабль удачи морем перлов плыл.
Столько подданным своим он перлов раздарил,

Столько вынести он сокровищ слугам приказал,
Так он сам великодушьем царственным блистал.

Что сидевший на престоле шахом до него,
Одеяние носивший и венец его,

Увидав великолепье нового царя,
Слыша, как он мудро судит, милостью даря,

Первый подошел и молвил: «Славься, государь!
Истинный ты шах вселенной и над нами царь!»

И мобеда: «Шах великий» — нарекли его,
Вещеносные — «владыкой» нарекли его.

И Бахрама всяк, по мере разума и сил,
Всюду — тайно или явно — славил и хвалил.

Так Бахрам венцом высоким в мире заблистал,
Так он шахом горизонтов и владыкой стал.

И, прославивши молитвой небо и судьбу,
Справедливости своей он прочитал хутбу.

ХУТБА СПРАВЕДЛИВОСТИ БАХРАМА-ГУРА

Он сказал: «На отчий трон я возведен судьбой,
Бог мне даровал победу и никто другой.

Я хвалу и благодарность небу воздаю.
Тот, кто верит в бога, милость обретет мою.

Я о милости не должен вечного молить,
Бога я могу за милость лишь благодарить.

Я у львов корону отнял. Меч ли мне помог?
В этом подвиге помог мне всемогущий бог.

И когда обрел венец я и высокий трон,
Должен быть я справедливым, чтоб одобрил он.

Если даст он, так во всем я буду поступать,
Чтоб никто не мог в обиде на меня пенять.

Вы друзья мои, вельможи моего дворца,
Пусть дороги ваши будут прямы до конца.

Знайте, кто из вас от кривды низкой отойдет,
В справедливости спасенье верное найдет.

Если кто не будет ухо правое держать,
У того придется уху левому страдать.

Я для всех, как подобает истому царю,
Правосудья и защиты двери отворю.

Мы теперь во имя правды в руки власть берем,
Злом за зло платить мы будем, за добро — добром.

И пока стоит на месте снший небосвод,
Слава тем, кто в край блаженный с миром отойдет.

А живущим всем мы будем, как надежный щит,
Одарим добром, надеждой, не творя обид.

Где вину простить возможно, лучше там простить.
Зла не делай там, где можно милость допустить».

Так намеренья благие обнаружил он,
И ему вельможи низкий отдали поклон.

С приближенными беседу час или два он вел,
А потом, сойдя с престола, отдыхать пошел.

Правил он страпоно мудро, правый суд вершил,
И народ был благодарен, бог доволен был.

Для совета звал он светлых разумом мужей,
Не было в стране раздоров, смут и мятежей.

О ТОМ, КАК ПРАВИЛ БАХРАМ-ГУР

Счастливым на трон Ирана шах Бахрам взойшел,
Совершенством и величием озарил престол.

На семи золотых подножьях трон его стоял,
Поясом с семью значками стан он повязал.

Был венец двухцветный Чина на кудрях его,
Ризы из парчи румийской на плечах его.

Он добром с пределов Рума подати взимал,
Благом он с хакана Чина обложение брал.

Он законы правосудия учредил в стране,
Злобу покарал, а правду награждал вдвойне.

Справедливых и гонимых сам он ограждал,
Угнетателей унижал, алчных покарал.

И ключом к замку печалей стал его дворец,
Благодеяние настало в царстве наконек.

Государство процветало, обрета покой,
И при нем дышать свободно стал народ простой.

Овцы множились, богатый расплодился скот,
На полях лилось живое изобилие вод.

Всякий плод пошел обильно на деревьях зреть,
Чистым золотом монеты начали звенеть.

Шах Бахрам вникал повсюду сам во все дела;
Если видел зло, искал он тайный корень зла.

И последовали шаху все князья земли,
И окраины Ирана также расцвели.

Все, что гложло в запустенье в дни его отня,
Расцвело и разрешилось у его двора.

Стражи кладов и владельцы замков крепостных
Крепости ему вручили и ключи от них.

Дневники приказов свыше каждый обновлял,
Каждый жизнь свою на службу шаху отдавал.

Шах делами государства окружал себя,
Подданным добра желая, утруждал себя.

Разоренные хозяйства вновь обогатил,
Беглецов в родное лоно лаской возвратил.

Он овец своих от волка злого защитил,
Сокола своею властью с голубем сдружил.

Обольщенья старой смуты он изгнал навек,
Хищничество, лихоимство всякое пресек.

Сокрушил, разбил опоры он врагов своих,
Поддержал друзей надежных он в делах мирных.

Человечность он законом для себя избрал.
«Лучше благо, чем обида», — людям он сказал.

«Оскорбление унижает, Лучше убивать
Ненавистников, но душу их не оскорблять.

Лучше смерть, чем оскорбление. Коль нельзя простить
Нераскаянных злодеев, лучше уж казнить.

И бичи и унижение — гибели лютей»,
Справедливостью своею он привлёк людей.

Был он щедр. И по величию духа своего
Не оставил без внимания в царстве никого.

Видел он: лишь нить печали, скорби и забот
Древняя обитель праха мудрому несет.

Но душой своей в печали не поник Бахрам,
Предался веселью, пеге, ласкам и пирам.

Да, в непрочности вселенной убедился он,
И душою в наслажденья погрузился он.

Он лишь день один в неделю отдавал делам.
Шесть же дней — любви и пеге отдавал Бахрам.

Без любви теперь не мог он даже дня дышать,
В порога любви стучал он. Как же не стучать?

Есть ли смертный, что любовью не был бы пленен?
Кто лишен любви, ты скажешь, жизни тот лишен.

И любви провозгласил он в мире торжество,
И четы влюбленных стали свитой его.

От зенита он наполнил славой по надир
Эту землю. — И Бахраму стал подвластен мир.

Жизнь бесечно принимал он — с чистою душой,
Правосудье совершал он — с чистою душой.

При Бахrame не в почете были плеть и меч.
А в казну богатство стало отовсюду течь.

Стал Аджам как плодоносный сад в цвету ветвей,
А Бахрам, как солнце, лаской одарял людей.

То, что явно властелину, не понять рабу,
Уповал завистник алчный все же на судьбу.

Но погибнет тот, кто бога вечного забыл,
Тот, кто в сердце состраданье к людям истребил.

И всегда, когда печалье низкие творят
И за свой достаток бога не благодарят.

То в конце концов богатство их скудеть начнет,
Будут их питать железо, пламя, кровь и пот.

ЗАСУХА И МИЛОСЕРДИЕ БАХРАМА

Были в некий год жарово сжальены поля,
И зерна не уродила щедрая земля.

Был такой во всем Иране страшный недород,
Что голодный нахарь начал есть траву, как скот.

Мир от голода в унынье голову склонил,
Хлеб у скушников богатых странно дорог был.

Весть о бедствии народном шаху принесли,
Молвили: «Простерся голод по дну земли».

Смерть, страдания, людоедство на земле царят;
Словно волки, люди падаль и людей едят».

И Бахрам решил немедля бедствие изыть,
Двери всех своих амбаров он велел открыть.

А правителям окрании отдал он приказ,
Чтобы людям царских житниц роздали запас.

Наивсел: «Во всех селеных пусть и в городах,
Люди хлеб берут бесплатно в наших закромах».

У богатого за деньги забирайте хлеб,
Голодающим бесплатно раздавайте хлеб.

А когда не будет ведаť голода страна,
Птицам высыпайте остатки вашего зерна.

Чтоб никто в моих владениях голода не знал,
Чтоб никто от недостатка пищи не страдал!»

А когда голодных толпы к житницам пришли
И домой мешки с пшеницей царской унесли,

Шах зерно в чужих владениях закупать велел
И закупленное снова раздавать велел.

Он утешивался, сокровища древних не щадя,
Милостя он считал гуще внешнего дождя.

Хоть подряд четыре года землю недород
Покосил, зерно от шаха получал народ.

Так в беде он истым Кесем стал в своих делах,
И о нем судили люди: «Подлинный он шах!»

Так избил народ Ирана горе злых годин;
Все ж голодной смертью умер человек один.

Из-за этого бедняга шах Бахрам скорбел,
Как поток, зимой замерзший, дух в нем онемел.

И, поднимав лино, Яздана стал он призывать,
И о милости Яздана стал он умолять:

«Пищу ты даруешь, твари всеяческой земной!
Разве я могу сравниться щедростью с тобой?

Ты своей рукой величие малому даешь,
Ты величью истребленье и паденье шлешь.

Как бы я ни тшился, хлеба в житницах моих
Недостанет, чтоб газелей накормить степных.

Только ты — победоносной войскою своей
Кормишь всех тобой хранимых — тварей и людей.

Есть голодной смертью умер человек один,
То поверь, я не повинен в этом, властелин!

Я не ведал, что бедняга жил в такой нужде,
А теперь узнал, но поздно, не помочь беде».

Так молил Бахрам Яздана, чтобы грех прощыл,
И Бахраму некий тайный толкоч позвистыл:

«За твоё великодушие небом ты прощен,
И в стране твоей отныне голод прекращен.

Дал Подряд четыре года хлеб ваш полагал,
Ты ж свои запасы людям щедро раздавал.

Но четыре года счастья будет вам теперь,
Ни нужда, ни смерть не будут к вам стучаться в двери!»

И четыре круглых года, как сказал Яздан,
Благодействовал и смерти не видал Иран.

Счастливы шах, что добротой край свой одарил
И от хижин смерть и голод лютой удалил.

Люди новые рождались. Множился народ.
Скажешь: не было расхода, был один доход.

Умножалось население. Радостно, когда
Строятся дома; обильна, людны города.

Дом за домом в эту пору всюду возникал,
Кровлею к соседней кровле плотно примыкал.

Если б в Нефахан из Рея двинулся слепец,
Сам по кровлям он пришел бы к целям наконец.

Если это непонятно будет в наши дни,
Ты, читатель, детошница — не меня — вини.

Народился люд, явилось много новых ртов,
Пронитанья было больше все ж, чем едоков.

На горах, в долинах люди обрели покой,
Радость и веселье снова потекли рекой.

На ширах, фарсаиға на два выстроившись в ряд,
Пели чагчи и рубабы и звучал барбат.

Что ни день — то, будто праздник, улица шумна.
Везде каждого арыка был бассейн вина.

Каждый шел и веселился, брань и меч забыл,
И, кольчугу сшив, одежды шелковые шил.

Ратный шум, бряцанье брони невзлюбили все,
О мечах, пращах и стрелах позабыли все.

Всякий, у кого достаток самый малый был,
Радовался, услаждался и в веселье жил.

Ну, а самым бедным деньги ниях давать велел
На потехи. Всех он видеть в радости хотел.

Каждого сумел приставить к делу он в стране.
Чтобы жизнь была народу радостна вдвойне,

На две части приказал он будний день разбить,
Чтоб сперва трудиться, после — пировать и пить.

На семь лет со всей страны он подати сложил,
Ствол семидесятилетней скорби подрубил.

Тысяч шесть созвать велел он разных мастеров:
Кукольников, музыкантов, илясунов, певцов.

Он велел их за умение щедро наградить
И по городам, по селам им велел ходить, —

Чтоб они везде ходили с песнею своей,
Чтобы сами веселились, веселия людей.

Меж Тельцом и Близицеями та была пора, —
Рядом шла с Альдебараном на небе Зухра¹.

Разве скорбь приличествует людям той порой,
Как Телец владычествует на небе с Зухрой?

БАХРАМ И РАБЫНЯ

Поохотиться, порыскать захотел Бахрам
По долинам травянистым, по глухим горам.

В степь рассветною порою он коня погнал
И, пустив стрелу, в онагра быстрого попал.

Вровень с Мунтари звездой в небе плыл Стрелец, —
Мунтари достал стрелою нарственный стрелец.

А загонщики из поля дальнего того
Стадо легкое онагров гнали на него.

И охотник, нетерпением радостным томим,
Сдерживал коня на месте, что играл под ним.

Вот пускать он начал стрелы с тетивы тугой.
В воздухе стрела свистела следом за стрелой.

Промеха не зная охотник, прямо в цель он бил,
Пробегающих онагров много подстрелил.

Если есть онагр убитый и кувшин вина —
Полная огня жаровня алчущим нужна.

Дичь степную настигали за стрелой стрела
И без промаха пронзали, словно вертела.

Даже самых быстроногих шах не пропускал,
Настигал, и мигом им он ноги подсекал.

Шах имел рабу, красую равную луне;
Ты такой красы не видел даже и во сне.

Вей — соблази, ей имя — Смута, иначе — Фитна,
Весела, очарованьем истинным полна.

Петь начнет ли, на струнах ли золотых играть —
Птицы вольные слетались пению внимать.

На пиру, после охоты и дневных забот,
Шах Бахрам любил послушать, как она поет.

Стрелы — шахово оружие, Струны — стрела дель,
Как стрела, пронзает сердце сладостный напев.

Стадо испугнутых онагров показалось там,
Где земля сливалась с небом. Поскакал Бахрам.

По долине в золотистый утренний туман,
Сняв с крутой луки седельной свой витой аркан,

На кольцо он пусковое положил стрелу,
Щелкнул звонкой тетивой и пустил стрелу.

В бок онагру мчащемуся та стрела вошла,
И, целуя прах, добыча на землю легла¹.

За короткий срок он много дичи подстрелил;
А не стадо стрел — арканом прочих изловил.

А рабыня, отвернувшись, подала сидела,
От похвал воздерживалась — даже не глядела.

Отгорчился шах, однако слова не сказал,
Вдруг еще онагр далеко в поле проскакал.

«Узкоглазая татарка! — шах промолвил ей, —
Что не смотришь, что не ценишь меткости моей?»

Почему не хвалишь силу лука моего?
Иль не видит глаз твой узкий больше ничего?

Вот — онагр, он быстр на диво, как поймать его?
От крестца могу до грины пронзить его!»

А рабыня прихотливой легионной была,
Своеразумна и упрямая и в речах смела.

Молвила: «Чтоб и лишилась меткости твоей,
Ты кончатся у онагра с тонким ухом сней».

Шах, ее назменки слыша, дивом пламенел,
Он потребовал полюбивый ветру самострел.

И на тетиву свиной широк шарик положил,
В ухо шариком свиной широк шарик угодил.

С ревом поднял зверь кончатку к уху, на бегу,
Вырвать он хотел из уха жгучую сергу.

Молвил, все осветившей, выстрел шаха был.
Он кончатку зверя к уху выстрелом пришил.

Обратись к рабыне: «Видишь?» — он спросил ее.
Та ответила: «Ты дело выполнил свое!»

Ремесло тому не трудно, кто постиг его.
Тут нужна одна споронка — только и всего.

В том, что ты сейчас коняты зверя с ухом сшил, —
Лишь умение и привычка — не избыток сил!»

Шаха оскорбил, озлобил девушкин ответ,
Гнев его блеснул секирой тем словам послед.

Мростно ожесточилось сердце у него,
Правда злобою затмилась в сердце у него.

Властелин, помедли в гневѣ друга убивать,
Прежде чем ты вновь не сможешь справедливым стать.

«Державую и динях оставляю — не найду покоя,
А убить — женоубийство дело не мужское.

Лишь себя я опозорю», — думал гневно шах.
Был у шаха полководец, опытный в боях.

Шах сказал: «Покояни с нею взмахом топора —
Женщина позором стала моего двора.

Нам не дозволяет разум кровью смывать позор».
Девушку повел вельможа в область ближних гор.

Чтобы, как нагар со свечки, толону ее
С тела снять, пришел рабыню он в свое жилье.

Дева, слезы проливая, молвила ему:
«Если ты не хочешь горя дому своему,

Ты беды неоправимой, мудрый, не твори,
На себя моей невинной крови не бери.

Избранный и задушевный я Бахрамов друг,
Всех рабынь ему милее я и всех суируг.

Я Бахрама улаждала на пирах досуг,
Я вернейших разделяла приближенных круг.

Дня толкнул меня на шалость, — дерзок и упрям...
Сгоряча, забыв про жалость, приказал Бахрам

Верную убить подругу... Ты же два-три дня
Подожди еще! Сегодня не казни меня.

Доложи царю обманно, что раба мертва,
Коль обрадуют владыку странные слова, —

О, убей Фитну тогда же! Жизнь ей не нужна!
Если же души Бахрама будет стеснена

Сожалею, то бесследно отойдет беда.
Ты избежишь угрызений совести тогда.

Кипарис судьбы напрасно в прах не унадеет,
Хоть Фитна теперь ничтожна, но — пора придет —

За добро добром тебе и возмещу сполна!»
Ожерелье дорогое тут сняла она,

Полководцу семь рубинов лучших отдала,
А цена тому подарку велика была,

Дань с Омана за два лета — полнена ему.
Полководец шил совету мудрому тому

И не сделал ни на волос ни вреда Фитне.
Молвил: «Будешь в этом доме ты служанкой мне.

Ни при ком Бахрама имя не упоминай,
«Павили меня в служанки», — всюду повторяй.

Данную тебе работу честно выполняй
О тебе я позабочусь — не забуду, знай!»

Тайный договор скрепили, жизнью поклялись;
Он от зла, она от ранней гибели спаслась.

Пред царем предстал вельможа через восемь дней,
Стал Бахрам у полководца спрашивать о ней.

Полководец молвил: «Змею я луну вручил
И за кровь ее рыданьем выкуп заплатил».

Затуманились слезами шаховы глаза,
И от сердца полководца отошла гроза.

Он имел одно поместье средь земель своих —
Сельский замок, удаленный от очей мирских.

Стройной башни над холмами высился отвес,
Омываемый волнами голубых небес.

Шестьдесят ступеней было в башенной стене,
Кровля башни поднималась к звездам и луне.

С сожаленьями своими там — всегда одна —
Постоянно находилась бедная Фитна.

В том селении корова родила телка,
Ласкового и живого принесла телка.

А Фитна телка на шею каждый день брала;
За ноги держа, на башню на себе несла.

Солнце в мир несет весну — и несет Тельца.
А видал ли ты луну, что несет тельца?

Женщина же молодая, хоть и с малой силой,
Каждый день тельца на кровлю на себе вносила,

За шесть лет не покидала дела. Наконец
Стал быком шестигодовым маленький телец.

Но красавица, чье тело легче лепестка,
Каждый день наверх вносила грузного быка.

Шею нежную, как видно, груз не тяготил,
Бык жирел, и у рабыни прибывало сил.

С полководцем тем сидела вечером одна
Узкоглазая с душою смутною Фитна.

И четыре крупных дала — красных, как весна,
Из ушных своих подвесков вынула она.

Молвила: «Ты самоцветы ценные продай
И, когда получишь плату, мне не возвращай;

Пакупи баранов, амбры, розовой воды,
Вин, сластей, свечей, чтоб ярко осветить сада.

Из жарких и вин тончайших, амбры и сластей
Пиршественный стол воздвигни в замке для гостей.

Как придет к нам властитель, ты встречать пойдя,
На колени стань пред шахом, на землю пади;

Под узды коня Бахрама хоть на миг возьми!
Душу распластай пред шахом — позови, прими!

Нрав хороший у Бахрама — ласковый, простой.
Коль придет он, довольны будем мы с тобой.

Здесь, на башне, достоянием кровлей облаков,
Пир устроим мы, прекрасней наретенных пиров.

Если замысел удастся, то, клянусь тебе:
Ожидает нас великий поворот в судьбе».

Подководец самоцветов брать не захотел,
Ибо тысячей таких же ценностей владел.

На каины своей он денег, сколько надо, взял.
Нарциссый принас для шира скоро он достал.

Все там было, чем богаты Фарс и Индостан:
Пшеница, рыба, дичь, кораша, перси и шафран.

И рейхан, и вини кувшинна, и гора сластей,
Чтоб суфра благоухала амброй для гостей.

Все хозяин подготовил. И остался там
Ожидать, когда на довью выйдет Бахрам.

В дни ближайшие делами утомленный шах
Поохотиться, порыскать захотел в горах.

Но пред тем как он в утесных дичи настрелял,
Дичи собственной добычей сам неожиданно стал.

Поутру он меж холмами ехал налегке
И увидел зелень, воды, замок вдалеке.

Густолиственный тенистый он увидел сад,
Словно край обетованный мира и усад.

На ветру листья играет, утешая взгляд.
Шах воскликнул: «Что все это? Кто же так богат?»

Чуть селения властитель это услышал, —
Он у стремени Бахрама в этот миг стоял, —

На колени пал и землю он облобызал,
«Ласковый к рабам владыка! — шаху он сказал, —

Здесь моя земля. Тобою мне она дана,
Пала капля из фиала твоего вина.

В дом раба, и бланом стала для него она.
Кодь тебе припились по сердцу тень и тишина.

Моего угла простого — тем поманен я!
Ты с простыми — прост. Природа счастлива твоя.

Я молню, войди в калитку сада моего!
Старому слуге не надо больше ничего.

От твоих недрот великих раб твой стал богат,
И востроил здесь и замок с башней до Илея.

Башни свежими садами все окружена,
Един шях на башне вышет моего вина.

Звезда прах у входа и башню будут неловать,
Ветер амброй идолъ покоев будет пропевать.

Муха принесет мне меду, буйвол — молока!
Понял шах: чистосердечны речи старина.

«Быть по твоему! — сказал он. — Паче же приду
Отдохнуть после охоты у тебя в саду».

И Бахрам то свитой дальше в поле ускорил.
Приказал хозяин слугам чистить медь, зеркал.

Все проверил, был порядок всюду наведен.
Словно рай, коврами кровлю и украсил он.

На диковинок индийских — лучшие достал,
На китабских и румийских — лучшие достал.

И — ковер к коврику — на землю прямо разостлал,
Как песок по ним рассыпая алмаз и лал.

Вот, ловитвой наладившись, подскочил Бахрам,
И скакун хуттаьский шаха прыгал по коврам.

Шах на верхнюю ступеньку лестницы встает.
Взлетит — купола над башней несказанный взлет.

Свед висок, — от Хаварнака он свой род ведет,
Пешиностью он пошраст звездный небосвод.

А шифра благоухает розовой водой,
Амброй, винами и манит сладостной едой.

И когда Бахрам свой голод сладко утолил,
Начал пир и круговую винный ковш пустил.

А когда он пить окончил гроздий алый сок,
Качельки росы покрыли дба его цвсток.

Молвил он: «О, как радушен ты, хозяин мой!
Чудно здесь! Твой дом облен, как шичей иной.

И настолько эта башня дивно высока,
Что арканом ей обвили шею облака.

Но на шестьдесят ступеней этой высоты
В шестьдесят годов — как станешь подниматься ты?»

Тот ответил: «Шах да будет вечен! И при нем
Бравчим гурня да будет, а Замзам — вином!

Я мужчина, я принашен к горной крутизне,
И по лестнице не диво подниматься мне.

А вот есть красавица — обликом луна,
Словно горюстой султана, словно шелк, нежна:

Но она была, который двух быков грузиле,
Каждый день на башню вносит на девичьей шее,

Шестьдесят ступеней может с ношею пройти
И ни разу не присядет дух перевозчи.

Этот бык — не бык, а диво, то не бык, а олень,
Жиры своего громаду еле тащит он.

В мире из мужчин сильнейших нет ни одного,
Кто бы мог хоть на полняди приподнять его.

Но быка того на плечи женщины берет
И на кровлю башни вносит — под высокий свод.

Шах Бахрам от удивления паден пришепет
«Где ты взял такое диво? — старина он спросил.

Это диво! А если правда — что выдала тебе?
И покуда не увижу чуда твоего.

Не поверю я!» И тут же привести велел
Эту женщину; мгновенья ждать не захотел.

Внял по лестнице хозяин быстро победая,
Женщине, быка поспешней, все пересказал.

Среброделая все раньше знала и ждала,
И она готова с шахом встретиться была.

Одеяниями Китая стал свой облекать,
Пышно-томные паршесты розы придавать.

Ободья сурьюю очи подвеша,
Тайных чар огнями взоры томные застила.

Как росу, над кипарисом перлы отряста,
В кисею Плеяд луною летящую влаета,

Плечи, как вешном, одела амброю кудрей;
Локоны черны, как негры, на шеех у ней.

Родника у ней индуса темного темней,
Рвутся в бой индус и негры — воинской грозней.

Мокровка в вешне жемчужин южной глубины,
Покрывало словно Млечный Путь вокруг луны,

А в ушах огни рубинов и камней зеленых
Превратили в буйный рынок скопище влюбленных.

Применила семь она снадобий снопа⁴
И как двухнедельная поднялась луна.

Вот она к быку походкой легкой подошла,
Голову склонив, на шею чуднице взяла,

Подняла! Ты видишь — блещет самоцвет такой
Под быком! При этом блеске, словно бык морской⁵,

Он бы мог на две пучины по почам пасть,
И — ступенька за ступенькой — побежала ввысь

Женщина и вмиг на кровлю круглую вбежала,
У подножия престола шахского предстала

И, смеясь, с быком на шею перед ним стояла.
Шах вскочил, от изумленья ничего сначала

Не поняв. Вскликнул: «Это — наваждение сна!»
С лица на пол опустила тут быка Фитна,

И, лукаво подмигнувши, молвила она:
«Что снести способен наземь то, что я одна

Вверх, благодаря чудесной силе подняла?»
Шах Бахрам ответил: «Это сделать ты могла

Потому, что обучалась долгие года,
А когда привыкла, стала делать без труда;

Шею приравнивала к грузу день за днем.
Тут — лишь выучка одна, сила — ни при чем!»

А рабыня поклонилась шаху до земли
И сказала: «Терпеливо истине внемли!

Ты за долг великой платой должен мне воздать.
Дичь без выучки убита? А быка поднять —

Выучка нужна? Вот — подвиг совершила я!
В нем не сила, в нем видна лишь выучка моя?

Что же ты, когда онагра подстрелить умел,
Ты о выучке и слова слышать не хотел?»

Милую по тем упрекам вмиг Бахрам узнал;
В нетерпенье покрывало он с луны сорвал,

Ливнем слез ланиты милой жарко оросил,
Обнимал ее, рыдая, и простить просил.

Выгнал прочь и злых и добрых, двери притворил.
Молвил: «Хоть тебе темницей этот замок был,

Я, послав тебя на гибель, убивал себя.
Ты цела, — а я разлукой истерзал себя».

Села дева перед шахом, как сидела встарь.
И сказала: «О смиривший смуту государь!

О разлукою убивший бедную Фитну!
О свиданьем ожививший бедную Фитну!

Пыл моей любви меня же чуть не задушил.
Шах когда с копытом ухо у онагра сшил

Не пернатою стрелою — шариком свища,
Небеса поцеловали руку у стрельца.

Я же, если в сдержанности доброй пребывала,
От любимого дурное око отвела;

А всему, что столь прекрасно кажется для нас,
Нанести ущерб великий может вредный глаз.

И ль виновна, что небесный прилетел дракон
И любовь затмила праждебным подозреньем он?»

Были за сердце Бахрама милые слова,
Он воскликнул: «О, как верно! О, как ты права!»

Был бы этот перл навеки камнем раздроблен,
Если б он слугою честным не был сбережен.

И, признавши полководца, наградил его,
И рукой, как ожерельем, шах обвил его.

Как никто теперь не дарит из земных царей, —
Отарил его и отдал целый город Рей.

Еще шах домой, весною реял над страной,
Сахар на пиру рассыпал. В брак вступил с Луной.

И пока не завершили долгий круг года,
В надежде, в ласке с нею пребывал всегда.

ХАКАМ ЧИНА ВТОРИАЕТСЯ В ЦАРЬ

В дни, когда Бахрама слеза ярко расцвела
И от Рыон, мир несущей, до Луны дошла!

Вкруг него мужей великих доблесть поднималась,
В доброй славе и надежде сердцем укрепясь.

А преступные смутьяны, из его земли
Отойдя, бесследно в воду черную ушли².

Жил Нарси в ту пору, старец. Друг, отец и брат
Был Бахраму он, шаским разумом богат.

Крепок мыслью, светоч знания, истинный мудрец —
Всех деяний он начало видел и конец.

Был он родом от Гуштаспа шаха и Дары:
Приносил Бахраму знаний шедрые дары.

Мудро помыслами шаха он руководил,
И Бахрам его, как брата старшего, любил.

У Нарси три добрых сына было. Каждый сын —
Украсенье и слава отческих седин.

Старший сын был муж познания и тайна стелушен³
Чистым сердцем, Заравандом был он наречен.

Круг великих испытаний им сто раз пройден,
И главою всех мобедев был поставлен он.

Прозорлив и дальновиден, знал он все пути,
Как по жизни и благочестие истинном пройти.

Сын другой доходы ведал и расход страны,
Были у него все счета и ключи казны.

Мужа этого, за честность и денежных делах,
Управителем Аджамы сделал падишах.

Третий сын — Нарси — войсками царства управлял,
И всегда у трона шаха справа он стоял.

Все дела Бахрам вазирам поручал троем,
Царством правили вазирь, он же верил им.

Трое преданных и верных несли в трудах,
И с душою беззаботной веселился шах.

Он, как мельницей, «страною отчей управлял,
Рабовал рукою щедрой все, что собирал.

Враг же стал точить секиру, слыша эту речь,
Чтобы ствол удач Бахрама у корней подсесть.

Говорили: «Шах Ирана счастьем ошьянен,
Меч — за чашу, за динары веру отдал он.

Он в кругу друзей веселых днем и ночью пьет,
Он прокутит государство, ветер обретет...»

И тогда хотелось многим счастья попытать.
И за ратью рать — соседи стали собирать.

Из Турана и из Чина двинулся хахан,
Чтобы силою оружия захватить Иран.

Триста тысяч из Турана войска вывел он,
Каждый — лучник искушенный и в бою дракон.

Он наместников Бахрама сокрушить решил,
Весь Мавераннахр богатый захватить решил.

Перешел Джейхун он быстро, вторгся в Хорасан,
И урои войскам Бахрама там нанес хахан.

О грабительском вторжении том проводил шах,
Разуверился внезапно он в своих войсках.

Видел он, что облепились вонны вконец,
От седла отвык наездник, от копья — боец.

Видел он, что полководцы предают его
И что преданности прежней нет ни у кого.

Управители окраин из своих дворцов
Тайно с письмами хахану послали гонцов.

Каждый шаха ненавидел; каждый — свой надел,
Отколовшись, в государство превратить хотел.

Так писали хану Чина: «Мы твои рабы...
Выстунай! И не споткнется конь твоей судьбы!»

Ты парем вселенной будешь. Весь твоим войскам
Мир открыт. Бахрам на парстве не годится нам.

Если хочешь, мы покончим живо с ним мечом,
Если нет — что мы свяжем, в стан твой привезем».

Но о письмах тех успели шаху рассказать, —
Тайны нет такой, что явной не могла бы стать.

Этот их обман злодейский шаха огорчил,
Он наместникам кормило власти поручил.

Сам же скрывая; что, мол, делать, — надо уходить
Облепило войско, хана мне не победить...

Слух прошел, что шах вселенной, убоюсь войны,
Бросил трон, и власть, и войско — скрывая из страны.

«Разве он хахану рония? — каждый толковал. —
Знать, поэтому все бросил он и убежал».

С вестью радостной к хахану прискакал гонец:
«Шах Бахрам сошел с престола, снял с себя венец.

Твой Иран! Теперь, владыка, встань и поспешни,
Наступи ногой и корень Кеев сокруши!»

Так хахан, что Междуречье взял и Хорасан,
Услыхал, что беззащитен и открыт Иран.

Но, пресытившись добычей легкой, он и сам
Предался отдохновению, лени и пирам.

Меч вложил в ножны, не думал о враге своем
И внимал беспечно песням, сидя за инном.

То, что прежде он в Бахrame страшно порицал,
Сам воспринял, и для многих сам смешным он стал.

А Бахрам меж тем в засаде затаился близ,
А лазутчики Бахрама делом занялись.

Сведенья о поиске Чини стали собирать,
Велика ль, крепка ли духом вражеская рать.

Донесли: «Хакан беспечно ест, и пьет, и спит.
И — видать, опять Бахраму счастье предстоит».

Уходя, Бахрам из войска выбрал своего
Триста всадников надежных, больше никого.

Каждый был испытан в долгом боевом труде,
Каждый был — дракон на суше, крокодил — в воде.

Как в гранате триста зерен, были все при нем —
Верны, преданны, Единый породил их дом.

Шах вовлек врага обманно в видимость игры,
Стал поигрывать чопганом, скрыв свои шары.

Пламя вражеское влажным дымом он одел,
К средоточию сил хакана вырваться успел.

И стрелою прямо в сердце вражье целил шах,
Ибо все он прежде ведал о его делах.

Он внезапно в ночь на ставку ханскую напал;
Скажешь: до седьмого неба облак пыли встал.

Темной ночью, тучей черной к небу возмесь прах,
Ужаса дракон клубился у врага в глазах.

Степь и горы были, словно ворона, черны.
Ни созвездья в темном небе, ни лучей луны.

Заметался стан хакана, Всем казалось — шал
Сотни тысяч пыльных негров в мраке и в пыли.

Надгробия эти черны, прах и смерть, песьи,
В темноте туранцев сонных яростно кося.

Небосвод, под черным шелком скрывающий блеск звезд,
Как кушину, смолою черной запечатан был.

В полночь цвета влажной амбры, словно вихрь, Бахрам,
Как Маррих Бахрам, сраженью вражеским для войскам

Он над войском Чини грянул, как небесный гром,
Поражал мечом будатным и колом конем.

И без промаха из лука стрелы он пускал,
Чинских воинов палил он стрелой пронзал.

Ведь хаданговой стрелою он пронзал гранит,
Пробивал броню стальную и воловий щит.

Хоть смертельны были раны, но не видно стрел,
Стан туранский за оружие взяться не успел.

И в смитении кричали: «Смерть летит из миды!
Это ад! Стрела без раны, рана без стрелы!»³

На фарсани разя стрелою меткою вокруг,
Шах Бахрим в бою не ведал утомленья рук.

Он, как вихрь, над войском Чини мчался в море тьмы,
И из вражеских тел в долине поднимались холмы.

Гнал он вражью рать, телами степи устеля,
И от крови размягчилась твердая земля.

И кого б своей стрелою он ни постигал,
Скорбный дух того со столом тело покидал.

Из-за гор лучом блеснуло солнце. Поднялась
Красная заря, как будто полный кровью таз.

Где же меч и таз без крови? В мире так идет:
Если меч и таз найдутся, там и кровь течет.

По долине реки крови пролитой текли,
Весь дымился обгаренный кровью лик земли.

Битва в поле не стихала, хоть и день настал,
Он не свет, а желчь и пламя в гневе изрыгал.

Пели стрелы, вслед бегущим тучею летя,
Словно змен, что на жертву прыгают свистя.

Сам Бахрам неутомимо вел жестокий бой,
Издаലെка он алмазной поражал стрелой.

Если всадника по плечу ударял мечом,
Он его до пояса рассекал мечом.

Как орел, мужей туранских сам он постигал
И до седел закаленной сталью рассекал.

Перед натиском жестоким устранился враг,
И, охвачен страхом, в бегство устремился враг.

Им казалось, что не триста всадников почных,
А напало триста тысяч воинов на них.

Всяк, оружие бросая, ударялся в бег,
Меч Турана иступился, ускорялся бег.

И в бою, когда Бахрама затвердела сталь,
Тюркская, прославленная ослабела сталь.

Шах Бахрам победы верный признак увидал,
Но преследовать туранцев все же продолжал.

Разметал он их в пустыне средь нагих песков,
Будто ветер на рассвете клочья облаков.

И сказал своим он храбрым воинам тремстам:
«Вот, друзья, рассвет победы! Вот добыча вам!

Отдыхать нам рано. Надо поразить князей,
Силы главные хакана разгромить скорей!»

И вперед рванулись триста выросших в боях.
Кони — львы у них, драконы хищные в руках.

И бесчисленная Чина отступила рать,
В бегство ринулось бесславно, в бегстве умирать.

Правое крыло бежало, левое ушло,
Средоточье за хозмами в поле залегло.

Шах коня победоносно в битву устремил,
Он защиту хана ханов крепкую разбил.

Ты сказал бы, что стальные лапы черных львов
В гнев выбили оружие из руки врагов.

Стрелы змеями Заххака в высоту рвались,
Кони раненые с ржаньем по степи неслись.

Скажешь — будто оживала сказочная быль, —
За Джейхун бежали турки, подымая пыль.

Столько забранных сокровищ шаху принесли,
Что дабiry сосчитать их за день не могли.

Был Мавераннахр очищен, и вздохнул Аджам,
Вновь явил благоволение подданным Бахрам.

Воротился он с победой в отчужденную страну.
Будто вновь принес народу радость и весну.

Вновь ему хвалу хулитель бывший воздавал,
Бородою вновь пред шахом землю подметал.

И под чанг Бахраму пели славные певцы —
Пехлевийских старых песен лучшие творцы.

И пред шахом за арабом выходил араб —
Всяк его в стихах прекрасных славил под рубаб.

Знаем мы — стихи поэтов царь ценить умел,
Он творцов прекрасных песен наградить велел.

Щедро, в ознаменование радостного дня,
Жертву он принес Яздану в капищах огня.

Перлы сыпал он подолом, золото — шитом,
Одарил жрецов, служивших в храмах пред огнем.

Столько золота народу шахская рука
Раздала, что не осталось в мире бедняка.

БАХРАМ ПОРИЦАЕТ НАЧАЛЬНИКОВ ВОЙСКА

В некий день благословенный на престол воссел
Шах Бахрам. И полководцев он созвать велел.

В каждом государстве мира, где есть шах или царь,
Жив обычай награждений, заведенный встарь.

Перед троном падишаха, озарявшим мир,
Встали войск вожди, как звезды, и среди них эмир.

Острому мечу подобно, шах уста раскрыл
«О эмир и полководцы! — он заговорил. —

Ради битв и ради мира рать стране нужна,
Без нее, как глыба камня, мертвенна страна.

Кто из вас в боях недавних подвиг совершил?
Кто из вас, как муж и воин, жизни не щадил?

Я избрал и возвеличил — не обидел вас,
Но скажите: я в сраженьях разве видел вас?

Кто из вас принять достоин от меня венец?
И о ком скажу я: вот он — доблестный храбрец?

Пред собою в дни сражений не видал я вас,
Неужели вы от смерти скрылись в грозный час?

Кто из вас отпор суровый недругу давал?
Кто утерянную землю вновь отвоевал?

Вы же хвалитесь: «Ирадж, мол, тоже предок наш!
Мы, мол, доблестны, как древле доблестный Араш!»

Тот кричит: «Потомок Гива Пахлавана я!»
Этот вторит: «Внук Рустама Татамхана я!»

Тиграми себя и львами величали вы,
А куда во время битвы все пропали вы?

Как рабы, тайком шептались в темных вы углах:
Мол, увы! У нас беспечен, неразумен шах.

Предается он веселью, пьянству и пирам...
Столь беспечный повелитель не годится нам! —

Пировал я, веселился, и вино я пил,
Но за чашею заботы царской не забыл.

Пусть из рук прекрасных выпью я бассейн вина,
Не застанет усыпленным все ж меня война.

Я, как молния, — подобен туче грозовой, —
Лью вино рукой сжимаю молнию — другой.

Да, я пью вино и песней украшаю мир,
Но мечом я защищаю ваш покой и мир.

Видимостью был обманный мой беспечный сон,
Я весельем и пирами не был усыплен.

Нет, князья, я не смеялся, не был опьянен!
Знайте: смех мой — лев свирепый, опьянение — слон.

Жертву лев, смеясь, терзает, кровью опьянен,
Толпы в бегство обращает опьяненный слон.

Свой рассудок забывает, опьянев, глупец,
Но с достоинством — иначе — пьет вино мудрец.

Тот, чей разум не ущербен, хоть и пьет вино,
Твердо знает: в нем сознания не убьет оно.

Если только захочу я кубок выпить свой,
Я и на венец кайсара наступлю ногой.

Дух вином я возвышаю, но не пью до дна, —
Я врагу в лицо остаток выплесну вина.

И когда я в ночь с друзьями сяду за вином,
Я сокровища вселенной сыплю рукавом.

За пределы кругозора зорко я гляжу,
И сердца врагов на вертел, как кебаб, нижу.

Пусть теперь доброжелатель не боится мой,
Что небесные светила дремлют надо мной.

Пусть я хмелен и беспечен, но ведь никогда
Не заснет моей удачи яркая звезда.

Пусть порой я сном беспечным мирно засыпал,
Но взгляни, как сон хакана я околдовал.

Я своей ошибкой минимой обмануть сумел
Вора дерзкого и судьбы повернуть сумел.

Стал он немощной собакой. Вот он — мной избит —
Прячется в своих пустынях, по почтам не спит.

Пусть дракон в пещере дремлет, даже и тогда
Лев — самец неустрашимый, не войдет туда*.

Шах потряс собрание речью мудрою своей,
От стыда, как розы, рдели лица у князей.

Пали ниц, поклон покорно отдали ему,
И смиренно отвечали шаху своему:

«Слову шахскому внимают слух его рабов!
Шах премудростью превысил древних мудрецов.

Шах своею мудрой речью душу нам сберет,
И ее к ушам привесим мы взамен серег!»

На тебя вознес корону бог своей рукой,
А тщета людских стараний — ветер, вздох пустой.

До тебя искали люди первенства и здесь,
Спорили с тобой, хотели на престол твой сесть.

Но, веном не овладевши, всяк из них поник,
И ушел, и внял в безвестность, цели не достиг.

Мы в тебе такие видим доблести, о шах,
Что тебе подобных, мнится, нет и в двух мирах!

Наш владыка сжег драконов, дивов победил,
Бил стрелою носорогов и слонов разил.

Вольного орла и грифа он стреляет влет,
Льва хватает он за гриву, в плен его берет.

Где еще ему подобный есть ловец такой,
Что онагру может шею обхватить рукой?

В пятнышко на шкуре барса попадает он,
Зубы нильских крокодилов выбивает он.

То индийского владыку повергает в страх,
То Туран мечом индийским разбивает в прах.

Он с надменного фагфура получает дань,
У румийского кейсара он взимает дань.

Хоть и много было прежде пахлаванов-львов,
Побеждавших, изгонявших полчища врагов,

Но лишь он, ведя три сотни верховых бойцов,
В бой пошел и триста тысяч разгромил врагов.

Слава Кеев, мы читаем в древних письменах,
В щедрости их проявилась, в битвах и пирах.

Кей-Кубад свое прославил имя на войне,
Искандер-Руми был славен в ратях и вине.

Но с такою горсткой малой, против стольких сил,
Столь неслыханной победы он не совершил.

Если будем здесь мы шахов древних вспоминать,
Одного Бахрама можно с тысячей сравнять.

Этот шах любил походы, тот — веселый пир,
А в величии Бахрама заключен весь мир.

Ведь, когда над шлемом вражьи мечь и мечом взмахнет,
Словно двери, на две створки шлем он распахнет.

Если он стрелой алмазной попадет в гранит,
На песчинки он гранита стену раздробит.

Чешуя змеи на древке шахского коня,
Под пятой царя неверный вьется, как змея.

Пред судьбой его железо плавится, как воск,
Он у львов степных из пасти исторгает мозг.

Пахнет гибелью и кровью черная судьба
Восстающего на шаха дерзкого раба.

В опьянение он разумней наших мудреней!
Сон его — да разве это сон и коние конной?

Это бдительность! Беспечно на своих пирах
Пьет вино наш царь великий, а пьянеет враг.

Средь премудрых самый мудрый — царь наш на земле,
Самый знающий и зоркий он в добре и зле.

Только при его правлении расцвела страна,
И ему в правление помощь наша не нужна.

И покуда над землею светит небосвод,
Пусть над нами воля шаха мудрая живет.

Землю всю его высокий осеняет трон,
Сам же он одним высоким небом осенен!

Так они, слова покорства шаху говоря,
Велед рубину наиздали штку янтара.

Друг Бахрама, сын Мунизра, встал Нуман затем
И сказал такое слово пред собранием тем:

«Здесь, повсюду, до окраин дальних сей страны,
Справедливый шах наш поднял Рыбу до Луны.

Да и кто о шахских может рассуждать, делах
И по праву ли корону носит падишах?

Царь мой, на тебя корону возложил Яздан,
И теперь весь мир твоею славой осиян.

Мы — рабы в твоём чертоге. Радостны сердца
Тех, кто тени недостойн твоего веща.

Все, что есть у нас, — величьем нам дано твоим,
Властен ты над черным, белым, влажным и сухим.

От Аджамы до Пеме́на, государь, и впредь
За тебя мы, коль прикажешь, рады умереть.

Я от твоего престола, шах, не отхожу,
Много лет тебе я верно, доблестно служу.

И за верность пред тобою, шах, я отличен,
Возвеличен, и прославлен, и обогащен.

Может быть, ты сонзволнишь, повелитель мой,
Отпустить меня? Вернуться мне пора домой.

Отдохну под отчей кровлей, силы наберусь:
Позовешь — к тебе на службу снова устремлюсь.

Если же меня не хочет шах мой отпустить,
То, покамест жив, как прежде буду я служить».

Шах великий казначея тут позвать велел,
Другу юности богатство в дар он дать велел.

Начали носить подарки, чем богат Иран,
Чем красуется Египет, славится Оман.

Живо побежали слуги, как велел им шах,
Драгоценности тащили в кожаных мешках.

Меры золота, мешочки мускуса пустыни:
Привели толпу красавиц, молодых рабынь.

Драгоценных одежий, тех, что надевать
Внору шаху, — невозможно было сосчитать.

В золотых уборах — гордость и красу земли —
Дорогих коней арабских ко дворцу вели.

Тысячи мечей индийских, кованых павек,
Переправил к Арарату щедрости ковчег².

Перлы, яхонты, алмазы всех иных ценней
Отбрали для Нумана знатоки камней.

И венец с себя в бесценных блестящих камнях,
И румийские одежды другу отдал шах.

Он ему Пемён с Аденом выделил в удел,
И от счастья лик Нумана солнцем посветлел.

С богатейшими дарами к отчей стороне
Двинулся Нуман в дорогу, как Зухра к Луне.

БАХРАМ ЖЕНИТСЯ НА ДОЧЕРЯХ ПАДИШАХОВ СЕМИ СТРАН¹

Всей душою в наслаждения погрузился шах,
Ибо он устал в походах пребывать трудах.

Судьбы подданных устроил сам сперва Бахрам,
А уж после приступил он и к своим делам.

Он поправ врагов Ирана твердою пятой
И предался неге мира с чистою душой.

И пристрастие бывшее стал он вспоминать,
Что в трудах — за недосугом начал забывать.

Как Аржанг, семи блиставший мира поясам, —
Хаварнак и семь портретов вспоминал Бахрам.

И в душе Бахрама-Гура разгорелась вновь
К этим гурнеподобным девушкам любовь.

Семь волшебных эликсиров в мире он открыл
И семью огнями пламя страсти погасил.

Первая была — царица Кеова дворца,
Но у ней в живых в ту пору не было отца.

Он засватал перл бесценный рода своего
И за тысячи сокровищ получил его.

А потом к хакану Чина он послал гонцов
И письмо с угрозой, скрытой среди любезных слов.

Дочь просил он у хакана и казну с венцом
И вдобавок дань двойную на году седьмом.

Отдал дочь хакан Бахраму и послал дары:
Груз динаров и сокровищ, чаши и ковры.

Вслед затем Бахрам кейсару вдруг нанес удар, —
Вторгся с войском в Рум. Немалый там зажег пожар.

Спорить с ним не стал объятый ужасом кейсар,
Выдал дочь свою и с нею дал богатый дар.

И людей в Магриб к султану шах послал потом
С чистым золотом в подарок, с троном и венцом.

Что ж! Магрибскую царицу получил Бахрам.
Посмотри, как в той женитьбе ловок был Бахрам.

А когда был кипарис им стройный увезен,
В край индийский за невестой устремился он.

Разумом раджу индусов так пленил Бахрам,
Что и дочь индийца в жены получил Бахрам.

И когда в Хорезм направил шах Бахрам посла,
Хорезм-шаха дочь женою в дом к нему вошла.

Он царя саклабов даром дорогим почтил,
Дочь его — алмаз чистейший — в жены попросил.

Так вот — от семи климов — у семи царей
Взял он в жены семь прекрасных перлов-дочерей;

И привез к себе, и с ними в счастье утонул,
Юности и наслажденью полностью воздал.

ЗИМНИЕ ПИРЫ БАХРАМА И ПОСТРОЕНИЕ СЕМИ ДВОРЦОВ

В некий день, едва лишь солнце на небо взошло,
Небосвод в серебристом блеске облажил чело.

Радостен и лучезарен, ярко озарен
Был тот день. Да не затмится он в чреде времен!

В это утро шах собрание мудрецов созвал,
Как лицо прекрасной деви, дом его блистал.

Не в саду сидели гости, а входили в дом,
Ибо день тот был отрадней первым зимним днем.

Все убранство в дом из сада унесли. И сад
Опустел, погасло пламя множества лампад.

Смолкли соловьи на голых, мокрых деревьях.
Крик ворон: «Держите вора!» — слышится в садах¹.

От индийца родом ворон, говорят, идет —
Диво ль, что индеец вором стал и сам крадет².

Вместо соловьев вороны царствуют в садах,
Вместо роз шипы остались на нагих кустах.

Ветер утренний — художник, что спует везде,
Он серебряные звенья пишет на воде³.

Холод у огня похитил мощь, — и посмотри:
Из воды мечи кует он под лучом зари⁴.

И с копьем блестящим выюга всадником летит,
Над затихшей речкой острым снегом шелестит.

Молоко в кувшинах мерзнет, превращаясь в сыр.
Стынет в жилах кровь живая, воздух мглист и сыр.

Горы в горностае оделись, доли — в белый пуп⁵,
Небосвод в косматой шубе дремлет, хмур и глух.

Хищник зябкий травоядных стал трону следовать,
Чтоб содрать с барана шкуру, чтобы шубу сшить.

Голова растений сонно на землю легла,
Сила их произрастанья в глубь пещер ушла.

Мир-алхимик на деревьях лист позолотил
И рубин огня живого в сердце камня скрыл.

В благовонья тот алхимик розы превратил
И в кувшине под печатью крепкой заключил⁶.

Словно ртуть, вода густая стынет на ветру
И серебряной пластиной скрыта поутру⁷.

Теплый шахский дом, блистая стеклами окон,
Совмещал зимою свойства четырех времен.

Золотым углем жаровен и живым огнем
Леденящий зимний воздух нагревался в нем.

А плоды и вина сладко усыпляли мозг,
Дух и сердце умягчали, словно мягкий воск.

На углях горел алоэ, жарко тлел сандал;
Как индийцы на молитве, дым вокруг вставал⁸.

Для поклонников Зардушты рдел живой огонь,
Был источником веселья золотой огонь.

В устье каменном, в жаровнях ярко рдел огонь,
Словно шелк золотонисный, пламенел огонь.

Пламя — ягода грудная — угли разожгло⁹,
Книноварью сердцевины угля налило.

Яблоком без сердцевины красный уголь рдел,
В сердцевине он гранатом спелым пламенел.

Россыпью он тлел янтарной, окроплен смолой,
Жарко искрился, подернут пеплом и золой.

Чернотой раскаленной пламенел сандал¹⁰,
Как тюльпаны в косах гурий, кровянея сандал.

Тюрком — по румийской крови — яркий был огонь,
Чтил народ наш от Зардушты и любил огонь¹¹.

Пламя жизни — свет Юнуса, купина Мусы,
Сад чудесный Ибрагима, пиришество Исы¹².

Черным мускусом ложились грани на углях,
Словно пятна на старинных медных зеркалах.

И пылал огонь рубином в тусклой черноте;
Скажешь: так рубин в пещерной блещет темноте.

Пламя обостряло зренье, словно самоцвет,
Открывая взгляду желтый, красный, синий цвет.

Был живой огонь невесты юной веселой,
В блеске искр и в ожерелье мускусных углей.

В золоте, в дыму алоэ брачный был чертог
Пиршественный, как гранатный розовел цветок.

Ярко убран был шелками пировой покой,
Куропатка с перепелкой в нем — рука с рукой —

Над огнем вертелись. Вместе с ними, чередой,
Оперенье сняв, кружился вихрь молодой.

Желтый пламень дров горящих, дымом окружен,
Кладом золотым казался. Дым на нем — дракон¹⁸.

Адом был огонь и раем. В суть огня вникай:
Ад он — жаром пепелящим, ярким светом — рай.

Обитателям кумирен он — горящий ад.
Сад он райский для прошедших узкий мост — Сират¹⁹.

Древний Зенд Зардушта гимны пламени поет,
Маг, как мотылек крылатый, вокруг огня сплет²⁰.

Лед сверкающий водою делается в нем;
Жалко мне! Зачем называли мы огонь — «огнем»?

Над дворцом, как кипарисы, кровли поднялись;
Вина, словно кровь фазана, красные лились.

Цвета перьев голубиных, рея, облака
С неба вихрей бросали вниз для шашлыка.

Было влажно, словно пламя, сухо, как вода.
Старое вино в кувшины глиняном тогда

И слепцы в ту пору пили — полглотка хотя б,
И хребтовый из онагра жарили кебаб.

В славный зимний день с друзьями пировал Бахрам,
Пил вино, как подобает пить вино царям.

Вина сладкие, жаркое, музыка, друзья, —
Это зимнею порою одобряю я.

Как улыбка уст румяных, в чаше блеск вина,
Коль вином горячим в стужу чаша та полна.

Музыкой разгорячен был у застольцев мозг.
Сердце в теплоте отрадной таяло, как воск.

Мудрецы путем веселья за вином пошли,
Искрящийся остроумьем разговор вели.

Каждый радостно, открыто шаху говорил
То, что в сердце благородном ото всех тайл.

Словно звенья золотые, потекли слова,
Полилась рекой живою общая молва:

«Государь, престол твой в мире подлинно велик,
Славы, прежде небывалой, ныне ты достиг.

И законов столь разумных не было и нет,
В царствах нынешних и в царствах отошедших лет.

Фарром над твоей главою озарил ты нас,
Счастьем, доброю судьбою одарил ты нас

Стал у каждого наполнен изобилием дом;
Отстоял ты нас, возвысил царство над врагом.

Все дано нам: безопасность, изобилие, честь.
Остальное — все пустое, коль основа есть.

Если есть достаток в доме, мир и благодать,
Ни рубинов нам, ни перлов незачем искать.

Если есть у нас великий, щедрый шах такой,
Все имеем мы для счастья — мир, добро, покой.

Молим мы, чтоб нас небесный гнев не посетил,
Чтоб от глаза нас дурного вечный защитил.

Обращаемся с молитвой к светлым небесам,
Чтоб вовеки благосклонны звезды были к нам,

Чтобы счастье и в грядущем осеняло нас,
Чтобы радостью и миром озаряло нас.

Чтоб вовек из дома шаха, волей мудрых звезд,
Урожая наслаждений ветер не унес.

Да живет наш царь! Веселье да пребудет с ним!
За него и жизнью наших мы не пошадим!»

Так на том пиру гласила общая молва.
Каждый из гостей одобрил сердцем те слова.

Собеседование мудрых радостно текло.
Всем казалось — дом согрело этих слов тепло.

Некий славный иноземец среди них сидел,
Князь по крови, благородством духа он владел.

Светлый ликом, словно солнце, звался он Шида;
Живописен — чувств исполнен, вдохновлен всегда,

Геометр и математик, врач и астроном,
Был он в зодчестве прославлен дивным мастерством.

Словно воск, податлив камень был в его руках,
Яркий блеск его мозаик не погас и в веках.

Он узорною резьбою здания украшал,
И по извести картины красками писал.

На дворцы, что он построил, сведущий, взглянул —
Восхитил бы он Фархада сердце и Мани.

Разума ему Язданом дан был дивный дар,
Обучал его искусству прежде сам Симнар.

Он расписывать Симнару стены помогал
В дни, когда Симнар Нуману замок воздвигал.

Тот Шида Бахрама сразу полюбил душой,
Он увидел в шахе разум, чувства блеск живой.

Поднялся он из застолья, перед шахом встал,
Поклонился, сел на место ипови и так сказал:

«Если будет мне согласие шаха и указ —
Устраню я от Ирана разговор и слгз.

Я ученый и астролог. До высоких звезд
Мною знания тайн небесных перекинут мост.

Был провидения дан мне при рожденье дар,
Зодчеству меня премудрый научил Симнар.

Зрел я тайное, на звездный глядя небосвод,
Что планет стечение шаху зла не принесет.

И пока в кумире праха жить он обречен,
Пусть светил небесных гнева не страшится он.

Тело шаха будет цело, как его душа,
На земле он будет, словно на небе Луна.

Предначертано мне было, чтобы я пришел
И для шаха семь высоких здесь дворцов возвел.

Чтобы семь цветов небесных радуги я взял,
Чтобы дом семи чертогов семицветным стал.

Семь прекрасных жеп Бахраму судьбами даны,
Семь красавиц; каждой свойствен цвет ее страны.

Надо, чтоб дворец у каждой ей по цвету был,
Чтобы с цветом сочетался цвет семи светил.

В соответствии с движеньем неба и планет,
За семь дней своих неделя изменяет цвет.

И в согласии с движеньем вечных звезд и дней,
Каждый день пускай приходит шах к жене своей.

И в то время, как пирует шах с одной из жен,
Пусть он будет в цвет планеты этой облачен.

Если шах душой высокой примет мой совет,
Озарит его поступки немрачный свет.

И деяния он будет царские свершать,
И от жизни безмятежно радости вкушать».

Шах ответил: «Я согласен. Эти семь дворцов
Златоверхих ты построишь средь моих садов.

Но и мне в свой срок придется к богу отойти,
Так зачем же здесь заботы лишние нести?

Говоришь, что семь чертогов мне построишь ты,
Что внутри, подобно раю, их устроишь ты?

В тех чертогах поселится только страсть моя
Ну, а где же буду бога славословить я?

Коль в семи чертогах славить буду божество,
Где же будет храм? Где бога встречу моего?»

Но подумал про себя он: «Заблуждаюсь я,
Маловер, во всюду сущем сомневаюсь я.

Тот, кто землю наполняет и небесный свод,
Видя все, везде молитве искренней воимет».

И с Шидой, премудрым зодчим, спорить шах не стал,
Неким новым вождельством дух его пылал.

То, что в росписях Симнара прежде видел он,
Где он был семью земными пери окружен,

То свершилось; он исполнил данный им обет,
Семь красавиц взял он в жены, словно семь планет.

Он слова Шиды глубоко в сердце заключил,
Ибо тот в деяниях мира тайных сведущ был.

Он с ответом торопиться в этот день не стал,
Ничего Шиде на это он не отвечал.

Но, душою покорившись звездам и судьбе,
Зодчего через неделю вызвал он к себе.

Чертежи семи строений сам он рассмотрел,
Все, что нужно для постройки, дать он повелел.

Выдал деньги для постройки, отрядил людей
И велел Шиде постройку начинать скорей.

Выбор для закладки здания все же был не прост,
Выждал зодчий сочетанья благосклонных звезд.

Гороскоп сперва составив, зодчий-звездочет
 Выбрал наконец счастливый первый день работ.
 Вознеся сперва молитву пред лицом творца,
 Заложил Шида основу первого дворца.
 Семь чертогов он два целых года возводил,
 Ежедневно на рассвете на леса входил.
 Да! Понстине — ты скажешь — зодчий был велик!
 Семь невиданно прекрасных он дворцов воздвиг.
 Был у каждого свой тайный гороскоп, свой цвет.
 С честью выполнил строитель данный им обет.
 Шах Бахрам, придя, увидел средь своих садов
 Семь дворцов, как семь небесных светлых куполов.
 Знал он, что достигли слухи отдаленных стран,
 Как безжалостно с Симнаром поступил Нуман.
 Был Нуман зато сурово всюду осужден,
 Что премудрого Симнара смерти предал он.
 Чтоб Шида был им доволен, счастлив был весь век,
 Шах ему богатый город подарил — Бабек.
 Он сказал: «Нуман ошибку тяжкую свершил,
 Я судить его не волен, — знал он, что творил».
 Не по скупости Нуманом был Симнар убит,
 Не по щедрости так щедро и Бахрам дарит.
 Таково предначертанье в жизни сей земной, —
 Здесь всегда один в убытке, с прибылью — другой.
 Этот жаждою томится, гибнет тот в воде,
 И награду за Симнара воздают Шида.

Мудрый ведаст: грядущий день от нас закрыт.
 Поражен своей судьбою — человек молчит.

ОПИСАНИЕ СЕМИ ДВОРЦОВ

В дни, когда — в вешне Кубада — шах после войны
 Фарр сияния Хосрова поднял до луны,
 Под усилиями упорных мастеровских ремов,
 Семь — подобных Бисутунам — поднялось дворцов.
 Встало семь дворцов — до неба — в пышных куполах,
 Каждый купол был воздвигнут на семи столбах.
 Окружила дворцы стеною зодчий И Бахрам
 Поднялся на эту стену, словно к небесам.
 Семь дворцов Бахрам увидел, словно семь планет.
 В соответствии планетам у дворцов был цвет.
 И во всем Шида премудрый дал отличья им
 В соответствии великим поясам земным.
 Первый купол, что Кейвану зодчий посвятил,
 Камнем черным, словно мускус, облицован был¹.
 Тот, который был отмечен знаком Муштары,
 Весь сандаловым снаружи был и изнутри.
 А дворец, что был Бахрамом красным озарен,
 Розовел порфиром, красен был в основе он.
 Тот, в котором зодчий знаки солнца усмотрел,
 Ярко-желтым был, как солнце, золотом горел.

Ну, а купол, чьим уделом был венец Зухры,
Мрамором лучился белым, как венец Зухры.

Тот же, чьею был защитой в небе Утарид,
Бирюзой горел, как в небе Утарид горит.

А построенный под знаком молодой Луны,
Зелен был, как счастье шаха, как наряд весны.

Так воздвиг Шнда для шаха славных семь дворцов,
Семь цветных, как семь планетных в мире поясов.

Цвет свой семь пределов мира шаху принесли.
Как хозяйки семь царевен в семь дворцов вошли.

Каждая царевна замок выбрала себе
По ее происхождению, цвету и судьбе.

Внутреннее все убранство в каждом из дворцов
Свойственных ему оттенков было и цветов.

В те дворцы по дням недели шах Бахрам входил
И с одной из красавиц время проводил.

Он в субботу, в день Кейвана, в черный шел дворец,
Как ему по гороскопу предсказал мудрец.

В воскресенье — желтый замок посещал Бахрам,
И по очереди в каждом пировал Бахрам.

И в каком дворце за чашей ни садился он,
В цвет дворца и цвет планеты был он облачен.

И полна очарования, блеска и ума,
Госпожа дворца садилась близ него сама.

Каждая хотела сердце шахское пленить,
Привязать его, халвою шаха накормить.

И они ему, за пиром тайным без гостей,
Рассказали семь волшебных старых повестей.

Хоть воздвиг Бахрам когда-то дивных семь дворцов,
Но не спасся все ж от смерти он в конце концов.

Низами! От сада жизни отведи свой взгляд!
В нем шипами стали розы, и шипы язвят.

Вспомни: в ад поверг Бахрама рай его страстей
В этом царстве двух обманных, мимолетных дней.

ИНДИЙСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть первая. Суббота

Образы семи красавиц сердцем возлюбил,
Шах Бахрам в неволю страсти отдал свой разум.

В башню черную, как мускус, в день субботний он
Устремил стоны индийской пери на поклон.

И в покое благовоном до ночной поры
Предавался он утехам сладостной игры.

А когда на лучезарный белый шелк дневной
Ночь разбрызгала по-нареки мускус черный стной.

Шах у той весны Кашмира сказки попросил —
Ароматной, словно ветер, что им приносил.

Пыль росы и сладкий запах от ночных садов,
Попросил связать преданье из цветущих слов.

Из чудесных приключений, что уста слюной
Наполняют, приклоняют к ложу головой.

Вот на мускусном мешочке узел распустила
Та газель с глазами серны и заговорила:

«Пусть литавры шаха будут в небесах слышны
Выше четырех подпорок золотой луны!

И пока сияет небо, пусть мой шах живет,
Пусть к его ногам покорно каждый припадет.

Пусть не будет праздно счастье шахское сидеть,
Пусть он все возьмет, чем хочет в мире овладеть!»

Восхваленье кончив, перн — роз кашмирских куст —
Начала бальзам алоэ источать из уст².

Рассказала, взор потупя в землю от стыда,
То, о чем никто не слышал в мире никогда.

СКАЗКА

Мне подошел это родня царственный один,
Величавый старец, в снежной белизне седин.

«Некогда сияла в сонме райского дворца
Гурия с печальным складом нежного лица.

Каждый месяц приходила в замок наш она,
И была ее одежда каждый раз черна.

Мы ее расспрашивали: «Почему, скажи,
В черном ты всегда приходишь? Молни: удружи

И открой, о чем горюешь, слиток серебра?
Черноту твоей печали выбелить пора!»

Ты ведь к нам благоволением истинным полна;
Моливи, почему ты в черном? Почему грустна?»

От расспросов наших долгих подумался толк.
Вот что гостя рассказала: «Этот черный шелк

Смысл таит, имеет повесть чудную свою,
Вы узнать ее хотите? Что ж, не утаю,

А от вас расспросов многих я сама ждала...
Я невольницею царской некогда была.

Этот царь был многовластен, справедлив, умен;
В памяти моей живет он — хоть и умер он.

Скорби многие при жизни он преодолел
И одежду в знак печали черную надев.

«Падших в одежде черной» — в жизни наречен,
Волей вечных звезд на горе был он обречен.

Весел в юности — печальным стал он под конец.
Смолоду он наряжался в золото, в багрец;

И за ласку и радунье всюду восхвален,
Людам утреннюю розой улыбался он.

Замок царский подымался до Паллад челою.
Это был гостеприимный, всем открытый дом.

Стол всегда готов для шира — посланцы конны:
Гостю поздней или ранней не было поря.

Знатен гость или не знатен, беден или богат —
Всех равно в покоях царских щедро угостят.

Царь расспрашивал пришельца о его путях,
Где бывал и что изведаль он в чужих краях.

Гость рассказывал. И слушал царь его рассказ,
До восхода солнца часто не смыкая глаз.

Так спокойно, год за годом мирно протекал.
От закона гостелюбия царь не отступал.

Но однажды повелитель, как Симург, пропал.
Время шло. Никто о шахе ничего не знал.

Горевали мы: в печали влекся день за днем, —
Вести, как о птице Аюка, не было о нем.

Но внезапно нам судьбою царь был возвращен;
Словно и не отлучался, снова сел на трон.

Молчалив он был и в черном — с головы до пят.
Были черными — рубаха, шапка и халат.

После этого он правил многие года,
Только в черное зачем-то облачен всегда,

Без несчастья — одеяньем скорби омрачен,
Как вода живая, в вечном мраке заключен².

С ним была я, и светили мне его лучи...
И однажды — с глазу на глаз — горестно в ночи

Он мне голосом печальным жаловаться стал:
«Посмотри, как свод небесный на меня напал,

Из страны Ирема силой он меня увлек
И навеки в этот черный погрузил поток.

И никто меня не спросит: «Царь мой, где ты был?
Почему седины черной ты чалмой покрыл?»

И, ответ обдумывая и словам его
Молча внемля, прижималась я к ногам его.

Молвила: «О покровитель вдов и горемык...
О властитель справедливый, лучший из владык!

Искушать тебя — что небо топором рубить, —
Кто дерзнет? Один ты волен тайное открыть».

Что достойна я доверья, понял властелин —
Мускусный открыл мешочек, просверлил рубин.

И сказал: «Когда я в мире сделался царем,
Возлюбил гостеприимство, всем открыл свой дом.

И у всех, кого я видел, — добрых и дурных, —
Спрашивал о приключеньях, что постигли их.

И пришел однажды ночью некий гость в мой дом,
Были плащ, чалма и туфли — черные на нем.

По обычаю, велел я угостить его.
Угостивши, захотел я расспросить его.

Начал: «Мне, не знающему повести твоей,
Молви, — почему ты в платье — полночи темней?»

Он ответил мне: «Об этом спрашивать забудь.
Никогда к гнезду Симурга не отыщешь путь».

Я сказал: «Не уклоняйся, друг, поведай мне,
Что за чудеса ты видел и в какой стране?»

Отвечал мой гость: «Ты должен, царь, меня простить,
Мне ответа рокового в слово не вместить.

Не поймут, не разгадают люди тайны той,
Кроме смертных, облаченных вечной чернотой».

Умолял его я долго правду рассказать,
Моего томленья, видно, он не мог понять.

Всем мольбам моим как будто он и не внимал.
Предо мной завесы тайны он не подымал.

Но, увидев, как встревожен я, как угнетен,
Своего молчания словно устыдился он.

Вот что он поведал: «Город есть в горах Китая,
Красотой, благоустройством — он подобье рая,

А зовется «Град Смиренных» и «Скорбей Обитель».
В нем лишь черные одежды носит каждый житель.

Люди там красные; каждый ликом, что луна,
Но, как ночь без звезд, одежда каждого черна.

Всякого, кто выпьет в этом городе вина,
В черное навек оденет чуждая страна.

Что же значит одетый погребальный цвет, —
Не расскажешь, но чудесней дел на свете нет.

И хотя бы ты велел мне голову нести,
Больше не могу ни слова я промолвить».

Молвил это и пожитки на осла извезил,
Двери моего желанья наглухо закрыл.

Был мой дух его рассказом странным омрачен.
Я вернуть велел пришедшего. Но уж скрылся он.

Свет потас. Рассказ прервался. Наступила тьма...
Стало странно мне. Боялся я сойти с ума.

Продолжение рассказа начал я искать,
Пешку мысли так и этак начал подвигать.

Но, чтоб стать ферзем, у пешики не нашлось дорог;
Я взобраться по канату на стену не мог.

Обмануть себя терпением я хотел тогда.
Ум еще терпел, а сердцу горная беда.

Проходила предо мною страницей чреда
Всех я спрашивал. Никто мне не открыл следа...

И решил я бросить царство, хоть бы навсегда!
Родичу вручил кормило власти и суда,

Взял запас одежд и денег я в своей казне,
Чтоб нужда в пути далеком не мешала мне.

И пришел в Китай. И многих встречных попросил
О дороге — и увидел то, чего искал.

Город, убранный садами, как Према дом,
Носит черные одежды каждый житель в нем.

Молока белее тело каждого из них.
Но как бы смола одела каждого из них.

Дом я снял, расположился отдохнуть с пути
И присматривался к людям целый год почти

Но не встретил я доверья доброго ни в ком,
Губы горожан как будто были под замком.

Наконец сошелся с неким мужем-мясником,
Был он скромен, благороден и красив лицом.

Чистый помыслами, добрый, смелая он принял
От худы и злого слова сдерживать язык.

Дружбы с ним ница, за ним я следовал, как тень.
И встречаться с новым другом стал я каждый день.

А как с ним сумел я узы дружбы завязать,
Я решил обманом тайну у него узнать.

Часто я ему подарки ценные дарил,
Языком монет о дружбе звонко говорил.

С каждым днем число подарков щедро умножал,
Золотом — весов железных чашки нагружал,

День за днем свои богатства другу отдавал,
Исподволь и осторожно им завладевал.

И мясник, под непрерывным золотым дождем,
Стал к закланию готовым жертвенным тельцом.

Так подарками моими был он отягчен,
Что под грузом их душою истомился он.

Наконец меня однажды он в свой дом привел.
Был там сказочно богатый принаготовлен стол.

Всех даров земных была там — скажешь — благодать.
Хорошо умел хозяин гостю угождать.

А когда мы, пир окончив, речи повели, —
Множество подарков ценных слуги принесли.

Счесть нельзя богатств, какие мне он расточил.
Все мои — к своим подаркам присоединил.

Отдав мне дары с поклоном, сел и так сказал:
«Столько, сколько ты сокровищ мне передавал,

Ни одна сокровищница в мире не вмещала!
Я доволен и своею прибылью немалой.

Друг, зачем же нужно было столько мне дарить?
Чем могу за несказанный дар я отплатить?

Стану, как ты пожелаешь, я тебе служить.
Жизни одна во мне, но если смог бы положить

Десять жизней я на чашку тяжкую весов, —
Я не смог бы перевесить давших мне даров!»

«Разве душу перевесит этот жалкий хлам?» —
Молвил я и сделал бровью знак моим рабам.

Чтоб они в мое жилище быстро побежали,
Чтоб еще в подвале тайном золота достали.

Золотых монет, в которых чистый был металл,
Дал ему я много больше, чем дотолъ давал.

Он же, не угадывая, что хитрю я с ним,
Мне сказал смущенно: «Был я должником твоим, —

Отдарить тебя, я думал, мне пришла пора...
Ну — а ты в ответ все больше даришь мне добра...»

Устыжен я. И не знаю, как теперь мне быть.
Не затем, чтобы обратно в дом твой воротить,

Все твои дары сегодня я тебе поднес,
А затем, что в нашем скромном доме не нашлось

Ничего, чем за щедроты мог бы я воздать.
Но к богатству ты богатство даришь мне опять.

Слушай же — отныне буду я твоим рабом,
Иль свои дары обратно унеси в свой дом».

И когда я убедился в дружбе мясника,
Увидал, что бескорыстна дружба и крепка, —

Я ему свою поведал горестную повесть,
Ничего не скрыв, поведал, как велела совесть.

Рассказал ему, что бросил трон и царство я
И тайком ушел в чужие дальние края.

Чтоб узнать, зачем в богатом городе таком
С радостями ни единый житель не знаком.

Почему, не зная горя, горю преданы
Горожане здесь — и черным все облачены...

А когда мясник почтенный выслушал меня,
Стал овной. Овной от волка, волком от огня —

Он шарахнулся, и, словно сердце потерял,
Словно чем-то пораженный, долго он молчал.

И промолвил: «Не о добром ты спросил сейчас.
Но ответ на все должник твой нынче ж ночью даст».

Только амброй оросилась ночь камфара³
И к покою обратилась люди до утра.

Мой хозяин молвил: «Встанем, милый гость, пора,
Чтоб увидеть все, что видеть ты хотел вчера».

Встань! Неволей в этот день я послужу тебе,
Небывалое виденье покажу тебе!»

Молвил так, со мною вышел из дому мясник,
Вел меня среди сонных улиц, словно проводник.

Шел он, я же — чужестранец — позади него.
Двое было нас. Из смертных с нами — никого.

Вел меня он, как безмолвный некий властелин.
За город привел в пределы сумрачных руин.

Ввел в пролом меня, где тени, как смола, черны,
Словно пери, скрылись оба мы в тени стены.

Там увидел я корзину. И привязан был
К ней канат. Мясник корзину эту притаил

И сказал: «На миг единый сядь в нее смелей,
Между небом и землею будешь, поднят в ней».

Сам узнаешь и увидишь: почему, в молчанье
Погруженные, мы носим ночи одеяния.

Несказанная коринне этой власть дана,
Сокровенное откроет лишь она одна».

Веря: искренностью дружбы речь его полна,
Сел в корзину я. О — чудо! Чуть погами дна

Я коснулся — словно птица поднялась она,
Понеслась корзина, словно вихрем взметена,

И в вертящееся небо повлекла меня.
Чары обвили корзину поясом огня.

До луны подымавшаяся башня там была.
Сила чар меня на кровлю башни подняла.

В узел, черною змеею, свился мой канат.
Брошен другом, там стоял я, ужасом объят.

Я стонал, об избавленье господя моля.
Сверху небо — и во мраке предо мной земля.

Высоко на кровле башни, в страхе чуть дыша,
Я сидел. От этой казни в пун ушла душа.

Было страшно мне на небо близкое взглянуть,
А глядеть на землю с неба как я мог дерзнуть?

И от ужаса невольно я глаза закрыл,
И покорно темным силам жизнь свою вручил,

И расканивался горько я в своей вине.
Горевал я об отцовском доме и родне...

Не было от покаянья радостнее мне.
Подлый горьких сожалений, я горел в огне.

Надо мною проливалось время, как во сне,
Вдруг примчалась птица с неба, села на стене,

Где один я плакал в горе. Села, как гора,
Велика, страшна, громадна, — черного пера.

Хвост и крылья, как чинары — густы и тенисты.
Лапы, как стволы деревьев — толсты и когтисты.

Как колонна Бисутуна — клюв ее велик,
Как дракон в пещере — в клюве выпулел язык.

И чесалась эта птица, перья отряхала,
Расправляла хвост и шумно крыльями махала.

И когда она подкрылье черное чесала, —
Раковину с перлом алым на землю бросала,

Пыли мускусной вздымала облако до звезд
Каждый раз, как расправляла крылья или хвост.

Вскоре птица погрузилась надо мною в сон,
И в ее пуху дремучем был я схоронен.

Думал: «Коль за птичью ногу крепко ухвачусь,
С помощью ужасной птицы наземь я спущусь,

Пусть внизу беду любую для себя найду...
Силой же своей отсюда вовсе не сойду.

Злобный человек со мною подло поступил,
Предал мукам, клятву дружбы низко преступил.

Или он моим богатством завладеть желал —
И затем меня на гибель верную послал?..»

Так томился я, покамест не зардела высь.
Смутно голоса земные снизу донеслись.

Сердце птицы застучало бурно надо мной.
Птица крыльями всплескала бурно надо мной.

Крылья шире корабельных поднятых ветрил,
Встал я, лапу странной птицы кренко обхватил.

А она поджала лапы, крылья развела
И, как буря, сына праха к солнцу понесла.

И меня с утра до полдня птица та посила.
Солнце гневно жгло. От зноя я лишился силы.

Вдруг — увидел: небо стало надо мной вращаться;
То — огромными кругами начала спускаться

Птица на землю. Земная тень ее влекла:
И когда конья не выше высота была,

Возблагодарил я птицу: «Ну, спасибо, друг»
И ее кривую лапу выпустил из рук.

Словно молния, упал я на цветущий луг, —
Весь в росе благоуханной он блестел вокруг.

Добрый час, смежив зеницы, я в траве дежал.
Где я, что со мною дальше будет, я не знал.

В сердце у меня тревога улеглась не вдруг,
Наконец открыл я веки, поглядел вокруг.

Бирюзы небес лазурней почва там была.
Пыль земная на густую зелень не легла.

Сотня тысяч разновидных там цветов цвела.
Зелень листьев бодрствовала, а вода спала.

Тысячами ярких красок взоры луг паснил.
Ветер, полный благоволий, чувства ошлял.

Гиапант петлей аркана брал гвоздику в паз.
Юной розы рот багряный прикусил ямен.

И ялик у аргавапа отняла земля.
Амброю благоуханной там была земля.

Был там золотом песок, камни — бирюлой,
В ложе яшмовом поток — розовой водой.

У его кристально-светлых и холодных вод
Блеск и цвет, как подаенье, клинчил небосвод.

Как во ртути, в струях рыбы ярче серебра,
Берега, как два огромных сказочных ковра.

Изумрудные предгорья в полукруг сошлись.
Лес в предгорьях — дуб индийский, кедр и кипарис.

Там утесы были чистым яхонтом, опалом.
Деревя горели цветом золотым и алым.

Сквозь кустарники алоэ, смешанных с сандалом,
Ветер веял по долине и окрестным скалам.

Верно — сонм небесных гурги создавал ее
И от засухи и бури укрывал ее.

Небосвод «сапфиновой чашей» называл ее.
А Прем «услადой нашей» называл ее.

Ничего нигде я краше в мире не видал.
Ликовал я и дивился, словно клад считал.

Вдоль и шири, прошел долину, все я оглядел.
И хвалу творцу над нею, радостный, привел.

Чащей шел и, чуя годод, рвал плоды и ел.
Отдохнуть под кипарисом свежим захотел.

Лег, уснул, тревог не зная и докучных дел,
Небеса благословляя за такой удел.

Только полночь, порушила землю и сон и тьму
И, убрав багрен, на тучи нанесла сурьму.

Мне в лицо нахнул отрадно с горной маинина
Легковейный и прохладный ветерок весны.

Пронеслась гроза, апрельской свежестью полна,
Быстрым дождем долину окрикнула она.

Папонался дол широкий свежестью почвой
И исполнился красавиц молодых толпой.

Предестью была любая турки равна,
Шли они передо мною, как видения сна.

Будто чудом породила ночи глубина
Мир красавиц светозарных, свежих, как весна.

Мир пылей и чародейней радного вина.
Тела белизна у каждой хлои оттенена.

Уст рубин алей тюльпана, — кровь не так красна;
Выкуп, взятый с Хузистана, тем устам цена¹.

Золотых завястых змеи на руках у них.
Перды звучаие на шее и в серьгах у них.

А в руках красавиц свечи яркие горят,
Хоть нагара не снимают, — свечи не копят.

Стана гибкостью любая в плен брала мой взгляд,
Обещая и скрывая тысячи усад.

И ковер и трон, звездой блещущий вдали,
Эти гурин-кумиры на плечах несли.

На траву ковер постлали, водрузили трон.
Ждал я, что же будет далее, — словно видел сон.

Только время миновало малое с тех пор,
Нечто ярко засияло, ослепляя взор.

Будто бы луна спустилась наземь с высоты,
Легким шагом приминая травы и цветы.

То владычица красавиц — не луна была.
Эти пери лугом были, а она была

Кипарисом среди луга, и над их толной,
Словно роза, возвышалась гордой головой.

Вот воссела, как невеста, госпожа на трон,
Спал весь мир, а только села — мир был пробужден.

Еле складки покрывала совлекла с лица —
Некий падишах, казалось, вышел из дворца,

Белое румийцев войско впереди него,
Черное индийцев войско позади него.

А когда одно мгновенье, два ли, миновало,
Девушке, вблизи стоявшей, госпожа сказала:

«Я присутствие чужое ощущаю здесь.
Чую — существо земное между нами есть.

Встань скорее и долину нашу обойди
И, кого ни повстречаешь, — всех ко мне веди».

Та, рожденная от пери, мигом поднималась,
Словно пери над долиной темной понеслась.

Изумясь, остановилась, лишь меня позвала,
За руку меня с улыбкой ласково вела

И сказала: «Встань скорее, погостим, как деды!
Ждал я этих слов, ни слова не прибавил к ним».

Как ворона за павлином, я за ней летел,
Перед троном на колени встать я захотел.

Стал я в самом нижнем круге среди подруг ее.
Молвила она: «Ты место занял не свое».

Не к лицу тебе, я вижу, выглядеть рабом;
Место гостя — не в скорлупке, а в зерне самом.

Подымись на возвышенье, рядом сядь со мной.
Ведь приятно и Пасядам плыть перед душой».

Я ответил: «О царица из страны зари,
Своему рабу подобных притч не говори!

Трон Балкис ему не место, это знает он.
Только Сулейман достоин занимать твой трон».

Молвила: «Здесь ты хозяин. Подойди и сядь.
Станешь ты у нас отныне всем повелевать.

Буду властна над тобою только я одна.
Сокровенное открою только я одна.

Ты мой гость, а мой обычай — почитать гостей».
Понял я, что мне осталось покориться ей,

Чувствовал, что я лишаюсь воли... И на трон
За руку служанкой юной был я возведен.

И с прекрасной девой рядом на престоле том,
Решю ласковой утешен, есть я. А потом
Стол для мира повелева госножа принести.
Принесли нам стол служанки, — есть на нем не счесть.

Чашки были — цельный яхонт, стол же — бирюза.
Выпывал он вожделенье, радовал глаза.

А когда я сладкой пищей голод утолил
И напитком благовонным сердца жар залил, —

Появились музыканты, кравчие ушли.
И неведомое бедным жителям земли

Счастье, думал я, доступно, близко стало мне...
Нежно песня дев хвалою зазвучала мне.

Струны руда зазвенели, бубен забрякал.
Вихри, веселой многоцветной пляски зашверкал.

Не касаясь дуга, пессей легкий круг подруг.
Будто ввысь их поднимали крылья быстрых рук.

А потом — подала седи дева пировать.
Кравчие не успевали чашки наполнять.

От вина и сильной страсти обезумел я.
Мне казалось — закипала в жилах кровь, моя.

К госпоже сахарноустой руки я простер,
И у ней живым согласьем засветился взор.

Подкосила ноги эта дивная краса.
Я упал к ногам желанной, как ее коса.

Начал я у деви милой ноги целовать,
Возразит — я с большей силой стану целовать.

Уж надежды птица неслась мне из тьмы нествий,
Если б двести душ имел я, — все бы отдал ей.

«О скажи, устала сердца, — я молвил ее,
Кто ты, сладостная? Имя назови свое!»

«Я тюρκанка с нежным телом, — молвила она, —
Нежною Тюрккан за что в мире названа».

Молвил я: «Как дивно сходны наши имена!..
Звуком имени со мною ты породнена».

Ты — Тюрккан, что значит — Нежность. Я — Набет —
Тюрккан!»

Я молно тебя немедля нападем сейчас

На несметных дивов гори — их огнем сожжем,
Утолим сердца томленье колдовским вином!

Все забудем... Обратимся к радости любви..
И душою погрузимся в радости любви!»

Я прочел в ее улыбке и в шре очей.
«Видишь, — счастье судьбою занеслось твоё!»

Видишь, час благоприятен... Нет вокруг людей..
Синеходительна подруга — так целуй смелей!»

Предо мною дверь, лобзаний дева отперла.
Тысячу мне поцелуев огненных дала.

Вспыхнул я от поцелуев, словно от вина.
Шум моей кинящей крови слышала луна.

«Ничего — только поцелуй, — молвила она, —
Взявши в руку эту чашу, пей не вдруг до дна».

И пока еще ты можешь сдерживать желанья —
Кудри гледи, кусай мне губы, похищай лобзанья.

Но когда твой ум затмится страстью до того,
Что узды уже не будет слушать естество, —

Из толпы прислужниц, — в коей каждая девица,
Словно над любовной ночью вставшая денница, —

Ты какую бы ни выбрал, я освобожу,
И служить твоим желаньям я ей прикажу.

Чтоб она в укромном месте другу моему
Предалась, была невестой и слугой ему;

Чтобы притушила ярость твоего огня,
Но — чтобы в ручье осталась влага для меня.

Каждый вечер, только с неба сгонит мрак зарю,
Я тебе один из этих перлов подарю.

Молвив так, толпу прислужниц взором обвела.
Ту, которую для ласки годною сочла,

Мановеньем чуть заметным к трону позвала
И ее, с улыбкой нежной, мне передала.

И луна, подаренная мне, меня взяла
За руку и в сумрачную чащу увела.

Был пленен я родничкою, стал рабом кудрей.
Под навесом листьев шел я, как во сне, за ней.

И меня в шатер укромный привела она.
Я поладил с ней, как с нижней верхняя струна.

Там постель была роскошно раньше постлана,
Легким шелком и коврами ярко убрана.

И затылками подушки ложа смяли мы.
Целовались и друг друга обнимали мы.

Отыскал я роз оханку между ~~хвн~~ ков,
Потонул в оханке белых, алых лепестков.

Перл бесценный, сокровенный и раковине был,
Снял с жемчужницы печать я, створки отворил⁶.

Я ласкал свою подругу до дневней поры,
В ложе, амброю дышавшем, пологом камфары⁷.

Встал я из ее объятий при сиянье дня.
Приготовила проворио дева для меня

Водоем золотой, сиявший яхонтовым дном.
И водой благоуханной я омылся в нем.

Знойный полдень был, когда я вышел из шатра.
Гурни, что пировали на лугу вчера.

Все исчезли. Я остался там у родника
Одиноким — наподобье желтого цветка.

Утомленный и с похмельем тяжким в голове,
Влажным лбом своим склонился я к сухой траве.

От полудня до заката подремал я там.
Счастье бодрствует, покамест спит счастливцев сам.

Только мускусный мешочек ночь-газель раскрыла
И на небо мускус черный с амброй положила⁸.

Из носилок сна я поднял голову тогда.
Встал я, как побег кленовый, где журчит вода.

Как минувшей ночью, туча с ветром пронеслась,
И жемчужным над долиной ливнем пролилась.

Ветер подметал долину, ливень поливал.
Ветер сеял розы, ливень лилли сажал.

А когда в долине встала аморовая мгла,
Розовая — в сто потоков — влага потекла.

Это вновь, минувшей ночи гурни пришли,
Трон с покровом драгоценным снова принесли.

На дугу опять поставлен трон был золотой,
Занавешенный шелками, дорогой парчой.

Вновь пошел у них веселый, беззаботный пир.
Смехом, пеньем и волньем был разбужен мир.

Встали девушки в сиянье факелов ночных.
Села грабящая сердце госпожа среди них.

Девушкам она ведела, чтоб меня навели,
Чтобы снова к ней с почетом гости пришли.

Я на зов пришел охотно. И на трон меня
По обычаю бывшего усадили дня.

Бирюзовый стол для пира принесли они,
Яства подали и вина и зажгли огни.

Был утешен голод, жажда мной утолена,
Сладко, стройно сговорилась со струной струна,

Голову вино вскружило, жилы обожгло.
И опять вино с любовью дружбу завело.

И моя Тюркиаз явила милость мне опять.
Своего раба ренила снова обласкать.

И дала она подругам знак движеньем глаз,
Чтоб они ушли, оставив с глазу на глаз нас.

Тут огонь любви из сердца бросился мне в мозг.
Сразу мой мой растопился, словно мягкий воск.

В нетерпенье я рукою стал ее обвил,
Деву взял на грудь к себе и в себя забыл.

Но владычица сказала мне, как и вчера:
«Эта ночь — не мне с тобою. Ничего не пора.

Если можешь быть доволен деднями ты, —
В эту ночь со мной сливайся лишь устами ты.

Знай: кто требует немного — много тот возьмет.
А страстей своих невольник — в нищету впадет».
Я воскликнул: «Пусть же средство господжа найдет,
Ибо скрыт я с головою глубиною вод.

Как смола, черны и цепки змеи кося твоих,
Я же стал умалишенным, я достоин их.

Посади меня ты на цепь, чтоб не бунтовал,
Чтоб невольник вступивший в путь не порвался.

Видишь: ночь проходит, брезжит за горой зари,
Я конца речам не вижу, ночь проговори!

Иль убей меня... Не жаль мне жизни для тебя,
Вот мой меч, под ним склоняю голову, любя.

Нет, я знаю: от рожденья ты мне не чужда,
Если ты ручей тремучий, я — в ручье вода.

Жажду я, — не давай мне влаги — я тогда умру.
Станет жизнь моя летучим прахом на ветру.

Помоги... я погибаю... О, спаси меня!
Воду я искал, а воды унесли меня».

Мукой долгих ожиданий не томи меня,
Хоть глотком блаженной влаги напоя меня!

Пусть игла скорей вонзится в шелковые ткани,
Пыль золы горячей брошу я в глаза желаний...

Не упал еще осел мой, цел бурдюк на нем,
Птица в ночь на ветку села, но умчится днем».

«Нынче будь покорен! — дева отвечала мне. —
Пусть Шабдизова подкова полежит в огне!¹⁰

Если к цели вожденной нынче не придешь,
Яркий свет свечи бессмертья завтра обретишь,

Так не продавай за каню весь источник вод.
Все, что нынче яд, то завтра превратится в мед.

Нынче ты свои желанья на замок замкни,
И за это счастлив будешь в будущие дни.

Ты целуй меня сегодня, локоны мне гладь,
В нарды же с моей рабою будешь ты играть.

Сад есть у тебя — зачем же сада избегать?
Птица есть — зачем же птичье молоко искать?

И хоть я тебя покину скоро, — знай — я тоже
И сама тебе достанусь, но достанусь позже.

Если в сеть поймашь рыбу в глубине пруда,
То лулу поймать рукою можно не всегда».

Как увидел я, что медлит в той игре она,
Осторожен стал, сговорчив; чашами вина

Стал перемежать лобзанья, и, смирясь в беде,
Пост блюсти решил я, жарясь на сковороде.

Но от огненных лобзаний и огня вина
Стала вновь душа Меджиуна пламенем полна»

И опять моя тюрианка, в сердце у меня
Увидавши иступление ярого огня,

Из своих прислужниц юных мне одну дала,
Чтоб опять ее служанка жар мой уняла.

Я в шатер пошел с другою девою, как вчера,
И опять гасил желанья сердца до утра.

На коврах водил до света с перн хоровод,
А когда одежды неба выстирал восход

И разбила ночь-красильник с краскою кувшин,
Очутился я сидящим на лугу — один;

И в груди моей желание было лишь одно:
Чтобы ночь пришла скорее, чтобы пить вино

Мне с кумирами Китая, перн обнимать,
И ласкающую сердце — к сердцу прижимать.

Ночь вернулась с полною чашею усад.
Снова троп мой был прерван блеснувших плесад...

Так за ночью ночь летели, полные весельем,
Пением, хмелем поцелуев, сладостным похмельем.

С вечера — огни и песни, радости вина,
А к рассвету — гости в женихурии дана.

Днем мне свежий сад — жилище, а ночью порой —
Рай, где мускусная почва, дом же — золотой.

В нем, как царь страны блаженства, я владел луной.
Все, чего хотел, являлось мигом предо мной.

Ну а я — неблагодарный — хмурился, вздыхал
И, блаженством обладая, большего искал.

Время шло... И вот тридцатый вечер настает,
Кроя мускусною тенью спящий небосвод.

Амброю — кудрявый облак — вея в вышину,
За косы к себе с любовью притянул луну.

И гроза с благоуханным ветром пронеслась,
Освежающим в долину ливнем пролилась.

Шум раздался, зноя запылел, слышанный до небес,
Факелами озарился дол и влажный лес.

Вновь поставили рабыни трон на свежий луг,
И певички и плясуньи трон обстали вокруг.

Солнцеликая явилась между них луна¹¹,
Мускусом кудрей прикрыла груди свою она.

И свирели зазвенели, зазвучала нанев,
Рдяное вино разлили руки крапчих-дев.

И парня гурий свите молвила своей:
«Разыщите, приведите друга доскорей».

У ручья меня служанки на лугу нашли
И меня к своей парнице снова привели.

Поклонился ей и сел я справа от нее,
Ожило во мне желание прежнее мое.

С опьяненьем вспыхнул в сердце и любовный пыл,
Я рукою черный докон, как канат, схватил.

Дивы похоти с каната снова сорвались,
Бесноватого канатом связывать взялись.

В паутине кос тяжелых мух я застрял,
В эту ночь канатоходцем я невольно стал.

Бесновался, как осел, я, индийский ячмень,
Или — словно одержимый в поволуны день¹².

И, как вор серебролюбивый пред чужим добром,
Весь дрожа, я потянулся вновь за серебром¹³.

Обнял стан ее. Ослаб я. Так мне тяжело было.
Руку на руку тогда мне дева положила.

Руку эта зависть гурий мне поцеловала,
Чтоб убрал от клада руку я. И так сказала:

«Не тянись к запретной двери, ибо коротка,
Чтоб ее достигнуть, даже длинная рука».

Вход в рудник закрыт печатью, и печать крепка,
И нельзя сорвать печати с двери рудника.

Пальмою ты обладаешь — так терни, крепись,
Фишиков незрелых с пальмы рвать не торопись.

Пей вино и знай: жаркое скоро вслед придет.
На зарю гляди, за нею солнца свет придет».

Я ответил ей: «О садике сада моего,
Свет очей моих, услада взгляда моего!

Словно роза вертограда — щеки твоих щек,
Я умру с тобою рядом, пламенем горя».

Жаждущему показала чистый ты ручей,
А потом ему сказала: «Рот замкни, не пей».

Жизнь моя тобою снова брошена в огонь,
Вновь заветная подкова брошена в огонь.

Как луны набег свирепый отразить могу?
Как пылинкой малой солнце я закрыть могу?

Отведу ли руку — если ты в моих руках?
И пойду ль на муку — если ты в моих руках?
У меня душа, ты видишь, подошла к губам¹⁴,
Жарче поцелуй!.. Не надо слов холодных нам.

Как мне быть, коль выюк с верблюда моего упал?
Помоги, избавь от муки, ибо час настал.

Скоро волк свирепых высей — хищный небосвод —
И по-волчьи и по-лиси нападать начнет.

Словно лев голодный, прыгнет прямо на меня.
И повергнет ниц, как пардус пламенный, меня.

Если дверь не отпирешь мне нынче, знай, к утру
От томления и муки жгучей я умру.

Как цари и падишахи к гостю снизошли б,
Снизойди к моим мольбам, ибо я погиб!..

Изнемог я... И терпенье у меня не стало!
«Руку удержи... Все будет... — госпожа сказала, —

Увенчать твоё желанье — в том моя судьба.
Ибо ты — мой повелитель, я твоя раба.

Бедный дар такому гостю будет ли хорош?
Все же — то, что ищешь ныне, позже обретешь.

У меня бери сегодня все, что сердцу любо:
Щеки, грудь и губы, — кроме одного, что грубо.

Кроме перла одного лишь — всей моей владей
Кладовой. И помни: ждет нас тысяча почей,

Полных счастья. Но коль сердце нынче от вина,
Дам тебе служанку, словно полная луна.

Но чтоб нынче ты подола мой выпустил из рук». —
Я, не разумея смысла, слышал только звук.

Сладкой речи. Сам себе я говорил: «Не тронь!»
Но железо было остро и горяч огонь.

Молвил я: «Ты, струны тронув, их лишила лада,
Тысячи погибли с гори, не нашедши клада.

Но когда погой паткнулся я на самый клад,
Удержу ли руку, видя даже сто преград?

Как свечу на этом троне, ты зажги меня.
Или четырьмя гвоздями пригвозди меня!¹⁵

Или на ковре улады предо мной вляжи,
Иль на кожаной подстилке головь лини!¹⁶

Ты моя душа и сердце, зренье и сознание,
Без тебя мрачнее смерти мне существование.

Коль желаемого мною нынче я добьюсь,
Даром получу, — хоть жизнью даже расплачусь.

Ты зажги меня сегодня ночью, как свечу.
В горе я, И, лишь стелая, горе излечу.

Слышишь? Кровь во мне бушует... Так поторопись
С казнию, чтоб палач скорее оборвал мне жизнь!»

Тут — как мне кипенье крови и безумья пыл
Повелели — на цветок я натиск совершил.

Страсть мою, что пламенела, не утолена,
Страсть мою меня молила удержать она.

И она клялась мне: «Это будет все твое.
Завтра ночью ты желание утолишь свое.

Потерпи один лишь сутки. Завтра, — говорю, —
Дверь к сокровищу сама я завтра открою.

Ночь одну лишь дай мне сроку! Быстро ночь **пройдет**.
Ведь одна лишь ночь — подумай: только ночь, **не год!»**

Так она мне говорила. Я же, как слепой
Иль как бешеный, вцепился в пояс ей рукой,

И во мне от просьб желанной деви возросло
Во сто раз желаний пламя. До того дошло,

Что рванул я и ослабил пояс у нее.
А царица, нетерпенье увидав мое,

Мне сказала: «На мгновение ты глаза закрой.
Отомкну сейчас сама я дверь кладовой.

Отомкнув перед тобою дверь, скажу: «Открой...»
И тогда, что пожелаешь, делай ты со мной».

Я на сладкую уловку эту пойман был,
Выпустил из рук царицу и глаза прикрыл.

И — доверчиво — ей сроку дал я миг, другой.
И когда услышал слово тихое: «Открой...» —

Я, с надеждою на деву бросив быстрый взгляд,
Увидал: пустыр, корзину и над ней канат.

Ни подруги близ, ни друга не увидел я.
Вдох горячий да холодный ветер — мне друзья.

Как отставшая от солнца тень в закатный час, —
Тень-Тюркназ отстал от солнца своего — Тюркназ...

А перед моей корзиной друг мясник предстал.
Заключил меня в объятия, извиняться стал.

«Если бы сто лет твердил я, — мне мясник сказал, —
Ты бы не поверил, если б сам не испытал.

Тайное ты нынче видел, — что нельзя узнать
Иначе. Кому ж об этом можно рассказать?»

И, палимый сожаленьем горьким, я вскрипел,
В знак тоски и утешенья черное падел.

Я сказал: «О угнетенный горем, как и я,
Бедный друг мой! Мне по праву стала мысль твоя, —

Пребывающим в печали черной и в молчанье —
Черное лишь подобает это одеянье».

Шелк на голову набросив черный, словно ночь,
Я из града вечной скорби ночью вышел прочь.

С черным сердцем появился я в родном дому.
Царь я — в черном. Тучей черной плачу потому!

И скорблю, что из-за грубой похоти навек
Потерял я все, чем смутно грезит человек!»

И когда мой шах мне повесть эту рассказал, —
Я — его раба — избрала то, что он избрал.

В мрак ушла я с Искендером за живой водой!..
Ярче месяц — осененный небом чернотой!¹⁷

И над парским тронем черный должен быть покров...
Черный цвет прекрасен. Это лучший из цветов.

Рыбья кость бела, но скрыта. Спины рыб черны.
Кудри черные и брови юности даны.

Чернотой прекрасны очи и осветлены,
Мускус — чем черней, тем большей стоит он цены

Коль шелка небесной ночи не были б черны, —
Их бы разве постилали в колыбель луны?

Каждый из семи престолов свой имеет цвет,
Но среди них сильнейший — черный. Выше цвета нет»¹⁸

Так индийская царевна в предрассветный час
Пред царем Бахрамом дивный кончила рассказ.

Похвалил красу Кашмира шах за сказку-диво,
Обнял стан ее и рядом с ней заснул счастливый.

ТУРКЕСТАНСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть вторая. Воскресенье

В час, когда нагорный ворот и пола степей
Позаигались ярким блеском солнечных лучей,

В воскресенье, словно солнце поутру, Бахрам
В золотое одеянье облачился сам.

И подобен солнцу утра красотой лица,
Он пошел под свод высокий желтого дворца.

Сердце в радости беспечной там он утопил,
Внемя пенью, из фиала золотого пил.

А когда померк лучистый тот воскресный день
И в покое брачном шаха воцарилась тень,

Шах светильнику Китая нежному сказал,
Чтоб она с прекрасным словом свой сдружила лад¹.

Попросил кумир Турана повесть рассказать
Сказочную, — дню, светилу и дворну под стать.

Просьбу высказав, он просьбы исполнения ждал,
Извинений и уверток шах не принимал.

И сказала дочь хакана Чина — Ягманаз:
«О мой шах, тебе подвластны Рум, Туран, Тараз.

Ты владык земли встречаешь пред дворцом твоим,
И цари хвалу возносят пред лицом твоим.

Кто тебе не подчинится дерзостной душой,
Под ноги слону да будет брошен головой».

И рассказ царевны Чина заигрывал пред ним:
Он струился, как кадильный благовоный дым.

СКАЗКА

В некоем городе иракском, я слышала, ветари,
Жил и правил добрый сердцем, справедливый царь.

Словно солнце, благодатен был и ясен он,
Как весна порой новруза, был прекрасен он¹.

Всякой доблестью в избытке был он наделен,
Светлым разумом и знанием был он одарен.

Хоть, казалось, от рождения он счастливым был,
В одиночестве печальном жизнь он проводил.

В гороскопе, что составил для него мовед,
Он прочел: «Тебе от женщины угрожает вред».

Потому и не женился он, чтоб не попасть
В бедствие, чтоб не постигла жизнь его напасть.

Так вот, женщины избегая, этот властелин
Во дворце и дни и ночи проводил один.

Но владыке жизнь такая стала докучать,
Но неведомой подруге начал он скучать.

Несколько красавиц юных он решил купить.
Только не могли рабыни шаху угодить.

Он одну, другую, третью удалить велел,
Ибо все переходили данный им предел.

Каждая хотела зваться — «госпожа», «хатун»,
Жаждала богатства, какими лишь владел Карун.

В доме у царя горбунья старая жила,
Жадной, хитрой, словно ведьма, бабка та была.

Стоило царю рабыню новую купить,
Как старуха той рабыне начинала лстить.

Начинала «госпожою Рума» называть,²
Принималась о подачке низко умолять.

И была любая лестью той обольщена,
И владыке неприятна делалась она.

А ведь в мире этом речи лживые друзей
Многим голову кружили лживостью своей.

Лживый друг такой — в осаде, не в прямом бою,
Как баллиста, дом разрушит и семью твою.

Шах иракский, хоть и много разных он купил
Женщин, но среди них достойной все не находил.

На которую свой перстень он ни надевал,
Видя: снова недостойна, — снова продавал.

С огорченьем удаляя с глаз своих рабынь,
Шах прославился продажей молодых рабынь.

Хоть кругом не уставали шаха осуждать,
Не могли его загадки люди разгадать.

Но в покупке и продаже царь, от мук своих
Утомившись, утоления страсти не достиг.

Он, по воле звезд, супругу в дом ввести не мог,
И рабыню, как подругу, в дом ввести не мог.

Провинившихся, хоть в малом, прочь он отсылал,
Добродетельной рабыни, скромной он искал.

В этом городе в ту пору торг богатый был,
И один работоровец шаху сообщил:

«От кумирен древних Чина прибыл к вам купец
С тысячей прекрасных гурий, с тысячей сердец.

Перешел он через горы и пески пустынь,
Вывез тысячу китайских девственных рабынь.

Каждая из них улыбкой день затмит, смеясь,
Каждая любовь дарует, зажигает страсть.

Есть одна среди них... И, если землю обойти,
Ей, пожалуй, в целом мире равных не найти.

С жемчугом в ушах; как жемчуг, не просверлена³.
Продавец сказал: «Дороже мне души она!»

Губы, как коралл. Но вкраплен жемчуг в тот коралл⁴.
На ответ горька, но сладок смех ее бывал.

Необычная дана ей небом красота,
Белый сахар рассыпают нежные уста.

Хоть ее уста и сахар сладостью дарят,
Видящие этот сахар люди лишь скорбят.

Я рабынями торгую, к делу приручен,
Но такую красотой сам я поражен.

С веткой миндаля цветущей схожая — она
Верная тебе рабыня будет и жена!»

«Покажи мне всех, пожалуй, — шах повеселел. —
Чтобы я сегодня утром сам их посмотрел!»

Тот пошел, рабынь привел он. Шах при этом был,
Осмотрел рабынь, с торговцем долго говорил.

И, хоть каждая прекрасна, как луна, была,
Но из тысячи — прекрасней всех одна была.

Хороша. Земных красавиц солнце и венец, —
Лучше, чем ее бывалый описал купец.

Шах сказал торговцу: «Ладно! Я сойду с тобой!
Но скажи мне — у рабыни этой нрав какой?»

Знай, купец, когда по праву будет мне она,
И тебе двойная будет выдана цена...»

Отвечал купец китайский шаху: «Видишь сам —
Хороша она, разумна, речь ее — бальзам.

Но у ней — дурная, нет ли — есть черта одна:
Домогательств не выносит никаких она.

Видишь: китаянка эта дивно хороша,
Истинно она, скажу я, во плоти душа.

Но откроюсь я: донные, кто б ни брал ее,
Вскоре — неприкосновенной — возвращал ее.

Кто б ее ни домогался, шах мой, до сих пор,
Непреклонная, давала всем она отпор.

Коль ее к любви хотели силою склонить,
На себя она грозила руки наложить.

Нрав несносный у рабыни, прямо я скажу,
Да и сам, о шах, придирчив ты, как я гляжу.

Если так ты непокладист нравом, то наряд
С ней дела пойдут, о шах мой, у тебя наряд

Если ты ее и купишь и к себе возьмешь,
То, поверь, ко мне обратно завтра отойдешь

Прямо говорю — ты эту лучше не бери,
Из моих рабынь другую лучше присмотри.

Если выберешь согласно праву своему,
То с тебя я за покупку денег не возьму».

Шах всю тысячу красавиц вновь пересмотрел,
Ни одной из них по сердцу выбрать не сумел.

Еновь он к первой возвратился. В сердце шаха к ней
С каждым взглядом страсть живая делалась сильней.

Полюбил ее, решил он в дом рабыню взять,
Хоть не знал еще, как в нарды будет с ней играть.

Раз увидев, не хотел он расставаться с ней,
Ласково, решил он, мягко обращаться с ней.

Он свою предосторожность в сердце усыпил,
В нем любовь возобладала, деву он купил.

И велел он казначею заплатить скорей
Серебром за ту, чьи ноги серебра белей.

Чтоб убить змею желанья, взял рабыню он,
Но ему разлуки с нею угрожал дракон.

Периликая, в гареме шахском поселясь,
Как цветок на новой почве в доме прижилась.

Как бутон, она раскрылась — в ярких лепестках,
Но ни в чем ее влюбленный не неволил шах.

И в домашние заботы вся погружена,
Исполнительной хозяйкой сделалась она.

Все она в своих покоях двери заперла,
Только дверь одна — для шаха — отперта была.

Хоть вознес ее высоко шах, как кипарис,
Но она, как тень, клонилась головою вниз.

И явилась та горбунья и взялась ей лстить,
Чтоб согнуть тростник высокий и ее сгубить.

Что ж рабыня? Волю гневу тут дала она;
Разбранив в сердцах, старуху прогнала она.

«Я невольница простая, не царница я,
Быть не госпожой, служанкой доля здесь моя!»

Падишах, когда все это дело разобрал,
Понял все он и старуху из дому прогнал.

А к невольнице такая страсть горела в нем,
Что своей рабыни вскоре сам он стал рабом.

И, прекрасную тюрчанку сильно полюбя,
Он любви не домогался, сдерживал себя.

Хоть в ту пору, несомненно, и сама она,
Уж была, должно быть, втайне в шаха влюблена.

С нею был в опочивальне как-то ночью шах,
Завернувшись в шелк китайский, кутаясь в мехах.

Окружил ее — как крепость, скажешь, ров с водой,
Страстью изнывал влюбленный рядом молодой.

И не менее, чем в шаху, страсть пылала в ней.
И, открыв уста, с любовью так сказал он ей:

«О трепещущая пальма в шелесте ветвей,
О живое око сердца и душа очей!

Кипарис перед тобою крив, — так ты стройна!
Как отверстие кувшина пред тобой луна!

Знаешь ты сама — тобою я одной дышу...
На вопрос мой дать правдивый я ответ прошу.

Если от тебя услышу только правду я,
То, как стан твой, распрямится и судьба моя».

Чтоб ее расположение разбудить верней,
Розы свежие и сахар стал он сыпать ей.

И такую рассказал он притчу: «Как-то раз
О Балкис и Сулеймане слышал я рассказ.

Радостью их и печалью сын прелестный был,
Только не владел руками он и не ходил.

Молвила Балкис однажды: «О любимый мой,
Посмотри — здоровы телом оба мы с тобой.

Почему же сын наш болен? Силы рук и ног
Он лишен! За что так горько покарал нас бог?

Надо средство исцеления для него открыть.
Ты премудр, и ты сумеешь сына исцелить.

И, когда придет от бога Джабраил к тебе,
Расскажи ему о нашей бедственной судьбе.

А когда от нас на небо вновь он улетит,
Пусть в «Скрижаль Запоминания» там он поглядит.³

Есть ли средство исцеления сына твоего?
Пусть он скажет: что за средство? Где достать его?

Может быть, наш сын любимый будет исцелен,
Может — жар моей печали будет утолен!⁴

Сулейман с ней согласился и поклялся ей
Все исполнить, Джабраила ждал он много дней.

И когда к нему спустился с неба Джабраил,
Он его об исцелении сына попросил.

Скрылся ангел и вернулся вскоре в дом его,
От кого же? Да от бога прямо самого.

Джабраил сказал: «Два средства исцеления есть —
Редкие, но под рукою оба средства здесь, —

Это — чтобы, сидя рядом со своей женой,
Был ты с ней во всем правдивым, а она с тобой.

Коль правдивыми друг с другом сможете вы быть,
Вы сумеете мгновенно сына исцелить».

Встал тут Сулейман поспешно и Балкис позвал,
Что от ангела он слышал, ей пересказал.

Радовалась несказанно тем словам Балкис.
И что средства исцеления сыну их нашлись.

Молвила: «Душа открыта пред тобой моя!
Что ни спросишь ты, отвечу только правду я!»

Сулейман — вселенной светоч — у нее спросил:
«Образ твой желанья будит, всем очам он мил.

Но скажи мне, ты желала только ли меня
Всей душой и сердцем, полным страстного огня?»

И ответила царица: «Верь душе моей:
В мире ты источник света! Кто тебя светлей?

Но хоть молод и прекрасен ты и мной любим,
Хоть никто с тобой в подлунном мире несравним,

Хоть красен ты, добр и нежен, повелитель наш,
Хоть велик и лучезарен, словно райский страж,

Хоть над явным всем и тайным назван ты главою,
И хоть властен над вселенной дивный перстень твой,

Хоть прекрасен ты, как солнце яркое в лучах,
Хоть счастливый ты владыка и вселенной шах,

Но коль юношу-красавца вижу — то, не лгу:
Побороть своих желаний все ж я не могу!»

И едва лишь прозвучало слово тайны сей,
Сын ее безруким с ложа руки поднял к ней:

«Мать! Руками я владею! — громко крикнул он, —
Исцелен я и от чуждой помощи спасен!

Потрясенная смотрела перн на него,
Исцелившегося видя сына своего.

И сказала: «О владыка духов и людей,
Ты всех доблестней, всех выше в мудрости своей!

Ты открой мне тайну, сына нашего любя!
Ноги исцелить — зависит ныне от тебя.

На единственный вопрос мой дай ты мне ответ;
Счета нет твоим богатствам, и числа им нет.

Горы золота собрал ты, перлов, серебра,
Молви: втайне ты чужого не хотел добра?»

И пророк творца вселенной так ответил ей:
«Да, богат я, всех богаче я земных царей.

И сокровища от Рыбы все и до Луны
Под моей лежат печатью в тайниках казны.

Здесь меня богатством щедро вечный одарил,
Но и все же, кто б с поклоном в дом мой ни входил,

На руки ему смотрю я: с чем, мол, он идет?
И хороший ли подарок мне, царю, несет?»

Только Сулейман великий те слова сказал,
Сын пошвеллил ногами, поднялся и встал.

Он сказал: «Отец! Взгляни-ка, вот я стал ходить!
Ты меня сумел, премудрый, словом исцелить!»

«Если сам посланник бога, — деве шах сказал, —
Сухоруких и безногих дивно исцелял,

То правдивыми, конечно, нам не стыдно быть
И стрелу в добычу прямо с тетивы спустить.

О единственная в мире, о моя луна,
Я люблю тебя, но что же так ты холодна?

Я страдаю и тоскую, мукой я горю,
На тебя в томленье сердца издали смотрю.

Ты прекрасна, несравненной, дивной красотой!..
Почему же так сурова и жестка со мной?»

И красавица владыке своему вняла,
И ответа лучше правды чистой не нашла.

«Это все, — она сказала, — не моя вина!
А у нас в роду, к несчастью, есть черта одна:

Мать, и бабка, и прабабка у меня, о шах,
Все, едва лишь выйдя замуж, умерли в родах.

Знать, на нас на всех проклятье — в браке умирать,
Потому — мужчине сердце я боюсь отдать.

Не хочу я, мой владыка, — я не утаю, —
Ради радостей мгновенных жизнь губить свою.

Жизнь дороже мне. И лучше мне безмужней жить,
Чем испить отраву страсти и себя сгубить.

Не любви, о шах, я жажду — жизни жажду я!
Вот тебе и явной стала тайна вся моя.

Крышку с тайны сняв, как хочешь, так и поступай,
У себя оставь, коль хочешь, а не то продай.

Вот, о царь, я все сказала, правду возлюбя,
Я не спрятала, не скрыла тайны от тебя.

Я надеюсь, шах вселенной, что и ты теперь,
Предо мной своей загадки приоткроешь дверь:

Почему рабынь прекрасных палишах берет
В дом к себе — и их меняет чуть не сотню в год?

И недели не живет он ни с одной из них,
И души не отдает он ни одной из них?

Приголубит и приблизит к своему лучу,
А потом ее поспешно гасит, как свечу?

До небес сперва возносит, холит и дарит,
И с презрением отбросит, и не поглядит?»

Шах ответил: «Путь возвратный открывал я им,
Так как не был ни одною искренне любим.

Поначалу все бывали очень хороши;
А потом — куда девалась доброта души?»

В царском доме, как царицы, привыкали жить.
Мне они переставали преданно служить.

Ведать меру должен каждый, кто душой не слеп,
Не для всякого желудка годен чистый хлеб.

Нет, железный лишь желудок может совладать
И с несвойственною пищей, чтоб не пострадать.

Если к женщине мужчина страстью ослеплен,
Много ей недостающих свойств припишет он.

Но ведь женщина — былинка, ветер мчит ее, —
Как же сердцем положиться можно на нее?

Если золото увидит, то — в конце концов —
Голову она склоняет чашею весов.

Скажем: жемчугом незрелый полон был гранат,
А когда созрел он — зерна лалами горят.

Женщина, что виноградник, — нежно зелена,
Не дозрев; когда ж созрела, то лицом черна.

Наполняет ночь сияньем яркий блеск луны,
И в достоинстве мужчины чистота жены.

Все рабыни, что бывали здесь перед тобой,
Были заняты всецело только лишь собой.

Мне из всех из них служила только ты одна,
Вижу — истинным усердием ты ко мне полна.

Хоть любви твоей лишней я, все же я не лгу, —
Без тебя теперь спокойно жить я не могу».

Много шах своей рабыне слов таких сказал,
Но к желаемому блажу ни на пядь не стал.

От него она, как прежде, далека была.
Как и прежде, не пошла в цель его стрела.

И под бременем печали этот властелин
Шел по каменистым скалам день за днем один.

Рядом был родник желанный, жаждой он горел
Нестерпимой. Проходило время, он терпел.

Та горбунья, что когда-то во дворце жила
И которую рабыня в гневе прогнала,

Услыхала, что несчастье дома тернит шах,
Что пред собственной рабыней он склонен во прах,

Что лишился, околдован, сил могучий муж,
И сказала: «Ну, старуха! Мудрость обнаружь!»

Не пора ли на горячку чары навести
И заставить эту перь в дивный пляс пойти?»

Я-то в паланкине солнца живо брешь пробью!
Не гордись, луна! Разрушу крепость я твою,

Чтобы мною не гнушались, чтоб ничья стрела
Угодить в мою кривую спину не могла!»

Весь свой ум пустила бабка в ход и наконец
Умудрилась и проникла к шаху во дворец.

Чтобы пал и посрамился гордый тот кумир,
К хитрости она прибегла древней, словно мир.

Шаху молвила: «Неужто с молодым конем
Ты не сладишь, чтоб ходил он под твоим седлом?»

Ты послушайся старуху: два-три дня пред ней
Ты оседлывай бывалых под седлом коней.

Иль тебе не приходилось самому, видать,
Норовистого трехлетка в табуне хватать?»

И попался шах на хитрость и подумал: «Что ж,
Из такой колодки будет и кирпич хорош!»⁷

Вскоре новая явилась дева во дворце —
Огнеокая, с улыбкой милой на лице.

Хороша она, учтива и ловка была,
Нравом добрая, живая, всем она вяла.

В доме живо осмелела, осмотрясь, она,
И игрой азартной с шахом занялась она.

Сам хозяин ставить нарды стал проворно ей
И проигрывать все игры стал притворно ей.

С первой девою, как прежде, дни он проводил,
Со второй — в опочивальню на ночь уходил.

Целый день бывал с одною, ночь бывал с другою.
Нежен был с одной, желанья утолял с другою.

Оттого, что со второю уходил он спать,
Стала первая пожаром ревности пылать

И хоть шаха ревновала все сильнее она
И мрачилась, как за тучей ясная луна,

Но она ему, как прежде, преданной была,
Ни на волос от служенья шаху не ушла.

Думала: «Судьба, как видно, чудеса творит!
Не из печки ли старушки мне потоп трозит?»⁸

И терпела и тапла жар она в крови,
Но — ты знаешь — от терпенья пользы нет в любви.

Улучивши время, к шаху раз она пришла
И такую речь смущенно с шахом повела:

«Ты со мной однажды начал правду говорить,
Так со мной и дальше должен ты правдивым быть.

Если радостны и ясны дни весны с утра,
Так зачем же так несчастны, мглисты вечера?

Я хочу, мой шах, чтоб вечно дни твои цвели,
Чтоб тебе любовь и счастье вечера несли.

Путру ты мне напиток сладкий дал... Так что ж
Ты мне этот едкий укус вечером даешь?

Не вкусив, ты мной пресыщен и меня отверг.
В жертву льву меня ты отдал, в пасть дракона вверг.

Был так нежен ты, но что же стал ты так жесток?
Иль не видишь, что от муки дух мой изнемог?

Ты змею завел, — ты хочешь гибели моей?
Коль убить меня задумал, так мечом убей!

В дом к себе меня привел ты, сильно полюбя..
Кто такой игре жестокой научил тебя?

Так открой же мне всю правду! Я изнемогла! —
Коль не хочешь, чтобы здесь я тут же умерла!

Заклинаю, шах мой, жизнью и душой твоей! —
Если правду скажешь — снимешь ты замок с дверей! —

Я и свой замок открою, небом я клянусь,
Что во всем тебе, о шах мой, нынче ж покорюсь!»

Шах, ее в своих окопах крепких увидав,
Эти речи, эти клятвы дева услышав,

Ничего от милой сердцу укрывать не стал,
Все, что нужно и не нужно, он ей рассказал:

«Страсть к тебе — данно, как пламя, обняла меня,
Довела до иступления и сожгла меня.

Я терпел, но все сильнее сердцем тосковал,
Я от муки нестерпимой полумертвым стал.

И горбатая старуха мне помочь приняла
И, как зелье колдовское, мне совет дала.

И велела мне похлебку бабка та сварить,
Той похлебкою сумел я душу исцелить.

Но была тебе, как видно, ревность тяжела,
Ты ее душой и сердцем, видно, не спесла.

А ведь воду нагревают только над огнем,
И железо размягчают только над огнем.

С горечью на это средство все ж решился я.
И прости — твоею болью исцелился я.

Охватил от малой искры жизнь мою пожар,
А старуха, как колдунья, раздувала жар.

Но теперь, когда со мною ты чиста, как свет,
Больше в старой той колдунье надобности нет.

Надо мной сегодня солнце подошло к Тельпу⁹.
И, как видно, зимний холод не грозит дворцу».

Так он много слов прекрасных дева говорил
И вниманьем тюрчанки очарован был.

Звезды счастья над главою шахскою сошлись,
Он с любовью тонкостанный обнял кияриис.

Соловей на ивет, росой окрошенный, сел,
И расцвет бутон, пенек же сладко ошныел.

Попугай вылетел из клетки, как крилатый дух,
И поднос сластей увидел без докучных мух.

Рыба вольная из сети в водоем ушла,
Сладость фиников созревших в молоко легла.

Сладостна была тюрчанка, предестни полна,
Отвечала страстью шаху своему она.

Шах занесу с изваяния золотого сиял,
Под замком рудник, сокровищ полный, отыскал.

Драгоценностей нашел он много золотых,
Золотом своим богато он украсил их.

Золото нам наслажденья чистые дарит,
И халва с шафраном, словно золото, горит.

Не гляди на то, что желтый он такой — шафран!
Видишь смех, что вызывает золотой шафран?

Золото зари рассветной по душе творцу,
Поклонялись золотому некогда тельцу.

И в румийских и багдадских банях — только та
Глина ценится, что, словно золото, желта»¹⁰.

Так кумир прекрасный Чина сказку завершил,
Шах Бахрам ее с любовью обнял и почил.

ХОРЕЗМСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть третья. Понедельник

Только свет свой понедельник над землей простер,
Шах Бахрам разбил зеленый поутру шатер.

И зеленую зажег он для себя звезду,
Как зеленый дух в зеленом ангельском саду.

Утром во дворец зеленый шах Бахрам вступил,
Наслажденью и веселью день свой посвятил.

А когда погас над миром дня того закат
И на небе изумрудном вспыхнул звездный сад,

Стал хорезмскую царевну шах Бахрам просить
Сладкого повествованья туюк пред ним раскрыть.

И в шелку зеленом пери просьбе той вяла
И пред Сулейманом двери тайны отперла¹.

Начала она: «Ты душу в жизнь вдохнул мою,
Пусть все души мира будут жертвой за твою.

Твой престол — опора счастья милостью творца,
Слава прошлого — преддверье твоего дворца.

Высоко венец Бахрама в мире вознесен,
Солнце счастья озарило твой высокий трон.

Света, мира и величья дух — в твоей судьбе,
Солнце вечное опору обрело в тебе!..»

Кипарис Хорезма славу шаху завершил
И среди яхонтов источник сахарный открыл².

СКАЗКА

Начала царевна: «В Руме жил когда-то муж,
Был хорош собой, и весел, и умен к тому ж.

Всем, что может человека в мире украшать,
Обладал он, — и душою телу был под стать.

Перлом был он, украшеньем всей его страны;
И желал он чистой, доброй для себя жены.

У людей других примером почитался он
И «Душою чистым Бинром» — назывался он¹.

Беззаботно Бинр, — а был он издавна таков, —
Шел однажды меж тенистых городских садов.

Но неожиданной встречей разум Бинра был смущен.
Был внезапно он любовью в сердце поражен.

Пред собою он увидел женщину одну,
Как завернутую в облак полную луну.

Кто была она, откуда? — Бишр не знал ее...
Ветер кисею откинул покрывал ее,

Из-за облака взглянула светлая луна,
Взглядом Бишра поразила, как стрелой, она.

Подкосились ноги Бишра; был он потрясен,
Будто выстрелом на месте был он пригвожден?

Лик увидел, пред которым ни один аскет
Не задумался б нарушить данный им обет.

Стан стройнее кипариса, а в глазах — любовь,
На щеках румянец свежий, как фазанья кровь.

Словом, кто б ее увидел, был бы уязвлен
И утратил бы навеки свой покой и сон.

Губы розовым подобны нежным лепесткам,
Зубы белые подобны ровным жемчугам.

Два свернувшихся парцисса — очи у нее,
Таина в них, печаль, как в бездне ночи, у нее.

Как под перьями густыми белый зоб орла,
Белый лик ее и темных кос густая мгла.

Амброй на щеках дышали родинки у ней,
А глаза ее казались родинок черней.

Тот, кто родинки и очи те хоть раз видал,
Тут же в плен их, словно в сети, сердцем попадал.

И, как будто на колючку наступил ногой,
Бишр невольно вскрикнул громко, словно сам не свой.

Подхватила покрывало быстро та луна,
И, напуганная Бишром, скрылась вмиг она.

Так, когда кровопролитие тайное совершит,
Поли смятения — убийца от людей бежит.

Бишр, как ото сна очнулся, вдаль вперил свой взор:
Улица пуста; ограблен дом, а вор ушел.

Он сказал: «Ее теперь я вовсе упустил!
Где искать? А для терпения мне не хватит сил...

Но терпеть мне и терзаться молча надлежит.
По следам за нею гнаться — нестерпимый стыд.

Муж я — не умру от горя. Должен все снести.
Страсть к жене меня не может свратить с пути.

Мощь духовная в уме — страсти побеждать...
Это главное условие можно ль забывать?

На осла шатер навьючив, не пора ли с ним
Двинуться к свитому дому мне — в Перусалим?

Та десница, что небесный утвердила свод,
Я надеюсь, облегченье мукам принесет!»

Воротясь домой, он сборы быстро завершил,
И к святым местам, гонимый горем, поспешил.

Он бежал в безумном страхе пред самим собой.
Свой смятенный дух он воле поручил святой.

В древнем храме умолял он, плача, божество
Защитить от дивов страсти скорбный дух его.

Так он долго там молился богу и святым, —
И домой решил вернуться, к берегам родным.

Спутник на пути обратном увязался с ним,
Внешне добрый, а в душе он низким был и злым.

Страшный спорщик и придира тот попутчик был,
В каждом благе он изъяны мигом находил.

И «Драконом синагоги» прозвали его,
Ибо в гневе порицал он мир и божество.

Начинал ли Бишр о добром мысли излагать,
Принимался этот спутник доброе ругать.

«Нет, не так!» и «Нет, не эдак!», «Не болтай-ка
зря!» —
Обрывал его попутчик, злобою горя.

Хоть в пути добросердечный Бишр молчать решил,
Спутника он и молчаньем в ярость приводил.

Он спросил: «Как ты зовешься? Я желаю знать,
Как по имени тебя мне, о попутчик, звать?»

Тот ответил: «Божий раб я. Имя же мое
Бишр. Теперь ты, друг, мне имя назови твое».

«А, ты — Бишр презренный? Слава у тебя плоха!»
Ну — а я, я вождь духовный смертных — Малиха!»

Все творение — небесный мир и мир земной —
Это все объял могучий, дерзкий разум мой.

Я в познание всеобъемлющ, как никто — велик!
И добро, и зло, и тайны мира я постиг.

Выше дюжины мудрейших — мудрости я друг.
Знай, невежда! Я двенадцать изучил наук!»

Горы, степь, леса, обвалы, реки... Мне ясна
Суть всего — от звезд и солнца до морского дна.

Из основ и зарожденья тайну я познал,
И всего миротворенья тайну я познал.

И о том, что есть на небе этом голубом,
Я осведомлен, хоть не был никогда на нем.

Мне провиденья зоркость дивная дана,
Никакая мне опасность в мире не страшна.

Царства ль клонятся к упадку — мой духовный взгляд
Гибель государств предвидит лет за пятьдесят.

Засуха ль грозит посевам, или недород,
Наперед об этом знаю я за целый год.

Я по пульсу все болезни узнавать могу,
Я из тела лихорадку изгонять могу.

И, кладя в огонь подкову, я могу — один —
Превратить янтарь дешевый в дорогой рубин.

Я могу из глины словом золото добыть,
Камень тайным эликсиром в жемчуг превратить.

Если воздуха пуцу я изо рта струю,
Я могу веревку эту превратить в змею.

Заклинаю я снимаю чары с рудников
И с сокровищ потаенных на века веков.

Для меня нигде сокрытой тайны в мире нет.
Я — о чем меня ни спросишь — дам на все ответ.

Если капища науки все ты обойдешь,
Равного среди ученых мне ты не найдешь!»

Так дорогою надменно похвалялся он,
Хвастовством его бесстыдным Бишр был поражен.

Тут от гор вдаль большая туча отошла, —
Этой тучи дымно-черен цвет был, как смола.

Малиха спросил: «Вон — туча! Почему черна,
Как смола, она? Ведь свойство облак — белизна!»

Бишр ответил: «То — Яздана воля. Он творит
Непостижное. Явлениям свойства он дарит».

Малиха сказал: «Увертки про себя оставь!
Если можешь, отвечая, в цель стрелу направи!»

Тучи черные рождает пережженный дым, —
Это признано бесспорно разумом самим.

А в жемчужных и молочно-белых облаках
Сырость держится и влага, как в больших мехах».

Вдруг повеял им в ланиты ветер невзначай,
И промолвил тот зазнайка: «Ну-ка, отвечай, —

Знаешь ли, что движет ветром? Надо размышлять!
А во мраке, как скотине, стыдно пребывать!»

Бишр ответил: «Это — воля бога самого.
Не свершается без воли божьей ничто».

Тот сказал: «Пора бы в руки повод знаний взять,
А не бабушкины сказки вечно повторять!

Сущность ветра — это воздух, он течет рекой
Наземные испаренья гонит пред собой».

Тут гора большая встала пред глазами их, —
«Почему, — спросил он, — эта выше всех других?»

Бишр ответил: «Так Язданом решено самим,
Что одним горам быть ниже, выше быть другим».

Тот ответил: «Доказательства не приносишь ты, —
Все от божьего калама производишь ты!

Знай: рождаясь от потоков бурных дождевых,
Сели размывают горы, разрушают их.

Та вершина, что всех выше над лицом земли
Поднялась, стоит от селей дождевых вдаль».

Бишр не выдержал и в гневе спутнику вскричал:
«Не противься воле неба! Лучше б ты молчал!

Суть явлений неизвестна мне; по я скажу,
Что тебя во всех науках я превосхожу.

Глубину причин творенья мы не можем знать,
Мирозданье не в силах наша мысль объять».

Ведь пути к завесе древней здесь не знаем мы,
Что ж о тайнах за завесой рассуждаем мы?

Не усердствуй в заблуждениях ложного пути,
Не внимай привыкшим речи ложные вести.

Я боюсь, когда завеса эта упадет,
Дерзких и высокоумных гибель злая ждет.

В листьях шепчущих на вечном древе бытия
Тайны веют! Да не тронет их рука твоя!»

И хоть Бишр заклятием этим дал отпор греху,
Див зазнайства не покинул все же Малиху.

Долго шли они. В пустыне путь им предстоял.
Малиха не унимался, спорил и болтал.

А в пустыне раскаленной, средь песков нагих,
От бессонницы и зноя мозг испекся их.

Еле шли они, стелая, охая в пути,
И казалось, что жару им не перенести.

Наконец они к большому дереву пришли
И в тени ветвей могучих отдыхать легли.

К небу подымалась древа шумная глава,
У подножья зеленела мягкая трава.

У корней кувшин огромный в землю был зарыт,
Кем-то доверху водою чистою налит.

Малиха в кувшине этом воду увидал,
Повернулся живо к Бишу и ему сказал:

«Погляди-ка, друг любезный! Молви наконец, —
Что? Кувшин с водою тоже здесь зарыл творец?»

Здесь кувшин с водою в землю до краев зарыт,
Но скажи мне — почему он крышкой не покрыт?

И скажи — откуда взятая чистой здесь воде?
Видишь сам, вокруг пустыня, нет воды нигде».

Бишр ответил: «Некто — добрый — здесь кувшин
зарыл,
Чтоб идущий по пустыне жажду утолил.

А чтоб как-нибудь случайно не был он разбит,
Потому кувшин и в землю до краев зарыт».

Малиха, смеясь, ответил: «Ох ты, голова!
Недомыслие пустое все твои слова

Ряди нас с тобою, что ли, кто-то — ах да, да!
Доброхот! — кувшин с водою притащил сюда?

Никому, поверь, до нашей дела нет беды!
Здесь за тысячу фарсангов не найдешь воды,

И никто здесь, кроме дичи вольной, не живет.
Здесь отличное, как видишь, место для охот.

Знай, охотники зарыли в землю здесь кувшин.
Это же — капкан для дичи средь нагих равнин!

Серны, лани и онагры здесь живут в песках,
А едят колючки, лижут соль в солончаках.

Только пить они от соли жгучей захотят,
То сюда, как к водою, в полдень поспешат.

А за деревом, за этим нековым стволом,
Ждут охотники в засаде — с луком и копьем.

Тут они добычи вволю могут настрелять
И, кебаб себе зажарив, мирно отдыхать.

Надо, друг, во всем начало видеть и конец,
Чтобы слушатель воскликнул: «Ну и молодец!»

Бишр ответил: «О проникший в тайну бытия,
Люди все различны; розно мыслим ты и я.

Знать, подозревают люди в помыслах других
Доброе или дурное — то, что в них самих».

Не подозревай дурное ты в душе других!
Тот, кто дурно мыслит, дурен и в делах своих!»

Сели, скатерть расстелили в лиственной тени,
Ели, воду из кувшина черпали они.

Им обоим показалась та вода вкусна,
Как хрусталь чиста, прозрачна, дивно холодна.

Малиха тут крикнул Бишру: «Ну-ка, отойди
От воды и там в сторонке малость посиди.

В воду чистую я тело погрузить хочу,
Освежиться, пыль пустыни с тела смыть хочу.

Обжигающим, соленым потом я покрыт,
Покрывающая тело грязь меня томит.

Я очишусь и отмоюсь. А потом с тобой
Двинусь дальше, освеженный, с легкой душой.

Но кувшин перед уходом должен я разбить,
Чтоб животных от ловушки этой защитить.

Бишр сказал: «О благоправный, не злоумышляй!
Ты дурного понапрасну здесь не совершай!

Нам кувшин был дан судьбою — жажду утолить,
Как же можно эту божью воду загрязнить?

Кто живительную воду из колодца пьет,
Если он не злой безбожник, в воду не плюет.

Укусом нельзя, ты знаешь, чистых зеркал мыть?
Разве можно этой влаги чистоту грязнить?

Сам подумай, ведь другие путники придут,
Здесь же вместо чистой влаги грязь они найдут».

Но, злокозненный, упорен муж в нечестье был,
Подлую свою натуру вновь он проявил.

Снял с себя тюрбан и сумку, в плащ их завернул,
И, согнувшись, как в источник, он в кувшин нырнул.

Не кувшин в земле, колодец то глубокий был,
И до дна того колодца путь далекий был.

В «мудрости» своей спасенья мудрый не нашел,
Он на дне того колодца смерть свою обрел.

Наглotalся он, нырнувши храбро в глубину,
Изнемог и опустился наконец ко дну.

Бишр сидел меж тем поодаль, горько плакал он,
Что кувшин с водою чистой будет загрязнен.

Говорил он: «Этот подлый слушать не хотел
Просьб моих! И злое дело сделать он успел!

Грязен внутренне — и внешне очень грязен он...
А кувшин теперь навеки будет загрязнен!

Замутят в сосуде воду грязь его и пот,
Он потом кувшин с водою камнем разобьет...

Честный муж не совершил бы мерзости такой,
Это можно сделать только подлою рукой!

Этот — никому не будет другом никогда,
Пусть его навек поглотит чистая вода!»

Так он сетовал и плакал, проклиная зло,
Тот не вынырнул, хоть много времени прошло.

Бишр приблизился, тревогой тайною смутясь,
Стал товарища искать он — к влаге наклонясь.

И увидел, что бедняга утонул давно,
Как кувшин, сложив покорно голову на дно.

Был бедою той испуган Бишр и удивлен.
С дерева сломил послешню сук огромный он.

Сук надежный с водомерным сходен был шестом.
От листвы его очистил Бишр, и, как багром,

Древком шарить самодельным он в кувшине стал
И немало изумился: дна он не достал.

Не кувшин то был, колодец — в землю углублен.
Выход выложен камнями, известью скреплен.

А вверху кувшина устье мастер утвердил,
Чтобы зверь в нем не купался, воду не мутил.

Бишр утопленника вынул. В скорби, хоть без слез,
Из воды в колодец праха тело перенес;

И, засыпав и камнями тело заложив,
Над могилою бедняги сел он, молчалив.

«Где же был твой ум и разум, — скорбно думал он, —
Ты хвалился, что в раскрытие тайн ты изощрен.

Говорил, что ты распутал шилом все узлы,
Что тебе подвластны дивы, пери и орлы.

Хвастал, что небес высоких тайну ты прочтешь,
Что арканом ты вселенной тайну захлестнешь.

Говорил, что ты не знаешь, что такое страх...
Где же мужество? Величие? Ты теперь лишь прах.

Уверял ты, что умеешь все предугадать,
За полвека гибель царства можешь предсказать.

Как же ты своей всезрящей не узрел душой,
Что простой стеной колодец был перед тобой?

Как со мной об этой влаге спорил ты, бедняк,
Утверждал, что — то не этак, да и то — не так.

Если наши утверждения все пересчитать,
Ни в одном нельзя явление сути отыскать.

Все, о чем у нас с тобою пустословие шло,
Было пламенем, что быстро жизнь твою сожгло.

Не кувшином обернулось пред тобой оно —
Что в гонимой вечной мира было рождено.

У судьбы узлом означен каждый человек,
И никто доныне судеб тайных не избег.

Горячо с тобой и долго препирались мы —
И во всем, что говорили, заблуждались мы.

Вот я жив, а ты в колодце жизнь свою сгубил,
Ибо ты неблагодарен за находку был.

Ты считал: взамен капкана тут поставлен жбан,
Что же? — сам, как дичь степная, ты попал в капкан.

За глоток воды я небу благодарен был...
Не за это ли всевышний жизнь мне сохранил?..»

Так сказал добросердечный Бишр. И встал с земли,
И погибшего пожитки подобрал с земли.

И египетского шелка плащ его цветной,
И тюбан его, и пояс поднял дорогой.

А когда с его одежды он печать совлек,
То увесистый оттуда выпал кошелек.

Жаром в кошельке блеснуло, увидавши свет,
Больше тысячи магрибских золотых монет.

Золота век чужого не касался он.
С тем, что было сердцу любю, оставался он.

Бишр сказал: «Его пожитки мне нельзя бросать,
Это все связать я должен и с собою взять».

Сохранить, не растерявши ничего в пути,
И на родине бедняги родичей найти.

Я во что бы то ни стало дом его сыну
И добро его домашним в руки возвращу.

Не сумел ему помочь я, был он обречен, —
Сохранить теперь я должен, что оставил он.

Если б я в делах и мыслях следовал ему,
Шел бы я тропой загробной, как и он, во тьму».

Малихи пожитки в узел крепко Бишр связал,
Поднял на плечи и дальше степью зашагал.

Так пустыней, невредимый, шел он много дней
И в знакомый прибыл город на краю степей.

Ночь он в караван-сарай отдохнуть решил.
Выспался, потом едую силы укрепил.

На люди потом с тюрбаном вышел он с утра, —
Мол, не знают ли владельца этого добра?

Некий честный муж одежду Малихи признал:
«Как же, знаю! Здесь живет он! — Бишру он сказал».

Как пойдешь ты по такой-то улице в конец,
Там увидишь ты богатый царственный дворец.

Это дом его. О странник, ты иди смелей —
И стучи, не сомневайся, у его дверей!»

И немедленно Бишр с тюрбаном, с золотом, с узлом,
В путь направился. И вскоре отыскал тот дом.

Постучался в двери. Вышла некая жена,
Как задернутая белым облаком луна.

«Что за надобность, — спросила, — у тебя ко мне?»
И ответил Бишр с поклоном важной той жене:

«Я, о госпожа, с хозяйкой должен говорить,
Я тюрбан и узел этот должен ей вручить».

Если только это можно, в дом меня пусти,
Я, увы, рассказ печальный должен повести.

Малиха несчастный вместе был в пути со мной —
И погиб, убит коварно грозною судьбой».

Женщина его с собою привела в покрй,
На краю ковра велела сесть перед собой.

Села женщина, покровом белым лик свой скрыв,
Молвила: «Слушаю. Да будет твой рассказ правдив».

По порядку Бишр подробно молвил обо всем,
Как с беднягой повстречался он в краю чужом,

Как дорогою невольно с ним сдружился он,
Как был Малиха занесен, как хвалился он,

Как сердился, словно пьяный, он из-за него,
Притаясь на всезнанье и на колдовство,

Как во всем дурное видел, к глазу правды нечел,
Как глумился и смеялся он над добрым всем;

Как колодец вслед идущим осквернить хотел,
Как обрел он в том колодце горестный удел;

Как, гордыней охваченный, морем он бурлил, —
Как, бесславно озорывая, наконец почил».

Так им был рассказ печальный этот завершен,
Рассказал он все, что видел, все, что слышал он,

И добавил: «Утонул он. Вечный мир ему! —
Он в земле. А ты хозяйкой будь в его дому.

Жалкий прах его, омытый чистою водою,
Спит в сокровищнице праха, погребенный мной.

Я собрал его пожитки. Думал: разыщу
Где-нибудь его жилище и родне вручу».

Тут он узел принесенный развязал, простер
Золото, одежды, пояс пестрый на ковер.

Женщина была, как видно, опытна, умна, —
Слово за словом тот свиток песь прочла она.

Молча слезы изронила из очей своих,
Слез она лила немного и отерла их.

И ответила: «О добрый сердцем, чистый муж,
Благомысленный и честный, в вере истый муж!

Как приятен, откровенен, благороден ты.
Сердцем редкостный, для доли лучшей годеи ты.

Кто бы так же благородно в мире поступил
В отношении к негодню, что весь мир сквернил?

Истинное благородство не к тому ведет,
Чтоб у пчел трудолюбивых отбирать их мед;

Благородство в том, чтоб в чести бреши не пробить,
Блеском чуждого богатства душу не прельстить.

Малиха живых покинул, превратился в прах,
А душе его укажет место сам аллах.

Он, к несчастью, хоть недолго, мужем был моим,
Но из всех, кого я знала, самым был дурным.

Был безбожен он, коварен, зол, несправедлив,
Огорчал людей жестоко он, как злобный див.

Он над слабыми насилий столько совершил,
Что не знаю, как доныне бог его надил.

Чародейством занимаясь, он добра не знал, —
Наконец не человеком он — драконом стал.

Юность, словно в заточенье, здесь моя прошла.
Он терзал меня. Я чашу горя испила.

Он меня коварно чарой ложной обольстил,
Он во мне обманом низким разум усыпил.

Дух мой был его влиянием тягостным томим.
Словно облако под ветром, я была пред ним.

Вижу — бог меня избавил, я воляна теперь,
Я от злобы и насилия спасена теперь.

Но тому, что было, видно — надлежало быть...
И не следует о мертвых плохо говорить.

Он ушел, его далеко увела судьба.
Брак мой с ним сама отныне прервала судьба.

Ты же мужествен и верен — это вижу я,
И с любовью избираю я тебя в мужа.

Ты из жен достоин лучшей. Красота и честь
У меня, и дом, и земли, и богатство есть, —

Только был бы ты согласен! Ну, а если так —
Знай, что нам самой судьбою предначертан брак.

Ты мне люб как муж. Ты верен, чист и тверд душой, —
Это ясно мне. Ты молод и хорош собой.

Если как жену ты можешь пожелать меня,
То теперь твоей я буду, с этого же дня.

Как мне сердце подсказало, так сказала я;
Я богата. Вот — гляди же — красота моя!»

И она с лица густую кисею сняла,
Будто бы печать сухую с лада сорвала⁸.

Бишр, увидев, поражен был дивной красотой,
Блеском темных глаз, дыханьем неги огневой.

Он узнал ее мгновенно, был он потрясен,
То была она, что прежде как-то встретил он.

Вскрикнул он и без сознания рухнул на ковер,
Он у ног ее, как мертвый, голову простер.

Та красавица мгновенно снадобье взяла,
Каждое одной бальзама жизнь ему спасла.

Ожил Бишр от этой капли; но, в себя придя,
Устыдился он и молвил, лик свой отведя:

«Вот, я от любви безумец, о любовь моя!
Но не бойся, не подумай, что безумец я!

Ты прости, что пред тобою я без чувств упал, —
Но ведь я перед собою пери увидал!

Пери! Я к тебе любовью так давно горю!..
Как судьбу за эту встречу я благодарю!

Я тебя одну средь улиц как-то увидал.
Помнишь? — ветер покрывало у тебя сорвал.

Я, лицо твое увидев, мира был лишен.
Не испив вина свиданья, был я опьянен.

Ты ушла. И мне казалось, то ушла душа.
Я горел, тоску и тайне, лишь тобой дыша.

Хоть везде со мной твой образ, словно призрак, был,
Никому я этой тайны в мире не открывал.

Я страдал. Мне нестерпима стала жизнь моя..
И тогда — к порогу бога устремился я.

И со мною милосердный, милостивый бог
То свершил, что я предвидеть никогда не мог.

И за то, что не искал я ни чужой жены,
Ни имущества чужого, ни чужой казны —

Бог послал мне в жены пери, дал богатство, дом,
Но не грешным, а открытым, праведным путем!»

Поняла она, что страстно Бишр любил ее,
И возрос десятикратно страстный был ее.

Нежно Бишра обласкала женщина.. А там
Вышел из дому он в город по своим делам.

Он по вере и закону с нею в брак вступил,
За сокровище Яздана возблагодарил. •

С пери той вкушал он счастье у нее в дому, —
И завидовали тайне многие ему.

Царственную он от злого наваждения спас,
Ясную луну младую от затмения спас⁹.

Желтую с ее одежды полосу он спал, —
И на воле цвет лилеи пышно расцветал.

Разницы меж ней и пери он не находил
И зеленые ей платья, как у гурий, сшил.

Зелень одеяний лучше желтой полосы.
Стройный кипарис в зеленом — образец красы.

Скорбь сердечную зеленый утешает цвет.
Светлых ангелов зеленый украшает цвет.

И душа другим зеленый предпочла наряд.
Рощам и лугам зеленым радуется взгляд.

Любит цвет листвы зеленой свежая весна, —
Потому — всегда и всюду — свежесть зелена.

А когда луна Хорезма кончила рассказ,
Обнял шах отраду сердца, утешенье глаз.

СЛАВЯНСКАЯ ЦАРЕВИНА

Повесть четвертая. Вторник

В некий Дея месяца, день, что был короче
Ночи Тира месяца, самой краткой ночи¹, —

Хоть все дни недели он красотой затмил,
Это пуп недели был — красный вторник был²,

День Бахрама — рдел он, блеском равен был огню³,
Ну, а шах Бахрам был тезка и звезде и дню...

В этот день все красное шах Бахрам надел,
К башне с красным куполом утром полетел⁴,

Там розовощекая славянская княжна —
Цветом сходна с пламенем, как вода — нежна —

Перед ним предстала, красоты полна,
Словно заблестала полная луна.

Только ночь высоко знамя подняла
И на своде солнца шелк разорвала,

Шах у девы-яблонь, сладостной, как мед,
Попросил рассказа, что отраду льет

Слушателю в сердце. И вняла она
Просьбе, и рассказывать начала она:

«Ясный небосвод — порог перед дворцом твоим,
Солнце — только лунный рог над шатром твоим!»⁵

Кто стоять дерзнет перед лучом твоим?
Пусть ослепнет тот под лучом твоим!»

И, свершив молитву, яхонты раскрыла
И слова, как лалы, к лалам приобщила⁶.

СКАЗКА

Начала: «В земле славянской был когда-то град,
Разукрашен, как невеста, сказочно богат.

Падишах, дворцы и башни воздвигавший в нем,
Был единой, росшей в неге, дочери отцом,

Околдовывавшей сердце, чародейноокой,
Розошкой, стройной, словно кипарис высокий.

Чье лицо, как светлый месяц, нет — еще милей.
Дан был солнцем и Бурджейсом светлый разум ей.

И от зависти великой мускуе изнывал
И слабел, когда дыхание кос ее виввал.

Словно сон нарцисса, томна темь ее очей,
Аромат цветка несрина — раб ее кудрей.

А вздохнет — и кипарисом веколыхнется стан;
Лик прекрасный разгорится, как зари румян.

Не улыбкой сладкой только и красой она, —
Нет, — она в любой науке столь была сильна,

Столь искушена, что в мире книги ни одной
Не осталось, не прочтенной девою молодой.

Тайным знаниям обучалась; птиц и тварей крик
Разумела, понимала, как родной язык.

Но жила, лицо скрывая кольцами кудрей,
Всем отказом отвечая сватавшимся к ней.

Та, которой в мире целом равной не сыскать,
Разве станет о безвестном женихе гадать?

Но когда молва по свету вести разнесла,
Что с высот Ризвана к людям гурья сошла,

Что ее луна и солнце в небе породили,
А созвездья и планеты молоком вскормили, —

Каждый был великой страстью к ней воспламенен,
И мольбы любви помчались к ней со всех сторон.

Взять один пытался силой, золотом другой,
Ничего не выходило. Падишах седой,

Видя дочки непреклонность, выбился из сил,
Но спастись от домогательств средств не находил.

А красавица, которой был на свете мил
Только мир удивленья, чьей душе претил

Пыл влюбленных, отыскала гору в тех краях —
Крутобокую, с вершиной, скрытой в облаках.

Замок на горе воздвигла, где клубится мгла...
Скажешь ты: на круче горной выросла скала.

И она отца просила — отпустить ее,
Тот, хоть не желал разлуки, детище свое

Отпустил: как соты меда, спрятал в замке том,
Чтоб назойливые осы не влетали в дом.

Этот замок над обрывом каменным стоял,
В небо бронзовые башни грозно он вздымал.

В высоте над облаками, он витал, как сон,
Опоясан пропастями, крепко защищен.

И оттоль княжна разбою тропы заперла,
Глотки алчные заткнула, хищных изгнала.

Ведь она в любой науке сведущей была,
Чудеса умом крылатым совершать могла.

Тайну всех светил небесных, мудрая, прочла,
И на тайну тайн арканом мысль ее легла.

Знала, что сухим и влажным делать надлежит,
Отчего вода пылает, пламя холодит,

Знала, что даруют звезды, что судьба творит,
Отчего, как яркий светоч, разум наш горит.

Отчего он, словно солнце, светит нам в пути;
Знала все, что может людям пользу принести.

Но когда в том замке стихли все тревоги в ней,
Диво-дева отвратила душу от людей.

И поставила у входа в горное нутро
Много грозных талисманов, созданных хитро.

Из гранита и железа — замка сторожа
Высились, мечи в ладонях кованых держа.

Смельчака, который входа в замок тот искал,
Талисман — меча ударом — тут же рассекал.

Кто дерзнул проникнуть в замок, сразу погибал.
Лишь один привратник тайну талисманов знал.

Этот, в тайну посвященный верный страж ворот,
Знал, куда ступать, и шаг вел особый счет.

Если бы со счета сбился хоть однажды он,
Сталью грозною мгновенно был бы поражен.

А врата твердыни, к небу высившей отвес,
Для людей незримы были, как врата небес.

Если б самый мудрый зодчий их сто дней искал,
Все же их, как врат небесных, нам не указал.

И была хозяйка замка — пери красотой —
Рисовальщицей китайской царской мастерской.

Челке гурии подобной — был калам ее
Поле раковин, дающим перлам бытие.

И княжна однажды краску и калам взяла,
В рост на белый шелк свой образ светлый нанесла.

На шелку, как бы из света, тело соткала,
И в стихах прекрасных надпись, как узор сплела:

«Если в мире кто желает мною обладать
И твердынею, которой силою не взять,

Пусть, как бабочка, бесстрашно он летит на свет,
Пусть он будет храбрым. Места здесь для труса нет.

Жаждающий добычи этой, знай — тебе нужна
Жизней тысяча и больше, а не жизнь одна.

Пусть вся жизнь на трудный будет путь устремлена,
И четыре ты условия соблюди сполна:

Имя доброе, во-первых, доброту имей.
Во-вторых, умом раскинув, победить сумей

Чары грозных талисманов, ставших на пути.
В третьих, — коль, разрушив чары, сможешь ты
пройти,

То найди ворота. Мужем станет мне лишь тот,
Кто ко мне не через крышу, через дверь войдет.

И четвертое: направься в город. Буду там
Ждать тебя я и загадки трудные задам.

Только тот, кто все условия выполнит вполне,
Только тот отважный витязь мужем будет мне.

Тот, кто все мои условия превозможет, — он
Сокровенным камнем счастья будет одарен.

Но погибнет тот, кто, взявшись, дела не свершит.
Пусть он был велик, — унижен будет и убит».

И, в таком порядке подпись заключив, она
Слуг покликала. И, свиток им вручив, она

Отдала приказ: «Идите к городским вратам,
Этот свиток пригвоздите к городским вратам.

Пусть любой — и кто б он ни был — лик увидев мой,
Пожелает, чтобы стала я его женой.

Пусть прочтет мои условия и сюда придет,
Овладеет мной и замком или же умрет».

К городским воротам лунный образ прикреплен,
Кто его хоть раз увидел — навсегда влюблен.

И молва о нем все страны мира обошла,
Вновь князей и падишахов с места подняла.

Бросив трон, презрев величье, из любой страны
Скачут, притчей необычной воспламенены.

Этих нрав сгубил горячий, молодость — других.
Всякий жизнь бросал на ветер. И не стало их.

Всякий, встав на путь опасный, был уж обречен.
Радуя врагов, несчастный — шел на гибель он.

Как бы кто ни домогался, как бы ни хитрил, —
Ни единый талисманов тайну не открыл.

А иной, познавший мощь их, муж — умом глубок —
Разбивал два-три, но прочих превозмочь не мог.

Свой позор, свое бесславье, видя, шел под меч.
Там голов прекрасных, юных много пало с плеч.

Избавленья или пощады было ждать нельзя:
Черепами означалась грозная стезя.

Что ни день пройдет, то с плахи голова падет,
А палач ее насадит на кол у ворот.

Наковен от избытка срубленных голов
Стены града заслонились грудой черепов.

Всюду строится из камня городов стена, —
Этот город окружила черепов стена.

Некий юноша в то время благородный жил,
Хитроумный и прекрасный, смелый, полный сил.

Для его стрелы добыча — что оягр, что лев.
Как-то, жаждою охоты в сердце возгорев,

Он поехал в поле — сходил с юною лесной,
Увидал волшебный облик деви над стеной,

И вокруг него — сто тысяч — полных яда флаги...
Был пленяющий душу образ так прекрасен, так

Совершенен, что охоту юноша забыл,
Кисти, создавшую рисунок, он благословил.

Но, прекрасный женский облик с головы до пят
Окружая, угрожая — головы висят.

«Как бегу? Куда укроюсь, — юноша вздохнул,
От жемчужины, хранимой стаею акул?

Если страсть моя от сердца прочь не отойдет,
Голова на плахе жертвой страсти упадет.

И хоть облик тот — улада взору моему,
Но змея лежит уклада, шип хранит хурму.

Коль не унесешь из плена голову свою,
Оцени не выше тлена голову свою!

Если я от этой нити рук не оторву,
Сам на эту нить надену я свою голову!

Нет! Навстречу мощным чарам грозной красоты
Не ходи без чар сильнейших, иль безумен ты.

Нет! Сперва такое средство должен я найти,
Чтобы мог свою отару от волков спасти.

Кто, начав подобный подвиг, без пути пойдет, —
Плод своих трудов загубит, да и сам падет.

Если рвешься в бой — не медли, чтоб согнать со лба
Комара, иль посмеется над тобой судьба.

Сердце падает стеною крепостной во мне,
Мысли, словно балки кровли, рушатся в огне.

А в разрушенные стены радость не войдет
И пристанища в сгоревшем доме не найдет...

Смолк и в мыслях он увидел кожаный ковер,
Меч и голову. И влагой омрачился взор¹.

Он от всех друзей и близких страсть свою скрывал,
Никому заветных мыслей он не поверял.

И, теряя сон от страсти, в предраусветный час
Скакуна он гнал к воротам града каждый раз.

Дивный лик, необычайный созерцал один,
Как Фархадову могилу и дворец Ширин².

К двери тайны подбирал он тысячи ключей.
Нить в руках держа, искал он кончика у ней.

Находил концов у нити сразу тысячи ето,
Где ж один и настоящий, не сказал никто.

Он наперсников повсюду мудрых стал искать,
Кто помог бы этот узел хитрый развязать.

Он искал, забыв про гордость, друга... Наконец
Услыхал — есть закататель дивов и мудрец.

Укрощавший тихим словом дикого коня,
Повелитель духов ветра, влаги и огня.

Грозные волхвы седые им посрамлены.
Грозы и валы морские перед ним смирились.

И когда услышал витязь радостную весть,
Что такой умом великий муж на свете есть, —

К лучезарному Симургу, равному заре,
Полетел он, словно сокол, от горы к горе.

И нашел его, как розу над потоком вод,
Где? В пещере, у которой обвалился свод.

Сердце мудрого сумел он к милости склонить.
Стал пещерный Хызр пришельца мудрости учить.

И когда в потоке чистом витязь напоял
Разум свой, — тогда он тайну мудрости открыл.

Рассказал о деве-дние и о замке том;
Рассказал о талисманах, ставших над путем,

Где был каждый шаг означен сотнею могил.
Все учителю поведал, ничего не скрыл.

И старик его заветным знаньем подарил.
И всезнающего витязь возблагодарил.

Был слепой — вернулся зрячим он в родной предел,
Стал готовиться на подвиг, праздню не сидел.

Все обдумал, все припас он нужное в пути,
Чтоб опасным подземельем без вреда пройти.

Он волшебных талисманов силу разгадал,
Против каждого — особо — средство он достал.

В путь он выступил, одежды красные надел —
Крови знак и гневных жалоб на небесный гнев.

Ты сказал бы: в море крови плащ он обагрил,
И глаза его горели, как в ночи берилл.

Обуздал свои желанья, в помыслах велик,
И о горе и позоре мира вопль воздвиг.

Объявил: «Не для себя я путь пробить хочу,
Я за кровь ста тысяч храбрых отомстить хочу!

Или головы живущих сразу излечу
От безумья, иль своею жизнью заплачу!»

Вот за городской чертою, под пятою гор,
Пред железным замком девы он разбил шатер.

И едва о том в народе протекла молва,
Что явился юный мститель мужественней льва, —

Всяк ему в великом деле помогать хотел,
Чтоб скорее он чудесным замком овладел.

Так заботами народа и умом своим
Он облекся, как надежным панцирем стальным.

И затем идти на подвиг разрешения он
Испросил у падишаха, как велел закон.

Вот в ущелье талисманов удалец шагнул,
Бреши пробил и заклинание первое шепнул.

Разом чары талисмана черного разбил,
Связи прочих талисманов он разъединил.

Друг за другом их арканом в пропасть повалил;
К башням замка несказанным путем себе открыл.

Он от чар очистил гору. И из всех мечей —
Только верх горы оставил, что меча острей.

И искать в стене ворота начал он, реминной
Колотушкой ударяя в шкуру барабана.

Вслушался, как отдается звук вокруг стены,
И по отзвуку ворота были найдены.

Откликаясь барабану, шел подземный ход.
Он подвел подкоп и выше к створам тех ворот.

Лишь о том хозяйка замка мудрая узнала,
Тут же человека с вестью к витию послала:

«О подкопы подводящий, что тебя вело?
Знать, тебе достигнуть цели счастье помогло.

Если ты сумел осилить чары сторожей,
А потом панел ворота крепости моей,

Ты теперь направься в город и еще два дня
Потерпи, — прошу об этом; подожди меня.

Я тебя в дому отцовском повстречать хочу, —
Я загадками твой разум испытать хочу.

У тебя четыре тайны стану я пытаться;
Коль ответы на вопросы ты сумеешь дать, —

О, навек тогда ты другом будешь для меня,
И желанным и супругом будешь для меня».

И когда свою удачу витязь увидал,
Повернул коня и в город быстро поскакал.

Шелк сорвал с ворот высоких и рабу вручил,
Оживил в сердцах веселье, горе умертвил.

Головы со стен на землю опустить велел,
И оплакать, и с почетом схоронить велел.

И, благословляем всеми, воротясь домой,
Горожан велел к себе он звать на пир большой.

Люди толпами до ночи в дом его текли,
И дареными шелками стены расцвели.

И пред ним все горожане клятву принесли:
«Если шах тебе не выдаст дочку, то внемли:

Шаха мы убьем и бросим шахский труп в пыли,
А тебя поставим шахом всей своей земли.

Ибо шах жестокосердный нас мечом казнил,
Ты ж от злого наважденья нас освободил».

А прекрасная невеста, как и весь народ,
Радовалась, что удачно сватовство идет...

Лишь растерла черный мускус меж ладоней ночь³
Над ладьей луны, с подушек встала шаха дочь,

С сердцем радостным уселась в паланкин она,
И, дорогу озаряя, шла пред ней луна.

Во дворец подземным ходом дева прибыла,
Встретив деву, даже челядь замка расцвела.

И отец расцвел, как роза, детище обняв,
По единственной в разлуке долгой заскучав.

И рассказывала дева все, что было с ней,
Что судьба за это время совершила с ней.

Вспоминала тех, что в битве сбиты ею были,
Яму рыли ей и сами в яму угодили.

О влюбленных, что отважно, словно львы, рвались
И вотще теряли силы и теряли жизни.

Молвила, что бросить замок ей пришла пора,
Что пришел и стал пред нею витязь, как гора.

Коль из четырех условий он исполнил три
И, разрушив талисманы, отыскал внутри

Скал — подземный ход и замка замкнутую дверь, —
Пусть четвертое условие выполнит теперь.

Шах спросил ее: «А в чем же трудности его?
И зачем условий столько? Хватит одного!»

Дочь сказала: «Коль рассудком он не обделен —
Пусть четыре мне загадки разгадает он.

Не скрываю — разгадать их очень тяжело.
Разгадает — увенчаю я его чело.

Но пускай, где знает, станет витязь на постой,
Коль его осел застрянет на дороге той.

Поутру, когда заблещет солнцем небосклон,
Пусть мне шах окажет милость и взойдет на трон;

Пусть придет и витязь, ставший женихом моим.
Лик закрывши покрывалом, сяду я пред ним.

И безмолвные вопросы буду задавать,
Он же мне без замедленья должен отвечать».

Шах сказал: «Все так и будет, — это решено.
Все, что ты ни пожелаешь, будет свершено!»

Так старик отец беседу с дочкой завершил
И, уйдя в свои покои, мирно опочил.

Лишь эмальевое небо озарило мир, —
Утром, по обычаем Кеев, шах устроил шир.

Много старых именитых пригласил гостей,
Мудрых, в жизни искушенных, праведных людей.

Витязя того он принял на пиру своем
И его своим алмазным увенчал венцом.

Стол богатый был в чертоге для гостей накрыт,
Как столы у падишахов ставить надлежит.

Скажешь: все дары земные украшали стол.
Блюда, чаши золотые украшали стол.

И когда поели гости вельство ото всего,
И вкушавших утолилось пищей естество, —

Шах велел перед диваном, что был мудр и стар,
Златом тайн о камень знаний нанести удар.

Вот жених перед невестой сел лицом к лицу, —
Мол, в какой игре лукавой спор придет к концу?

Вот за витязем царевна стала наблюдать,
Им, как куклюю таразской, начала играть.

Из ушей своих два перла вынула сперва
И такие казначею молвила слова:

«Гостю нашему два перла эти отнеси —
И ответа на вопрос мой у него проси».

И посланец не замедлил выполнить приказ.
Гость объем жемчужин смерил, взвесил их тотчас.

И из драгоценных перлов, что с собой носил,
Три других, подобных первым, сверху положил.

Дева-камень, вместо первых двух увидев пять,
Взявши гирику, также стала вес их измерять.

Взвесив и узнав, что равен вес у пятерых,
Той же гирикой раздавила, в пыль растерла их.

Пыли сахарной щепотку бросила туда,
Все смешала и послала гостю вновь тогда.

Но ему была загадка трудная легка,
У прислужника спросил он чашку молока.

Сахар с жемчугом в ту чашу всыпал, размешал.
Принял все гонец и чашу к госпоже помчал.

Этот дар пред ней поставил. Выпила невеста
Молоко, а из осадка замесила тесто.

И на пять частей, по весу равных, разделила.
И сняла свой перстень с пальца и гонцу вручила.

То кольцо надел на палец витязь и в ответ
Отослал пославшей перстень — дивный самоцвет,

Яркий, чистый и блестящий, как подлунный свет,
Изнутри лучил он пламень, блеском был одет.

Этот камень положила дева на ладонь.
Ожерелье распустила. Яркий, как огонь,

Самоцвет в нем отыскала, первому во всем
Равный, блещущий во мраке солнечным лучом!

Третьего не подобрать к ним, их не подменить;
На одну их нанизала золотую нить.

И послала перлы морю иль — сказать верней —
Солнцу отдала Плеяды в щедрости своей.

И когда на них разумный взоры обратил, —
Самоцвет от самоцвета он не отличил.

Дать себе он голубую бусину велел,
С самоцветами на нитку бусину надел.

Воротил их той, что с пери спорит красотой.
Та же — бусину на нитке видя золотой —

Сладко рассмеялась, губок распечатав лалы, —
Бусину на ожерелье тут же навязала,

Самоцветы в уши вдела и отцу сказала:
«Встань, отец, и делай дело, — спор я проиграла!

Но я рада, ибо рада счастью своему,
Вижу: счастье дружелюбно мне, как моему

Ныне избранному другу. Вижу: по уму
И красе нет в целом мире равного ему.

Мудры мы, и с нами дружат мудрые умы;
Но его познание выше, чем достигли мы».

Падишах был околдован медом слов ее
И сказал: «О ты! Ты — ангел, детище мое!

Каждый твой вопрос я видел и его ответ,
Но молчанья покрывалом был их смысл одет.

По порядку, друг за другом, я прошу открыть,
Что вопросы и ответы те могли таить».

Вскормленная в поклоненьях, в холе, в неге сладкой,
Складки занавеса тайны над своей загадкой

Приоткрыла, отвечала: «Я с ушей сняла
Перлы и вопрос свой первый ими задавала.

Две жемчужины послала я ему сначала:
«Жизнь — два дня жизни! Понимаешь?» — я ему
сказала.

К двум моим он три прибавил. Это говорит:
«Если даже пять — так тоже быстро пролетит».

Я растерла и смешала сахар с жемчугом,
И в ответ ему послала сахар с жемчугом.

Пыль жемчужная, что с пылью сахарной смешалась,
Означает жизнь, что сильной страстью омрачилась,

Оторвать их друг от друга, разлучить нельзя,
Ни заклетьем, ни наукой отделить нельзя.

В чашу молока тогда он всыпал эту смесь,
И на дно тяжелый жемчуг опустился весь,

И растаял легкий сахар в чаше молока.
И была ему загадка трудная легка.

А как молоко из чаши этой испила,
Я себя пред ним дитятей малым назвала.

А когда ему я перстень свой отослала,
Тем на брак со мной согласие витязю дала.

Самоцвет мне дав бесценный, он хотел сказать,
Что ему во всей вселенной пары не сыскать.

Я вернула вместе с первым равный самоцвет,
«Видишь, мы с тобою пара», — мой гласил ответ.

К самоцветам этим третий подбирать он стал,
Третьего ж на белом свете он не отыскал,

Бирюзой меня решил он чистой одарить,
Чтобы счастье от дурного глаза защитить.

И украсилась я тою светлой бирюзой,
Пред его склонилась волей, словно пред судьбой.

На моей сокровищнице вещая печать, —
Бусина любви да будет грудь мне украшать!

А за то, что пять сумел он кладов отыскать,
Музыку царей могла бы я пять раз сыграть»⁴.

Шах, увидев, что обезджен конь и укрощен,
Что под плеткой сыромятной выровнялся он,

По обрядам брачных праздников, тут же поутру
Приготовил все, рассыпал сахар на пиру.

Как звезду Зухру Сухейлю, отдал дочь свою.
Пир устроил несказанный, как пиры в раю.

Благовоньями в чертоге под осыпан был.
Там он кипарис и розу рядом посадил.

Вот последний гость покинул падишахский дом,
Виязь наконец остался с милою вдвоем.

И когда искавший лалы россыпей достиг,
Умирал и воскресал он в свой предсмертный миг.

Целовал в ланиты, в губы он стократ ее,
Он покусывал то финик, то гранат ее.

Совладел алмаз прекрасный с перлом красоты.
Сокол сел на грудь фазану, павши с высоты.

Талисман свой он увидел на груди ее.
Он любовь, и мир, и счастье в ней нашел свое.

Жил он в радости с любимой, лучших не просил.
Цвета щек ее — он платья красные носил.

Ибо в первый день успеха, в белый день надежды,
Предназначенным выбрал красные одежды.

Ибо тою красотою он рассеял мрак.
Он всегда имел убранство красное, что мак.

«Шах в багряных бармах» — был он прозван потому,
Что в багряном цвете радость выпала ему.

Красный цвет красотою блещет, коей в прочих нет.
Этим лал ценней алмаза — алый самоцвет.

Золото «червошной серой» называешь ты;⁵
Нет у золота одежды лучше красоты.

Кровь, с душою связанная, оттого красна,
Что тонка, легка в полете, как душа, она.

Если красоты телесной в мире нищень ты,
Помни: розы щек — основа всякой красоты.

Роза лучшая не будет ханшею садов,
Если нет у ней горящих кровью лепестков!»

А когда рассказ царевны кончила чудесный,
Словно россыпь роз, зарею вспыхнул мрак небесный.

И лицо Бахрама в этом блеске алых роз
Стало красным, с ароматным сходно соком роз.

Он к славянской красной розе руку протянул,
Обняв стан ее и в неге близ нее уснул.

МАГРИБСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть пятая. Среда

В среду, только озарилась солнцем высота
И блеснула бирюзою неба чернота, —

В бирюзовом одеянье к башням голубым
Шах направился — призывом сладостным **тоним**.

День был короток, да долгод про него рассказ,
Только в черном покрывале полночь поднялась, —

Попросил Бахрам царевну сказку рассказать,
И сняла луна Магриба с повести печать, —

Молвила: «У шаха стремя держит небосвод,
Круг созвездий славословие перед ним поет.

Я и сотни дев прекрасных — пери красотой —
Рады целовать, о шах мой, прах перед тобой.

Пред тобою, перед чистым родником живым,
Торговать не подобает уксусом простым.

Коль мою ты благосклонно выслушаешь речь,
Я могла б тебя одною повестью развлечь».

СКАЗКА

Жил один купец в Египте — именем Махан,[§]
Золотой луне подобен, строен и румян.¹

Красотой, умом, богатством, как Юсуф, блистал,
Тысячу отважных тюрок стражей он держал.²

Так Махана все любили, что в саду своем
Каждый рад бывал устроить в честь его прием.

Некий знатный горожанин раз к нему пришел,
В загородный сад свой гостем юношу увел.

В свежем том саду, друзьями тесно окружен,
Целый день вином, беседой утешался он.

Пир их был великоленен и прекрасен сад,
А друзья его прекрасней были во сто крат.

Вслед забаве их забава новая ждала,
Что ни час, то лучше прежней смена блюд была.

Вот и полночь мускусное знамя подняла,
Серебро смолой покрыла и луну зажгла.

Но в стемневшей чаще сада продолжался пир,
Сладким звуком флейт и песен отлаждался пир.

Будто гости саду сердце отдали в залог,
Обновлял сердец веселье пенных вин поток.

Ярко озаряла небо полная луна,
Лучезарностью — полудню ночь была равна.

И Махан, разгоряченный чарами вина,
Увидал: луну качает быстрая волна.

Он побрел, шатаясь, в чащу — от вина тяжел.
Завлудался. К незнакомой роще пальм пришел.

И увидел человека он вдали сквозь тьму.
Этот человек с приветом подошел к нему.

Внешность же его знакома юноше была, —
Вел он за морем с Маханом общие дела.

Сразу друга по торговле в нем Махан узнал
И воскликнул: «Как! Откуда ты сюда попал?»

Молвил тот: «По завершение дальнего пути —
Не терпелось мне, — тебя я захотел найти,

Рассказать, что свыше меры наши барыни.
Ты мне будешь благодарен — знаю — от души!

Я не рано с караваном к городской стене
Подошел. Ворота были заперты, и мне

Перенести пришлось богатства позднюю порой
В караван-сарай, лежащий за градской стеной,

В темном поле. И, оставив стражу при тюках,
Я к тебе пришел, проведая, что ты здесь в гостях.

Вовремя тебя нашел я: о, пойдем со мной,
Не замедли! Мы, возможно, в темноте ночной

Грузы в город переправим, пошлени избежим!»
И Махан был рад богатству и пошел за ним.

Тайно отперли калитку. И — как вихри взвились —
Понеслись... Пока две стражи ночи не сменились,³

Быстро, быстро — друг Махана впереди шагал.
А Махан, как пыль от пяток, позади бежал.

Уж последние остались за спиной дома.
И пустыня перед ними и ночная тьма.

«Что я — силю? — Махан подумал. — Близится
И сейчас от нас до Пила сотни гизов нет!

Пройдена дорога нами пятчасовая,
А до сей поры не видно караван-сарая;

Лишь пустыня перед нами, и над ней — туман». —
И еще Махан подумал: «Может быть, я пьян...

И мерещится мне соняну? Но товарищ мой
Трезв и к городу, наверно, знает путь прямой».

Так неслись они беспрестанно. Если ж отставал
Задний, то его передний бодро окликал.

Мчались так они, покамест первый не пропел
Вдалеке петух. Последний призрак улетел.

По следам дремучей ночи, снов растаял дым.
И внезапно стал Махану друг его незрим.

Увидал Махан смущенный: сбился он с пути.
Сразу отказались ноги вдаль его нести.

Догорающей свечою юноша упал,
Плача, наземь и до полдня жаркого проспал.

А от солнечного зноя голова его
Раскалилась жарче муки той, что жгла его.

Сел, пустыню воспаленным взором он обвел,
Сада роз искал глазами, сада не нашел.

Будто собственное сердце в равах видит он —
Тысячей пещер изрытый видит горный склон,

И змея в пещере каждой — больше, чем дракон.
Он бежать хотел, но страхом силы был лишен.

Ногу ставит на дорогу, а нога тяжка,
Как свинец; в пути безвестном нет проводника.

Бред он и пугался тени собственной своей.
Вот уж ночь несет треножник и пучок плетей,

Снова ночь деяний черных образы сплела, —
Дню-белильщику до света отдохнуть дала.⁴

У пещерного упал он черного жерла,
И в глазах его былника каждая ползла,

Как змея. Лежал он долго, памяти лишен.
Звуки голоса живого вдруг услышал он,

И, открыв глаза, увидел двух людей вдали.
Женщина с мужчиной пошу на плечах несли.

И, лежащего увидя на своем пути,
Сразу поспешил к Махану путник подойти.

Он кунца окликнул: «Кто ты и откуда есть?»
Тот сказал: «Я иноземец, погибаю здесь,

Хоть меня Маханом мудрым прежде всякий звал».
Путник вновь спросил: «А как же ты сюда попал?

Людам здесь бывать опасно. Дивы здесь живут.
Даже львы, встречаясь с ними, в ужасе ревут».

И тогда Махан воскликнул: «Кто ты — я не знаю:
Добрый человек иль демон! Богом заклинаю,

Дело человеколюбия ныне соверши,
Выведи меня отсюда! Скорбь моей души

Утиши! Вчерашней ночью в сладостных садах
На ковре в шатре Према я сидел в гостях.

И когда свой ум затмил я чащей пировой,
Мне явился некто, молвив: «Я товарищ твой».

Он привел меня из рая в ад. А только день
Наступил — мой друг растаял, как почная тень.

То ли — в дружбе перадивный — промах совершил,
То ли в злобе против нашей дружбы погрешил...

Дело доброе, прохожий, соверши — молю!
В город верную дорогу укажи — молю!»

Молвил путник: «Ты от верной гибели ушел.
Дива, страшного для смертных, человеком счел.

Этот дин «Ханль пустынный». Он с пути сбивал⁵
Сотни путников. В пустыне каждый погибал.

Но твои друзья мы оба. Мы спасем тебя,
Сбережем в пути и в город приведем тебя.

Так мужайся! Встань меж нами, веселей шагай
По дороге шаг за шагом! Лишь не отставай!»

И поплелся шаг за шагом им вослед Махан.
А когда петух рассвета грянул в барабан

И ударило в литавры утро на верблюде, —
Без ключа темницей темной стали эти люди⁶

И растаяли, как тени... А Махан упал
Изнуренный, и до полдня на песке проспал.

Встал Махан, побрел по склону, ужасом томим,
Видит: скалы, — львов и тигров логово пред ним.

Шел, теряя силы, ибо не имел еды,
Кроме воплей и страданий, кроме слез — воды.

Истомленный, не решался он прервать пути.
По пустыне без дороги продолжал брести.

И когда небесный белый купол черным стал,
В яму вполз и до полночи в яме он проспал.

И далекий конский топот в полночь услышал.
На коне горячем всадник по степи скакал,

В поводу держал другого доброго коня,
С буйной гривой и закосом глаз, как два огня.

Подскакал, к Махану всадник взоры обратил.
«Эй, хитрец, сидящий в яме, кто ты? — он спросил. —

Что ты ждешь? Коль скажешь правду — пощажу тебя
А солжешь — мечом вот этим поражу тебя!»

И затрещал от страха перед ним Махан,
Быстро горсти слов рассыпал, как мешок семян.

Молвил он: «О гордый всадник, послушай раба!»
Все поведал, что с ним злая сделала судьба,

Как в пустыне беспредельной заблудился он,
Всадник был его рассказом сильно изумлен,

Молвил: «За тебя молитву, друг, я произнес!
Знай, что ты от двух чудовищ голову унес.

Это гули-людоеды, самка и самец,⁷
По степи тебя кружили, чтобы наконец

Съесть тебя живьем в ужасном логове своем,
Но промедлили. Спасен ты перным востухом!

Знай: Хала прозвание самки, а самца — Гила.
Поблагодари светила, что избегнул зла.

А пока ты жив, отсюда убегай со мной.
Вынесет тебя из ада конь мой заводной.

Но в пути храни молчанье. Повод подтяни,
От меня не отставая, скакуна гони».

Всадником могучей птицы злоподучный стал:
Так скакал, что за собою ветер оставил.

Путь они в ущельях грозных миновали длинный,
Наконец с горы открылась их глазам долина.

Как ладонь гладкая, просторна. И со всех сторон
Раздавались песни, руда и барбата звон.

«К нам иди, прекрасный!» — справа голоса слышны.
Слева крики: «К нам! За чашу—гость чужой страны!»

Не цветы и не деревья, — нет! В долине той
Гуль на гуле громоздился черною горой,

Дивов тысячи на дивах, копошась, сидели,
Подымая вой. Другие лезли из ущелий.

Словно смерчи, головами к тучам взметены,
Как огромные нявки, длинные и черны.

Так плясал и сонм ужасный, так рукоплескал,
Так вопил, что мозг от шума в черепе вскипал.

Что ни миг, то шум сильнее, вой и плеск страшней,
Через час вдали блеснули тысячи огней.

И толпа громадных, страшных чудищ подошла,
Губы, как у негров. Платья, шапки, как смола.

Каждый с хоботом, с рогами, — сразу — бык и слон,
Каждым чудищем горящий факел принесен.

Каждый безобразен, словно адский страж. Клубясь,
Вылетало пламя — только див разинет пасть.

Пели все они, в трещотки черные треща,
И вокруг плясали скалы, в лад рукоплеща.

Громче взывала, заплясала дивов черных рать.
Под Маханом злополучным начал конь плясать.

В страхе он на пляшущего скакуна взглянул,
Увидал, что конь кривые крылья развернул.

Увидал беду и горе под собою он:
Семиглавый и двукрылый был под ним дракон.

Словно осенивший землю свод семи небес,
Сделался семигловым этот див иль бес.

Заплясал дракон крылатый, разыгрался — лют.
Топал он и извивался, словно длинный кнут.

А Махан был, как валежник, что потоком вод
Бурный сел в весенней балке с крутизны несет.

Сокрушенным и бессильным злополучный стал —
Так его дракон свирепый вниз и вверх швырял.

Вверх подбрасывал, — и снова на лету сажал
Юношу себе на шею, и трубил, и ржал.

Издевался над Маханом — на сто сот ладов.
А когда раздался голос дальних петухов

И раскрылся львиным зевом алый край небес,
Этот змей семиголовый, словно тень, исчез.

Хор чудовищ стих, умолкли руб и барабан
И отлокотал в долине черных гулей чап.

И Махан, упав на землю, память потерял,
Словно ранен был смертельно, словно умирал.

И без чувств, не помня — где он, что творится с ним,
Он лежал в пустыне, солнцем яростным палим.

А когда от зноя полдня голова вскипела,
Воротилась жизнь в большое, страждущее тело.

Поднялся Махан, степеня, и глаза протер,
Огляделся он, увидел лишь степной простор,

Слева — даль пустынь, а справа — скал бесплодный
скат.
Все кругом, как кровь, багрово-знойно, словно ад.

Как ковер пред казнью стелют кожаный у ног
И палач угрюмый сыплет на него песок,

Так же, только знак для казни подал полдня взор,
Был песок насыпан, послан кожаный ковер.

На усталой шее чудом разорвав аркан,
Выход с площади погибших отыскал Махан

В переулочек обреченных... Вихрем мчался он.
Воздуху отравленному ужасался он.

Так бежал он, что отстала б от него стрела,
Из-под ног его пустыня к вечеру ушла.

Зелень свежую скиталец, воду увидал.
Сердцем был от горя стар он, снова юным стал.

Напился воды, умылся и, хвалу судьбе
Вознеси, для сна пещеру стал искать себе.

Молвил: «Отдохну сегодня, раз я заблудился.
Ужасами прошлой ночи ум во мне затмился.

Вот я впал в тоску, блуждая от друзей далеко!..
Этот воздух сух. Дорога эта одинока.

Знаю, виденное мною лишь виденьем было.
То игра воображенья разум мой убила.

Мне теперь спокойно надо до утра проспать,
Чтоб ночные не вернулись сновиденья вспять».

В этот вечер он укрылся под пещерный свод
И увидел там глубокий и просторный ход.

Тысячеступенный кладезь в глубине пещерной
Отыскал. Лишь тень спускалась в кладезь тот,
наверно.

Как Юсуф, в глубокий кладезь опустился он
И, добдя до дна, мгновенно погрузился в сон.

Ты б сказал: достигла птица своего гнезда.
В безопасности улется там он. А когда

Всплылся, во мрак пещеры вглядываться стал,
Будто образы на черном шелке увидал.

Разглядел, что раскололся той пещеры свод,
А луна с ночного неба в щель сиянье льет

Начал расширять отверстие, и сквозь потолок
Вскоре голову наружу высунуть он смог.

Голову в дыру просунул и увидел сад,
Свежих цветников учуял сладкий аромат.

Свод разрил еще, на волю выбрался совсем
И увидел сад цветущий — словно сад Ирем.

Сад мерцал, сиял, лучился — в лунный свет одет.
Думалось: деревьям свежим в нем и счета нет.

И в таком обилие щедром там плоды росли,
Что могучих яблонь ветви гнулись до земли.

Как рубиновые чаши, яблоки блестят.
Как ларец, рубинов полный, — вызревший гранат.

Шар с индийским благовоньем — плод айвы в ветвях.
У фишашек смех безмолвный на сухих устах.

Там банан с «глотком халифа» — пальму обнимал,⁶
Три и тридцать поцелуев у нее украл.

Груши сквозь листву смеялись, полные веселья,
И унаб низал из ягод ярких ожерелья.

А инжир, сплетясь с орехом, в дремлющем саду
Для стола царя готовил блюдо «палуду».

Там лоза — владыкя гроздий, — видя ночь и день
В подчинении, — паздела шанку набекрень,

Осудивши казни, персик спелый и гранат, —
И оил, как кровь казненных, рдяные, горят.

Померанцы с апельсином зеленью ветвей —
Где ни глянь — сплелись. И, словно властный чародей,

Околдовывал все чувства каждый куст. А дале —
Грудами шкатулок дыни на траве лежали.

И плоды, ломая ветви, до земли свисали,
Цветом — лал; а вкусом — сахар сладок так едва ли.

И когда Махан калитку в этот рай открыл,
Он от ада прошлой ночи душу отвратил.

И к плодам он потянулся, рдеющим в листве,
Эти ел, а те рассыпал по сырой траве.

Вдруг: «Держите вора!» — слышит он громовый крик.
Гневный, яростью кипящий, выбежал старик,

На плече держа дубину. «Кто ты? — заорал. —
Как ты, див, плоды крадущий, в сад ко мне попал?»

Как посмел ты? Здесь немало прожил я годов,
Но не ведал беспокойства от ночных воров!

Кто такой? Что ты такое? Как тебя зовут, —
Говори по правде. Помни: я во гневе лют».

Обмирал Махан от страха. Он сказал: «Беда
Надо мной стряслась. Невольно я попал сюда.

Заблудившегося призри! Не гони в беде,
Чтоб тебя за гостелюбие славили везде!»

Оправдания Махана гневный внял старик.
Подобрел его суровый бородатый лик.

В сторону свою дубину старец отложил
И, усевшись перед гостем, ласково спросил:

«Расскажи, что ты изведal в странствиях твоих,
Сколько ты обид увидел от глупцов и злых?»

Увидал Махан, что старец гнев сменил на милость.
Рассказал он по порядку все, что с ним случилось;

Как, блуждая, попадал он из беды в беду:
Ночь — горел в огне, другую — замерзал во льду.

Как на верном очутился наконец следу,
Как от бед укрылся в этом сладостном саду.

Молвил старец изумленный: «Мы должны судьбу
Возблагодарить и небу принести мольбу,

Что от чудищ, подлых правом, ты освобожден
И от горя этим добрым кровом огражден!

Ты с себя, злосчастный, сбросил цепи наважденья,
Заповедного достиг ты места избавленья.

А лежит за этим садом дикая страна,
Зелени, воды и жизни лишена она.

Ты, счастливцев, чудом спасся от великих бед!
Джинны здесь живут и дивы; каждый — людоед.

Путника они закружат, после ж — разобьют,
Как кувшин. Играют криво, хоть и в лад поют.

Облюбованную жертву за руку возьмут,
Отведут глаза, обманут, к бездне приведут.

Им подобен обольститель, что живет средь нас
И готов на дело злое каждый день и час.

Нынче ложь прикроет правдой, завтра — лжет
Меду поднесет, но к меду примешает яд.

Благовонное убранство листьев, как пола
Занавеса. На развилке мощного ствола,

Там, где ветвь от ветви толстой в сторону ушла, —
В высоте тахта из досок сделана была.

На тахте — ковры, подушки, словно ложе хана,
Как листья сандала мягки и благоуханны.

И старик сказал: «На это дерево залезь;
Отдохни пока с дороги. Если пить наль есть

Пожелаешь, та, — там скатерть с белым хлебом есть,
И кувшин с водой лазурной. Оставайся здесь,

И — покуда не вернусь я — терпеливо жди.
Из опочивальни этой паземь не сходи.

Кто б ни говорил с тобою — ухо уклоняй,
Кто б ни соблазнял — соблазны молча отгоняй.

Ни на чей вопрос лукавый — слова не роняй.
А не стерпишь — сам тогда ты на себя пеняй.

Лишь когда назад приду я, — зорче ты взглядишь
И уверься — я ли это. И тогда спустишь.

Я пойду, тебе локоя во дворце устрою.
Клятва крепкая — навеки — меж тобой и мною;

Молока и меда наши обещанья чище,
И теперь мое жилище — и твое жилище.

Берегись дурного глаза нынешнюю ночь...
Утром отойдут навеки все несчастья прочь».

Так старик его наставил, слово с гостя взял,
И исполнить наставленья гость пообещал.

Там ременная свисала лестница с ветвей,
«Подойди, — сказал хозяин, — и взберись по ней!

Будь сегодня ремнеюгом, а потом ремни
Эти длинные с собою кверху подтяни.

Опясайся сегодня кожаной змеей,
Чтоб никто шутить не вздумал снова над тобой.

Утром ты доволен будешь! Хоть халва у нас
С вечера была готова, — есть нельзя сейчас».

Разговор старик закончил и пошел домой,
Чтобы гостю приготовить во дворце покой.

Гость на дерево взобрался, лестницу убрал,
Там сандал листового свежей так благоухал,

Что, когда Махан из легких воздух выдыхал,
Он, как ветер, ароматы миру посылал.

Сверток хлебцев золотистых и лепешек белых
Развернул, почувя голод, путник и поел их.

Из прохладного кувшина, что студил почной
Ветер, жажду утолил он чистой водой.

И на той тахте румийской, под густой листвою,
На ковре китайском, мягком он нашел покой.

На руку облокотился; озираться стал.
И вдали семнадцать ярких свеч он увидал.

Шли красавицы по саду, светочи несли.
Преклонился бы пред ними каждый до земли.

Шли семнадцать падшахов, престестей полны,
Что семнадцать выигрышей взяли у луны.

Светочи в руках у каждой, платья их богаты.
Полотно скрывает розу, кисея — гранаты.

Шли — стройны, светлы, как свечи, озирая мир.
На суфе они уселись за веселый пир.

На широком возвышенье полукругом сели,
И мгновенно к ним слетели радость и веселье.

Повелительница пира и веселья их —
Ликом пери, перл бесценный ожерелья их —

На почетном месте села, средь подруг своих.
На подушках усадила вокруг себя других.

Словно сказочные птицы, песню завели:
Птиц из воздуха на землю пеньем привлекли.

Косточка на струнах чанга — в пляске ноги их.
Змеем вился след огнистый на дороге их.

Ветерок ночной примчался, козник учинил:
К спелым персей померанцам двери отворил.⁹

И Махан о померанцах тех затосковал.
На красавиц глядя, с горя растирал сандал.¹⁰

И умом раскидывал он сто и больше раз,
Как бы с дерева на землю прыгнуть сей же час.

Чтобы с девами, к которым в нем горела страсть. —
Страшного суда не ждавши, прямо в рай попасть.

Но ему пришли на память речи старика,
И желанья он в колодки заковал пока.

Девы пели и играли. А устав играть,
Скатерть пышную раскрыли, сели пировать.

Столько блюд, напитков столько — знает только бог.
Ледяной шербет с шафраном и гранатный сок.

Там барашек был, поенный только молоком,
И откормленная птица, и форель, и сом;

Хлебы — камфары белее и светлей луны,
Как спина и груди гурий, мягки и нежны.

О пирожных не умолкла до сих пор молва.
Сахарная напоследок подана халва.

И когда на стол такие блюда принесли, —
Словно мир, где все явленья чудо, принесли, —

Госпожа невест сказала девушке одной:
«Чувствую я: скоро четом станет нечет мой.

На меня алоэ дышит, от сандала вея.
К дереву сандаловому подойди скорее.

Некто есть на нем, что сладко дышит, как алоэ.
Благовоннее сандала платье золотое

На плечах его! Скорее пусть же отдадут
Ночь и листья в наши руки сладкострунный руд

Из сандала золотого и алоэ тьмы!
Дивное благоуханье обоняем мы.

Кажется мне, что — родная нам — одна душа
Прячется в ветвях тенистых, страстью к нам дыша.

Так иди и к нам пришельца ласково зови.
Молви: «Ждет тебя подруга, полная любви;

Стол накрыт, поставлен кубок чистого вина;
Но без гостя не коснется вин и яств она.

Поспеши, вкусн блаженство от союза с ней,
Не держи ее в окопах, приходи скорей!»

К дереву сандаловому дева подошла.
Узок рот ее, а просьба широка была.

Отворив уста, запела, словно соловей.
Как цысток с куста, Махана сорвала с ветвей.

Речь посредницы услышав, он пошел за ней.
Сам посредника искал он для любви своей.

Но как только пред соблазном душу он открыл,
Тут же предостереженья старца позабыл.

И любовь метлой с дороги стыд и долг смела.
И Махан к душе спустился, что его ждала.

А когда красу Махана дева увидала, —
Перед ним, как перед троном падишахским, пала

И с почетом усадила на ковер с собой,
Кудри гостью оросила розовой водой.

Сотрапезником любезно сделала его,
Ибо дело гостелюбия всюду таково.

Были парственные яства дивно хороши.
Вскоре стал гранатный кубок — нищезю души.

И когда они довольно выпили вина, —
Из души была стыдливость ими изгнана;

И когда стыда преграда пала — сметена, —
Во сто крат милей Махану стала ты луна.

Девушка пред ним сидела, как в цвету весна,
Как китайская картина, прелесть полна.

Грудь мягче молодого тюркога у ней,
Сладше сахара и меда, молока нежней.

Яблоки ланит — улада для живых сердец,
Где под кожей — сок багряных роз и зеленец.

Вся она, как ртуть живая или как ручей,
А глаза светлей и ярче пламенных свечей.

Средь подруг своих сияет, как свеча, она,
Взглядом на смерть поражает без меча она.

Полною луной блистает горяча — она,
Двери сердца отмыкает без ключа она.

Во сто тысяч раз в Махане страсть к ней возросла.
Розу уст ее сосал он, как сосет ичела.

И когда рука Махана стал ей обвила,
Диво-дева застыдилаась, изоры отвела.

Но как розу прижимает к сердцу соловей,
Он прижал Китая чудо ко груди своей.

А когда взглянул на этот сладостный поток, —
Он от ужаса дыхания перевести не мог.

Перед ним — от лия до пасти скаляся — сидит
Порожденный божьим гневом адский дух ифрит.

По рогам — свиреный буйвол, по клякам — кабан.
Не дракон — страшней дракона, это — Ахриман!

От падира до зенита пасть его разъята;
А спина — спаси нас боже! — как гора горбата.

Словно лук, хребет зубчатый выгнут; рачья морда.
На сто верст кругом зловонье от него простерто.

Нос, как печь, где обжигают кирпичи огнем.
Пасть — как чан, где известь гасят, чтобы красить дом.

Губищи ифрит разинул, словно крокодил;
Гостя ухватил, колючей грудью придавил,

Целовал в лицо смердящей пастью и душил
Смертным духом и, целуя, гостю говорил:

«А-а! Ты в лапы мне попался! Грудь твою сейчас
Разорву! Гулял сегодня ты в последний раз.

Ты меня хватал руками, зубы в ход пускал,
Ты мне нежный подбородок, губы целовал!

Видишь: когти — словно колья, зубы — как ножи!
Где еще такие зубы ты видал — скажи?

Ах, как горячо сначала страсть твоя пылала,
А теперь куда девалась? Почему пропала?

Эти губы — те же губы, полные огня.
Личико мое — все то же, так целуй меня!

Не пируй в кругу коварных, где царит позор!
Дома не снимай, в котором управитель вор!

Слушай, пьяница, гуляка, что я говорю:
Если страшного с тобою я не сотворю,

Снова я красоткой стану, а не тем, что есть;
Только этого позора мне не перенести!»

Так шутил и издевался злобный див над ним,
Хохотал, пускал из пасти то зловонный дым,

То огонь в лицо Махану. И увидел он:
Что красавицею было, то теперь — дракон.

Среброногая внезапно стала венреной
Гадinou — с хвостом воловьим, черной и двурогой.

И, упав, под тем драконом он лежал, крича,
Как дитя. Текла от страха из него моча.

Как ребенок, что до смерти чем-то напугался,
Словно женщина, у коей с болью оторвался

Плод живой от пуговицы, — так Махан кричал.
А дракон, его целуя, пламя изрыгал.

Но едва забрезжил смутно темный край небес
И пронел петух далекий, спину черной бес.

Ночь ушла, влacha с собою черный шелк завес.
Дымом унеслись виденья, пышный сад исчез.

Ниц поверженный, лежал он у дисрей дичины.
Сокрушался, предавался горю без конца.

И от зноя дня в сознание он пришел. И вот
Осмотрелся: горе! видит свалку нечистот.

Видит он на месте рая — раскаленный ад.
Нет свирелей, лишь стesанья ужаса звучат.

Ну, а то, что прошлой ночью он дворном считал,
Стало грудой безобразно взгроможденных скал.

Стал кустарником колючим благовоиный сад,
А взамен суфы лишь камни голые лежат.

Грудки птиц, плоды и спины жареных козлят
Стали падалью зловонной, гнусною на взгляд.

Стали руды и свирели тех ночных певцов
Грудюю костей верблюдов и степных ослов.

Сделался гнилою лужей чистый водоем.
Все, что с блюда золотого ел он за столом,

И вино, что пил вчера он, это, — бог с тобой! —
Это было только мерзость, и навоз, и гной.

Воню стал благоухавший на столе рейхан.
Вновь запутался в невзгодах мученик Махан;

Стал молиться. В путь пуститься сил он не имел,
Но и оставаться в месте страшном не хотел.

«Удивительное дело, — он себе сказал, —
Это что за круг, в который я теперь попал?»

Прошлой ночью пировал я в сказочном саду,
А сегодня вижу снова ужас и беду.

Чем в руках пышнее роза, тем острее шипы.
Вот так урожай приносят нам сады судьбы!

Тот, кто счастьем обладает, разве знает он,
Что луною обернется рядом с ним дракон.

Девы те картин китайских во сто раз прекрасней
Были, а внезапно стали демонов ужасней.

Кожа нежная скрывает кровь, — а посмотри:
Вне — вино благоухает, но навоз — внутри!¹¹

Легковерный, что зменный камень покупал, —
Брал змею в свой дом, а камень лишь воображал.¹²

И когда глядит невежда в мир, в сухой мешок, —
Он за мускус принимает дерева кусок...»

И Махан несчастный думал: «Лишь уйду от зла,
Изберу я целью жизни добрые дела!»

Брел он, горькими слезами щеки обливал,
Каялся, что не всечасно справедлив бывал.

Чистых вод достигши, слезы смыл и пот с лица.
Униженно пал на землю и молил творца:

«Вяжешь ты и разрешаешь! Боже, развяжи
Узел бед моих, — дорогу к дому укажи!

Указующий правдивым верные пути,
Мне — идущему стезею темной — посвети!»

Так, в молениях простертый, долго он лежал.
Наконец, лицо поднявши, путник увидал

Пред собою человека, — был он, как Нисан,
Весь в зеленом, словно утро свежее, румян.¹³

И Махан спросил: «О, кто ты, в этот горький час
Мне явившийся? О, кто ты, ясный, как алмаз?»

Тот сказал: «Я — Хызр, скорбящий о твоей судьбе,
Я пришел, благочестивый, чтоб помочь тебе.

Донеслись твои обеты к сердцу моему,
И они тебя доставят к дому твоему;

Будь им верен! Крепче руку мне сожми рукой
И закрой глаза — и снова через миг открой».

В руку Хызра, не замедля, руку он вложил;
И глаза свои зажмурил, и тотчас открыл.

Там, откуда был впервые дивом увиден, —
В том саду благословенном очутился он.

Он открыл калитку сада, в свой дворец пришел,
И друзей в молчанье, в скорби у себя нашел.

Каждый в синей был одежде — скорби знак по нем.¹⁴
Он о горестном поведал им пути своею.

Люди, что его любили, с ним душой сжились,
Милого оплакивая, синим облеклись.

А Махан во всем согласным с ними быть хотел;
Он лазурные одежды на себя надел.

Цветом бирюзы до смерти был он облачен;
Цветом времени покрылся, словно небосклон.

Высота небес одежды лучшей не нашла,
И лазурный шелк одеждой вечной избрала.

У людей, что избирают цвет лазурный неба,
Солнце на столе сияет, как лепешка хлеба.

Голубой цветок, что платье носит голубое,
Сердцевиною имеет солнце золотое.

И куда свой огнезарный лик ни устремит
Солнце, — все цветок лазурный на него глядит.

И любой цветок, что цветом голубым цветет, —
«Поклоняющимся солнцу» Индия зовет.

А когда луной Магриба сказок окончен был,
Шах в объятия с любовью пери заключил.

РУМИЙСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть шестая. Четверг

День четверг ничем от века злым не омрачен,
Муштары — планете светлой — древле посвящен.¹

Лишь сандаловый с зарею заклубился врих,
В цвет сандаловый оделся утром славный шах.

Из чертогов бирюзовых золотом троны
Он к сандаловым чертогам устремил стоны.

И царевною румийской чистое вино,
Словно турней, Бахраму там поднесено.

И пока не омрачился ясный небосклон,
В том сандаловом чертоге веселился он.

Только сфера цвета кохля, встав из океана,²
Перлами наполища пасть Левиафана, —

Ту, которая в прекрасном Руме расцвела,
Попросил Бахрам, чтоб с сердца нить она свела.

Юная княжна морщинки согнала с чела,
И из финика источник сладкий излекла.³

Так сказала: «Дух вселенной жонг душой твоей,
Первый ты из падишахов, славный царь парей.

Больше, чем песня в пустыне и воды в морях,
Дней счастливых в этой жизни да получишь шах!

Ты, как солнце, свет даруешь, троны раздаешь,
Я боюсь, что для рассказа слог мой пехорош.

Все же, если сердцу шаха надобна утеха,
И шафрана съест сегодня хочет он для смеха,⁴

Я раскрою свиток — пусть он писан вкривь и вкось,⁵
Может быть, развеселится мой прекрасный гость.

Может быть, ему по вкусу быть моя придется,
И запомнится, и в сердце долго не сотрется».

Завершила славословье юная луна,
И поцеловала руку шахскую она.

СКАЗКА

Двое юношей, покинув как-то город свой,
По делам торговым в город двинулись иной.

Первый звался — Хейр, что значит — Правда.
А другой? — Шерр, что значит — Кривда. Каждый в жизни шел
стезей,

С именем своим согласный. Путь их был далек.
Хейр в пути свои припасы ел, а Шерр берег.

Так, идя, они вступили через два-три дня
В знойную пустыню, словно в полную огня

Печь огромную, где бронза плавилась как воск,
В голове вскипал от зноя пышущего мозг.

Ветерок степной ланиты обжигал огнем,
Не было воды в пустыне, — ведал Шерр о том,

И в дорогу мех немалый он воды припас
И берег его, как жемчуг, не спуская глаз.

Хейр пустыней шел беспечно и не ждал беды,
И не знал он, что в пустыне этой нет воды.

Он в ловушку, как в колодец высохший, попал.
День седьмой уже дороги трудной наступал.

Кончилась вода у Хейра. А у Шерра был
Мех воды, что он от взглядов друга утаил.

Видел Хейр, что Шерр коварный, полный водоем
У себя воды скрывая, пьет ее тайком.

Как благоухающее светлое вино.
Он, хотя сгорал, палимый жаждою давно, —

Губы до крови зубами начинал кусать,
Чтоб язык от недостойной просьбы удержать.

Так терзался Хейр, когда он на воду глядел,
И как трут, от страшной жажды иссыхал и тлел.

Два прекрасных чистых лала он имел с собой,
Их вода ласкала зреньем блеском и игрой, —¹

Так сияла ярко влага — в лал заключена.
Но была усладой взгляда, а не уст она.

Вынул Хейр свои рубины, Шерру предложил, —
На песок, впитавший воды, камни положил.

«Друг! Спаси меня, — сказал он, — от лихой беды!
Я от жажды умираю... Дай глоток воды!

Естество мое водою чистой освежи,
А взамен — мои рубины в пояс положи!»

А жестокий Шерр, — да грянет божий гром над
 Развернул пред Хейром свиток с именем своим.²

Он сказал: «Из камня воду выжать не трудись,
 И, как я, от обольщений ты освободись».

Без свидетелей рубины ты мне хочешь дать,
 Чтобы в городе на людях взять себе опять?

Я не глуп! Я на приманку эту не пойду.
 Я, как див, кого угодно сам в обман введу.

Сотни хитростей, хитрее в сто раз, чем твоя,
 Над хитрейшими когда-то сам проделал я.

Мне такие самоцветы не накладно взять,
 Коих ты не сможешь позже у меня отнять!»

«Молви, что за самоцветы? — Хейр его спросил. —
 Чтоб я за воду скорее их тебе вручил!»

«Это пара самоцветов зренья твоего! —
 Шерр сказал. — И нет ценнее в мире ничего.

Дай глаза мне и водою жар свой охлади.
 Если ж нет, — от сладкой влаги взгляды отведи

И не жди! Не дам ни капли!» Хейр сказал: «Земляк!
 Неужель меня на муки и на вечный мрак

За глоток воды осудишь? Сладостна вода
 Жажущим! Зачем же очи вырывать тогда?

Ты счастливее не станешь, я же, свет очей
 Потеряв, несчастным буду до скончания дней.

О, продай за деньги воду! Всю казну мою, —
 В том расписку дам, — тебе я здесь передаю

И такую сделкой счастлив буду весь свой век.
 Дай воды, глаза оставь мне, добрый человек!»

Шерр ответил: «Эти басни слышал я не раз.
 У тебя, видать, немалый выдуман запас.

Мне глаза пужны! Что толку мне в твоей казне?
 Для меня глаза рубинов выше по цене!»

Растерялся Хейр и понял, что он здесь умрет,
 Что из огненной пустыни ног не унесет.

Он взглянул на мех с водою, сердца не сдержал
 И, вздохнув, промолвил Шерру: «Встань, возьми
 книжал,

Огнецветные зенны сталью проколи!
 И за них огонь мой влагой сладкой утоли!»

Молвив так, имел надежду Хейр в душе своей,
 Что не выколет угрюмый Шерр его очей.

Но клинок в руке у Шерра мигом заблестел.
 Он к измученному жаждой вихрем подлетел.

В светочи очей стальное жало он вонзил
 И не сжалился — и светоч зренья погасил.

Сталью дал он двум нарциссам — розы цвет
 кровавый
 Словно вор выламывает лалы из оправы, —

Яблоки глазные вынул он своим клинком,
 Но потом не поделился влагой со слепном.

Платье, ценности, пожитки отнял у него
И безглазого беднягу бросил одного.

Понял Хейр, что вероломным Шерром брошен он.
Жженьем ран палим и жаждой, наг, окровавлен, —

Он упал на раскаленный огненный песок.
Хорошо еще, что видеть он себя не мог.

Некий из старейшин курдских, знатный муж, тогда
От него неподалеку гнал свои стада.

Без числа у курда было доброго скота.
Кони — вихрь, верблюды — чудо, овцы — красота!

Курд, как ветер, друг равнины, легкий странник гор.
Он блуждает по пустыням, любит их простор.

Место, где трава и воды есть, облюбовал
И на месте том недолгий делает привал.

А съедят траву и воду выпьют наконец, —
Дальше гонит он верблюдов, коней и овец.

Этот курд случайно, за два дня до злодеянья,
Там, как лев, расправить когти возымел желанье.

Дивной красоты имел он молодую дочь.
Родинка у ней — индеец, очи — словно ночь.

У отца родного в неге дева возросла,
Под палящим небом степи розой расцвела.

Как тяжелые канаты, за собой влекла
Косы цвета воронова черного крыла.

Кудри тенью осеняют золото ланит.
Лик у выросшей на воле свету дня открыт.

Взгляд ее чудесным блеском души обжигал,
Силу дивов, обольщения рока побеждал.

Тот, кто в сети вавилонских чар ее попал,
Счастлив был и лучшей доли в мире не желал.

Черноту в кудрях у девы — полночь обрела.
А луна у лика девы свет взаймы брала.

Вот она кувшин с высоким горлышком взяла,
К потаенному колодцу за водой пошла.

Доверху кувшин холодной налила водой,
На плечо его поставив, понесла домой.

И внезапно услышала стоны вдалеке.
И пошла и увидала Хейра на песке, —

Весь в крови, в пыли лежал он, раной истомлен,
И стонал от жгучей боли, и метался он.

Бил руками и ногами оземь, умолял
Бога, чтоб от мук избавил, смерть скорей послал.

И, беспечная, беснечность мигом позабыв,
Подошла к нему с участием, ласково спросив:

«Молви — как сюда попал ты? Кто ты — объяви,
Здесь без помощи лежащий, весь в пыли, в крови?»

Кто насилие такое над тобой свершил?
Молви, кто тебя коварством адским сокрушил?»

Хейр сказал: «Земная, с неба ль ты — не знаю я;
Повесть необыкновенна и длинна моя.

Умираю я от жажды; зноем я спален:
Коль не дашь воды — я умру; напоишь — спасен.

И ключом спасенья стала дева для него.
Чистой влагой оживила Хейра естество.

Освеженный, ободренный, как живую воду,
Воскрешающую мертвых, — он простую воду

Пил; и ожил понемногу в нем увядший дух.
Тем был счастлив и случайный мученика друг.

Из орбит глаза, злодеем вырванные — вновь
Дева в гнезда их вложила; хоть покрала кровь

Их белки и туз их белый рделся, как порфир,³
Цел был яблоки глазные облекавший жир.

И, глаза вложив в глазницы, дева наложила
Чистую на них повязку. Сил еще хватило

У него подняться с места с помощью своей
Избавительницы милой и пойти за ней.

Жалостливая — страдалыца за руку взяла
И, поводырем слепому ставши, повела

К месту, где шатер отцовский, словно снег, сиял
Посреди песков и голых раскаленных скал.

Нянюшке, которой было все доверить можно,
Поручив слепца, сказала: «Нянька! Осторожно —

Чтоб ему не стало хуже — гостя доведи
До шатра!» И побежала быстро вперед.

И, войдя в шатер прохладный — к матери своей,
Все, что видела в пустыне, рассказала ей.

Мать воскликнула: «Зачем же ты с собой его
Не взяла? Ведь там загубит зной дневной ерол

Здесь же для него нашлось бы средство, может быть,
Мы б несчастному сумели муки облегчить!»

Девушка сказала: «Мама, если не умрет
У порога он, то скоро он сюда придет.

Я его и напоила и с собой взяла».
Тут в шатер просторный нянька юношу ввела.

Хейр усажен на подушки и обласкан был,
Отдохнул и отдышался, голод утолил.

Жаждой, рапами и зноем измученный, он
Голову склонив, невольно погрузился в сон.

Из стеной хозяйки прибыл вечером домой,
Необычную увидел вещь перед собой.

Он устал, проголодался долгим жарким днем,
Но при виде раненого желчь вскипела в нем.

Словно мертвый, незнакомец перед ним лежал.
Курд спросил: «Отколь несчастный этот к нам попал?

Где, зачем и кем изранен он так тяжело?
Хоть никто не знал, что с гостем их произошло,

Но поспешно рассказали, что его нанесли
С вырезанными глазами, одного, вдаль

От жилья в пустыне знойной. И сказал тогда
Сострадательный хозяйки: «Может быть, беда

Поправима, если целы оболочки глаз.
Дерево одно я видел псадали от нас.

Надо лишь немного листьев с дерева сорвать.
Растереть те листья в ступке, сок из них отжать.

Надо место свежей раны смазать этим соком,
И слепое око снова станет зрячим оком.

Там, где воду нам дающий ключ холодный бьет, —
Чудодейственное это дерево растет.

Освежает мысли сладкий дух его ветвей.
Ствол могучий раздвоился у его корней;

Врозь расходятся широко два ствола его,
Свежие, как платья гурий, листья одного

Возвращают зрение людям, горькой слепотой
Пораженным. А соседний ствол покрыт листвою

Светлой, как вода живая. Он смиряет корчи
У страдающих падучей и хранит от порчи».

Только эту весть от курда дочка услышала, —
Со слезами на колени пред отцом унала,

Умоляя, чтоб лекарство сделал он скорей.
Тронут был отец мольбами дочери своей;

К дереву пошел и вскоре листьев горсть принес,
Чтоб от глаз любимей дочки воду горьких слез

Отвести, а воду мрака вечного — от глаз
Юноши. И молодая дева в тот же час

Листья сочные со тщанием в ступке измелчила,
Осторожно, без осадка, сок их отцедила.

Юноше в глаза пустила чудодейный сок.
Крепко чистый повязала на глаза платок.

Тот бальзам страдальцу раны, словно пламя, жег.
Лишь под утро боль утихла, и больной прилег.

Так пять дней бальзам держали на его глазах
И повязку не меняли на его глазах.

И настал снимать повязку час на пятый день.
А когда лекарство смыли с глаз на пятый день,

Видят: чудо! Очи Хейра вновь живыми стали.
Стал безглазый снова зрячим, зорким, как вначале.

С ликованием зеницы юноши раскрылись,
Словно утром два нарцисса свежих распустились.

А давно ль с волом, вертящим жернов, схож он был!⁴
Горячо хозяев милых он благодарил.

И с мновенья, как открыл он зрячие зеницы, —
Мать и дочь сердна открыли, но закрыли лица.⁵

Дочка курда подлюбила гостя своего
От забот о нем, от страхов многих за него.

Кипарис раскрыл парнессы вновь рожденных глаз, —
И сокровищница сердна в деве отнерлась.

Сострадая, возлюбила юношу она,
А прозред — и вовсе стала серднем не волна.

Гость же для благодарений слов не находил,
И за многие заботы деву подлюбил.

И хоть никогда не видел он лица ее,
Но принесли раскрывалась вся краса ее.

В легком шаге, стройном стане и в очах ее,
Блещущих сквозь покрывало, и в речах ее

Сладких — к гостю обращенных... Ласка рук ее
Часто гостю доставалась. Новый друг ее

Был прикован к ней могучей властью первой страсти.
Дева — к гостю приковалась, — это ли не счастье?

Что ни утро — Хейр хозяйский покидал порог,
Он заботливо и мудро курда скот берег.

Зверя хищного от стада отгонять умел.
Ввечеру овец несчетных в гурт собрать умел.

Курд, почуяв облегчение от забот, его
Управителем поставил дома своего

И добра. И стал он курдам тем родней родни,
И взялись допытываться в некий день они,

Что с ним было, кем в пустыне был он ослеплен.
И от них не скрыл он правды. Им поведал он

Все — и доброе и злое, с самого начала:
Как у друга покупал он воду за два лала,

И в том, как вырвал сталью Шерр алмазы глаз,
И, коварно ослепивши, бросил в страшный час

Одного его в пустыне и, воды не дав
Ни глотка, — ушел, рубины у него украл.

Честный курд, лишь только повесть эту услышал, —
Вознеся молитву небу, в прах лицом упал.

Возблагодарил Яздана, что не погубил
Юношу, что цвет весенний в бурю сохранил.

Женщины, узнав, что этот ангелоподобный
Юноша нечадьем ада мучим был так злобно, —

Всей душою привязались к гостю своему.
Слугам дочь не позволяла услужить ему,

А сама у них и яства и кувшин брала,
Воду Хейру подавала, а огонь пила.⁶

И пришлец без колебаний отдал сердце ей,
Ей — которой был обязан жизнью он своей.

И когда он утром в степи стадо угонял,
Вспоминал о ней с любовью, с грустью вспоминал.

Думал он: «Не дружит счастье, вижу я, со мной.
Нет, не станет мне такая девушка женой.

Беден я, она — богата, совершенств полна.
Ей немалая на выкуп надобна казна.

Я — бедняк, из состраданья принят ими в дом...
Как же можно о союзе думать мне таком?

От того, чего я жажду и чему не быть, —
Без чего мне жизнь не радость, — надо уходить».

В размышлениях подобных он провел семь дней.
Как-то вечером пригнал он стадо из степей.

Перед курдом и любимой он своею сел.
Словно нищий перед кладом, перед нею ел.

Словно жаждущий над влагой, жаждущий сильней,
Чем когда лежал, томимый рачью своей.

И во всем он им признался. Через брешь его
Сердца — скорбное открылось Хейра существо.

Перед курдом Хейр промолвил: «О гостелюбивый
Друг несчастных и гонимых! Ты рукой счастливой

Оживил мои зеницы, горькой слезотой
Пораженные! Мне снова жизнь дана тобой!

Ел и жажду утолял я с твоего стола,
Жизни чистый хлеб вкушал я с твоего стола.

Осмотри внутри, снаружи осмотри меня:
Кровью всей моей, всей жизнью благодарен я!

Отдарить же я не в силах, — в том моя вина.
Голову мою в подарок хочешь? Вот она!

Мне в беспечности отныне стыдно пребывать
И твоею добротой злоупотреблять.

Ведь за то добро, что здесь я получил от вас,
Непмуший — я не в силах отплатить сейчас.

Может, смилуетсЯ вечный падо мною бог:
Даст мне все, чтоб я пред вами долг исполнить мог.

Затоскую, лишь от милых сердце удалю...
Но увольь меня от службы, отпусти, молю!

Много дней, как я оторван от краев родных,
От возможностей немалых и трудов своих.

Завтра поутру собраться я хочу домой...
Хоть от вас и удаляюсь, но всегда душой

Буду с вами я, о ясный свет моих очей!
Я душой прикован к праху у твоих дверей.

Я уйду, но ты из сердца Хейра не гони.
Хоть и буду я далеко, Хейра не вини

За уход! Великодушья разверни крыла,
Чтобы память сожаленьем душу мне не жгла».

Лишь на этом речь окончил юноша свою, —
Будто бы огонь метнул он в курдскую семью.

Все сошлись к нему. Рыдания, стоны поднялись.
Вздохи слышались, и слезы по щекам лились.

Плачет старый курд. Рыдает дочка вслед за ним.
Стали мокрыми глаза их, мозг же стал сухим.

Кончили рыдать, в упынье головы склонив, —
Старый курд сидел в раздумье долгом, молчалив...

Поднял голову с улыбкой. Он, казалось, был
Озарен счастливой мыслью. Он освободил

Свой шатер от посторонних — пастухов и слуг,
И сказал: «О мой разумный, благонравный друг!

Может, прежде, чем достигнешь города родного,
Встречными в пустыне будешь ты обижен снова!

Жил ты — окружен заботой, как родной, у нас.
Был, как приведенный небом и судьбой у нас.

Добрый же своих поводов злу не отдает
И друзей от всяких бедствий зорко бережет.

Дочь одна лишь — дар бесценный бога у меня.
Сам ты знаешь. А богатства много у меня.

Дочь услужлива, любезна, и умна она.
Я согагал бы, коль сказал бы, что дурна она.

Спрятан мускус, но дыханьем внятен для людей,
И чадрой красы не скроешь дочери моей.

Если, друг, ты расположен к нам душой своей,
Сыном стань моим и мужем дочери моей.

Избираю нашей дочке я тебя в мужья.
Чтобы жили вы безбедно, дам богатство я,

И в покое, в ласке, в счастье буду я средь вас
Жить, покамест не наступит мой последний час!»

Только Хейр такое слово курда услышал,
Радостный, лицом на землю он пред ним упал.

Весело они беседу в полночь завершили.
Разошлись и в благодущье, в мире опочили.

Лишь проснулось утро, словно шахский часовой,
И в степи запела птица, словно золотой

Колокольчик часового, и на трон высокий,
Со счастливым гороскопом, сел султан востока, — 7

Встал отец добросердечный первым с ложа сна
И устроил все, чем свадьба у людей красна.

Дочь свою с любовью Хейру отдал поутру,
Пир устроил — с Утаридом повенчал Зухру.⁸

Ожил вялый цвет, от жажды умиравший дважды,
И в живой воде нашел он утоление жажды.⁹

Жаждущему сладкоустый кравчий дал во благо
Влагу слаще и целебней, чем Ковсара влага.

И они в довольстве жили — дружною четой.
И обычай древних чтили — простоты святой.

Старый курд свои богатства — нет и счета им —
Дал как свадебный подарок дорогим своим, —

И шатры и стадо — морем блеющим вдали
Льющееся — во владенье к Хейру перешли.

А когда воды и корму стало не хватать,
То они решили дальше в степь откочевать.

Хейр к чудесному живому дереву тому,
Листья коего вернули зрение ему,

С утренней пришел зарею; и не с одного,
Возвращающего зренья, с двух стволов его,

В две сумы хурджина, листьев он нарвал запас
Самых свежих, что раскрылись в предвечерний час.

И от слепоты лекарство он в суме одной
Положил, а лист от черной немочи — в другой.

И пришли они в столицу на вторую ночь.
Там падучею страдала падишаха дочь.

Многие помочь хотели. И никто помочь
Ей не мог. Свои, чужие лекари — не прощ.

Были попытаться выгнать бегон из нее.
Тщетны были их усилья, чары и натис.

Шах сказал: «Кем дочка будет счастливой,
Говорю — того с охотой я позаму и литью.

Если ж явится обманщик, чтоб кражу моей
Дочери увидеть, и в болезни не пожелает ей

По невежеству, — так пусть он ведает сперва,
Что отрублена невежде будет голова.

И, глубоко огорченный, тысячам врачей
Головы отсек властитель и кроветок своей.

Весть об этом по окрестным странам пронеслась.
Все же многие, наградой наречкою прельстясь,

Шли, охвачены безумьем, счастья помыслить
И на плахе под секирой головы терять.

Слыша, что больна падучей падишаха дочь,
Хейр, исполнясь состраданьем, ей решил помочь.

Написал послание шаху: «Я могу смести
Тернии мучений горьких с вашего пути.

Дочь твою я совершенно исцелить берусь.
Я исполню обещанье, в том тебе клянусь.

Твой низжайший раб условие ставит наперед:
Так как к вам меня не алчность низкая ведет,

А одно лишь состраданье, — шах, я излечу
Дочь твою во имя бога. Но — я не хочу

Никаких наград». Послание получил его
Шах и в тот же день к престолу допустил его.

Все поклоны по закону Хейр пред ним свершил.
«Благородный иноземец, — шах его просил, —

Назови твое мне имя». — «Хейр зовуся я.
Так меня звезда когда-то нарекла моя».

Вещим признаком, приметой доброй имя это
Показалось падишаху. «О посланник света,

Пусть же добрым будет дела этого конец!..
Приступай скорей к лечению!» — молвил шах-отец.

Приближенному затем он поручил его,
Чтобы тот в покой дочерний проводил его.

Хейр увидел лик, как солнце, яростно-красивый,
Кипарис, от страшных корчей ставший гибче нивы.

Деву, схожую в мученьях с разъяренным львом,
Сна не знающую ночью, передышки — днем.

Из целебных листьев тут же сделал Хейр питье.
Тем питьем прохладно-сладким напоил ее.

Был порыв свирепых корчей умиротворен
Тем лекарством. И царевна погрузилась в сон.

Хейр, увидев, что весенний цвет спокойно спит
И от вихрей раскаленных недуга укрыт,

Из дворца домой пришел он с радостным лицом.
Дочь царя, три дня прославши мирным крепким сном,

На четвертый утром встала; кротко и безгневно
Оглядела всех. Здоровой сделалась царевна.

Падишах, чуть только вести эти услышал,
Босиком в чертог дочерний мигом побегал.

На престоле, средь чертога, дочь увидел он,
Понял он, что снова разум дочке возвращен.

Небо возблагодарил он. Молвил: «Дочь моя,
Вижу я — ты светлый разум избрала в мужа!»

Счастлив я тебя здоровой видеть — о мой друг!
Как же чувствуешь себя ты после стольких мук?»

Дочь присутствием отцовским смущена была,
Поклонения по чину шаху воздала.

Вышел царь, его призвали важные дела.
Радость велика была в нем, а печаль — мала.

А царевна, чуть от ближних девушек узнала,
Кто ее от мук избавил, — весть царю послала:

«О родитель! Я читала в списке царских дел,
Что отец мой обещанья исполнять умел.

Если тем, кому он в гневе головы снимал,
Шах исполнил неуклонно то, что обещал, —

Так и с лекарем, достойным царского вина,
Договор исполнить надо честно, до конца.

Тысячи голов упали под мечом твоим,
Пусть возвысится одна лишь под венцом твоим.

Он от демонов недуга защитил меня,
От мучений несказанных исцелил меня.

Презирать его неделя нам, о мой вассал! —
И поверь: мне в целом мире вара — он один!».

Падшах такие ж мысли, как и дочь, имел.
И свое он обещанье выполнить хотел.

И искать повсюду стали Хейра в ту же ночь.
И в стенах его догнали, уходящим прочь.

От столицы со стадами. Будто перл нанли, —
Рады были. И мгновенно к шаху привели.

Шах сказал: «О величайший человек земли!
Молви: почему от счастья держишься вдали?»

И халат, ценой в полцарства, с своего плеча
Шах обрадованный гостю отдал сгоряча.

Одеяний и уборов множество своих,
Пояс царственный и посох в ладах дорожных.

И велел украсить город множеством завес
Золотых, блестящих ярче утренних небес.

А царевна, встав на кровле замка, с вышины
Видит юношу-красавца с обликом луны,

Удалого, с тонким станом и свежей весны;
Кудри — почь; усы, как мускус дорогой, черны.

По желанью падшаха и царевны — он
Стал ей мужем. Шерр коварный этим посрамлен.

Дверь в сокровищницу пери отворил султан,
И печать на тайном свитке сокрушил султан.

И потом — блаженством вволю душу напичкал,
Красоты, добра страницы — без конца читал.

Был у шаха одаренный разумом вазир,
Муж — заботою о царстве удивлявший мир.

Дочь имел. У ней, как ворон, волосы черны.
Щеки, словно кровь на снеге, у нее красны.

Щеки, кудри — ворон, на снег павший с вышины
От стрелы. Но — оспа выжгла очи у луны.

Умолял вазир пришедшая. И была она
Хейром из слепой, убогой вновь превращена.

В зрячую. И, обещанью отчею верна,
К Хейру в дом вошла, как третья юная жена.

Погляди же — сколько перлов ценных просверлил
Этот лал; и трон Хосрова вскоре получил.

То у дочери вазира он весь день сидел,
Находя на все согласие, что б ни захотел.

То два дня у дочки шаха — ибо ведь она
Солнце, а вазира дочка перед ней — луна.

То три дня у курдской дочки, в радостях. Ведь он
Ею был от жажды, смерти, слепоты спасен.

Так, играя в нарды, трижды мир он обыграл,
Хейру трон над полумраком рок в награду дал;

Так, что царство старца-тестя с городом его —
Стало частью государства нового того.

Как-то вышел Хейр-властитель на рассвете в сад.
Чтобы сердцем онежить и утешить взгляд.

Небеса, судьбою Шерра гнусного владея,
Занесли клинок разящий над главой злодея.

С неким городским торговцем в сделку Шерр вступал
Возле сада. Чуть увидел — Шерра Хейр узнал.

Страже приказал: «Тотчас же, лишь закончит он
Разговоры там, да будет к нам он приведен!»

Он под свежей сенью листьев сел недалеко.
Рядом курд стоял, тяжелый меч держа в руке.

Шерр пришел, морщины злобы он с лица согнал.
Хейра не узнал, пред Хейром прах поцеловал.

Хейр спросил: «Эй, незнакомец! Как ты звался встарь?»
И ответил Шерр: «Зовусь я Странником, о царь!

Ловок я во всех деяниях». — «Имя назови! —
Хейр ответил. — Иль омойся в собственной крови!»

Шерр в ответ: «О царь! Хоть чапу поднеси, хоть меч
Вынь, но имени иного не могу изречь!»

Молвил Хейр: «Подлец! Душою перестань кривить!
Кто захочет, каждый может кровь твою пролить.

Знаю я: ты — Шерр — гнуснейший на земле злодей,
Изверг ты, достойный клички дьявольской своей!

Ну, гляди, ублюдок ада, вспомни: это ты
Вырвал жаждущему очи за глоток воды

И в пустыне, где ни капли влаги нет, ни тени,
Без воды его покинул в тысячах мучений.

Драгоценности, одежду взял ты у него
И несчастного в пустыне бросил одного.

Знай: я — Хейр, и я тобою был лишен всего.
Только счастье Хейра живо, а твое — мертво!

Думал ты тогда в пустыне, что убил меня,
Но от смерти вседержитель защитил меня.

Видишь: я в беде защиту у небес нашел,
Дали мне они корону, царство и престол.

Но хоть жив я, ты убийцей все же наречен
И за все твои злодеяния — казни обречен».

Шерр едва взглянул, не веря собственным глазам,
Хейра он узнал и наземь пал к его ногам.

Завопил: «О шах правдивый, милость сотвори!
Не гляди на злодеяния злого! Но — смотри:

Правдою — тебя, меня же Кривдой нарекли,
И — по воле неба — розно в жизни мы пошли.

Мной злодейский был поступок совершен, но он
От рождения был судьбою предопределен.

Ты же в день, когда я небом мстительным гоним,
Поступи со мной в согласие с именем твоим!»

Вспомнил Хейр, что он зовется «Добрый», и решил
Отплатить добром, — и Шерра с миром отпустил.

От меча его свободу Шерр едва обрел,
В радости из сада шаха он летел — не шел.

Но помчался кровожадный курд с мечом за ним,
Голову срубил злодею он мечом своим.

Молвил курд: «Хоть мыслит благо добрый Хейр, но ты —
Зло. Да будут двери ада злому отперты!»

Труп обшарив, в кушаке он сразу отыскал
Те два лаала, что у Хейра Шерр в степи украл.

Взял и отдал самоцветы Хейру и сказал:
«Пали к лалу воротилесь!» Шах поцеловал

Друга доброго, за верность поблагодарил
И ему два эти лаала тут же подарил.

И потом, к своим зеницам пальцы приложив,
Молвил: «Ты вернул мне зрение. Я тобою жив.

Воротил глазам незрячим ты желанный свет.
За твое добро достойной платы в мире нет!»

И устроилось счастливо все, как Хейр хотел.
И народ благоденья от него узрел,

Ибо в той стране, где правду властелин хранит,
Делается терн плодами, золотом — гранит,

И железо обретает свойства серебра.
Свет зениц живой у Хейра ожил для добра.

Справедливость — нерушимый был закон его,
И стоял неколебимо в мире трон его.

Листья с дерева целенья, что с собой он взял,
Людям страждущим на благо он употреблял.

А порой, коль не хватало вдруг листа ему,
К дивному он отправлялся дереву тому.

Под густой его листвою спешивался он
И степям, его взрастившим, отдавал поклон.

Он сандаловому дереву благодарен был,
Одеянье соком дерева ярко расцветил.

Все, чем окружал себя он, украшал сандал,
Запахом сандала шахский дом благоухал.

Скорбь любую дух сандала исцелит в тини.
Есть в дыхании сандала признаки души.

Ты вдохнешь его — и боли головной конец,
Он смиряет лихорадку и огонь сердец.

Так на ломаном иранском языке рассказ
Кончила тюрчанка Чинна в полуночный час.

Шах Бахрам ее с любовью обнял, поместил
Внутрь души и от дурного глаза защитил.

ИРАНСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть седьмая. Пятница

В пятницу, когда светило, вставши из-за гор,
Белым светом озарило иповый шатер,

Шах — в одежде белой, в блеске белого венца —
Устремил шаги к воротам белого дворца.

В пятом знаке зодиака белая Зухра¹
Пять поклонов пред Бахрамом отдала с утра.

И покамест не напали Зинджи на Хотан,²
Шах счастливый не покинул радостей майдан.

А когда сурьмой небесной сумрак обострил
Взгляд луны прекрасной и глаза светил,³

Стал Бахрам подругу ночи нежную просить —
Сладостный рубин речений перед ним открыть,

Чтобы эхом, отраженным от дворцовых стен,
Пела повесть, забирая слух и сердце в плен.

И царевна, славословье трону вознеся
И о шахском долголетье небосвод прося,

Прочитав сперва молитву вечному творцу,
Чтобы дал сиянье счастья трону и венцу,

Молвила: «Коль шаху сказка надобна моя,
То — поведать все, что знаю, рада буду я».

СКАЗКА

Мать моя была душевной доброты полна,
Средь старух была ягненком истинным она.

Чтобы мне не скучно было, помню, как-то днем
Мать моих веселых сверстниц пригласила в дом.

К трапезе она радушно всех их позвала,
Кушаньям — как говорится — не было числа.

Дичь, баранина и с тмином всяческая снедь, —
Перечислить угощений мне и не суметь.

Не припомню я названий лакомств дорогих,
Розовой халвы, миндальной — и сластей других.

Все там было, чем осенний урожай богат —
Яблоки из Исфахана, рейский виноград.

Но о гроздьях и гранатах речь я отложу,
Лучше о гранатогрудых девах расскажу.

Сыты лакомою едою были все давно
И пригубливать устали сладкое вино.

Смех, веселье, разговоры тут пошли у нас.
За смешным рассказом новый следовал рассказ.

Та — про чет, а та про нечет, — все наперебой...
Каждой рассказать хотелось о себе самой.

Очередь до среброгрудой девушки дошла,
Хороша она, как сахар с молоком, была.

Лишь она заговорила — птичий хор в саду
Смолк и рыбки золотые замерли в пруду.

Упоительный открыла слов она родник,
А язык ее рассказа — был любви язык.

Нас она повеселила повестью такой:
«Жил был юноша — любезен и хорош собой.

Юному Исе в науках был подобен он,
Как Юсуф, был светел сердцем и беззlobен он.

Люди знания за ученость славили его,
Верующие примером ставили его.

Сад был у него — прекрасный, как Ирема сад,
Амброю благоухавший, радовавший взгляд.

В нем рождались, раскрывались райский плод и цвет,
Шла молва, что им подобных в целом мире нет.

Все сердца тянуло в этот лучший из садов,
Где росли и расцветали розы без шипов.

Если поискать, — конечно — шип один нашли б,
Но защитою от глаза вырос этот шип.¹

Под тенистыми ветвями там ручьи текли.
Там нарциссы над ручьями, лилии цвели.

Пением птичек оглашался лиственный шатер,
Звонкий щебет их сливался в сладкозвучный хор.

Кипарисы возвышались кровлями дворца,
В говор горлинок вилетались возгласы скворца.

У подножий кипарисов сладостная тень
В сад на отдых призывала, навевая лень.

Этот сад благоуханный с четырех сторон
Был высокою стеною крепко огражден.

Окружил свой сад хозяин глиняной стеной,
Чтобы в тень его проникнуть глаз не мог дурной.

Не один богач о саде сказочном вздыхал
И завистливые взгляды издали бросал.

Юноша хозяин часто заходил в свой сад —
Отдохнуть от шума, зная городского рад.

Подрезал он кипарисы и сажал жасмин,
Мускус смешивал и амбру сада властелин.

На лужайках сам фиалки сеял он весной,
Новые сажал нарциссы там он над водой.

Проводил в саду хозяин целый день, порой
И лишь поздно возвращался вечером домой.

Вот однажды ранним утром в сад он свой пошел,
Изнутри калитку сада запертой нашел.

Но в саду своем он звуки чанга услышал,
Хоть вчера к себе он в гости никого не звал.

Песни радости услышал он в саду своем, —
Веселились, и смеялись, и играли в нем.

Множество в саду звучало женских голосов,
Изнутри закрыты были двери на засов.

Горожанки молодые, видно, здесь сошлись;
Знать, они в его владенья с ночи забрались.

Долго он стоял у двери сада своего...
Ключ — на сторожа надеясь, он не взял его.

В двери, стража вызвать силясь, он стучал и звал.
Гости — слышно, веселились, а садовник спал.

Вкруг стены своей высокой юноша пошел,
Трещину в углу дувала ветхого нашел.

И, увидев, что не может он войти в свой дом,
В собственной своей ограде сделал он пролом.

Так проник он потихоньку в сад, и, осмотрясь,
Словно вор, в своих владеньях он пошел таясь.

Чтоб увидеть, что за гости у него гостят,
И проведать, что за повод был для входа в сад,

Чтоб разведать потихоньку, что за шум в саду, —
Не попал ли уж садовник-старичок в беду?

Среди этих — озарявших сад его — цветов,
Наполнявших свод зеленый звоном голосов,

Были две жасминогрудых, привлекавших взгляд,
Вдоль стены они ходили, охраняя сад,

Чтоб не перелез ограду дерзкий кто-нибудь
И не мог дуноподобных гурий тех спугнуть.

Только он вошел в пределы сада своего,
Эти девушки за вора приняли его.

Палками его избили; на землю потом
Повалив, его связали крепким кушаком.

По незнанию — в преступленье ими обвинен, —
Был избит, и исцарапан, и унижен он.

Девушки, связав беднягу, перестали бить, —
Но они его словами начали казнить:

«Был бы всяк твоим поступком дерзким возмущен!
Нет хозяина на месте! Жаль — в отлучке он!

Если дерзкий вор посмеет брешь в стене пробить —
То садовник властен вора палками избить!

Ты немного поцарапан. В цепи заковать
Надо бы тебя, негодный, и властям предать.

Ах ты, вор, сломавший стену — не уйдешь теперь!
Если бы ты вором не был, ты вошел бы в двери!»

А хозяин им ответил: «Этот сад — мой сад.
Я захлебываюсь дымом — от своих лампад.

Как лиса, в дыру пролез я... И к чему слова, —
Вход сюда открыт всегда мне шире пасти лова.

Если кто в свои владенья входит воровски —
Упустить их быстро может из своей руки».

Сильно девушки смутились. Все же — им пришлось
О приметах разных сада повести расспрос.

Верно он на все ответил. Повиниться им
Приходилось. И осталось помириться им.

Девушки владельца сада впрямь признали в нем,
Он красив был, юн, любезен и блистал умом.

Если женщина такого видит, ты ее
Не удержишь, откажись ты лучше от нее.

И по духу был им близок и приятен он,
Был от плена тут же ими он освобожден.

Живо крепкий развязали шелковый кушак,
Всклипывая — извини, мол, если что не так.

Умоляя, чтоб хозяин юный их простил,
Расторопность проявили и великий шал.

Чтобы гнев он свой на милость к ним сменил вполне,
Принялись пролом поспешно затыкать в стене.

В щель терновник набивали, камни и тростник,
Чтобы вор и впрямь в ограду сада не проник.

И, в смущении краснея, к юноше пришли,
В оправдание — рассказы длинно завели:

«Так хорош твой сад, что в мире все затмит сады, —
Пусть обильны будут сада этого плоды!

Молодые горожанки — ото всех тайком —
Полюбили собираться тут — в саду твоём.

Все красавицы, чья прелесть славится у нас,
Луноликие — утеха и отрада глаз.

Как светильник, полный ярких недыхающих свеч, —
Очень любят это место наших тайных встреч.

Ты простишь ли нас, что были мы с тобой дерзки
И что воды возмutilили чистые реки?

Но сейчас ты на красавиц наших поглядишь
И с любой из них желание сердца утолишь.

В этот час они все вместе, верно, собрались.
Так — скорее к ним, смелее с нами устремись!

И которая из гурий взгляд твой привлечет,
Укажи нам, чтобы нечет превратился в чет;

Только скажем мы два слова — и придет она,
И к ногам твоим покорно упадет она!

Услыхал хозяин речи эти, и огнем,
Пробудившись, возжеланье запалило в нем.

Страсть его природе чистой не чужда была,
Целомудрия преграду вмиг она смела.

Набожность его кипящий затопил поток,
Близость женщины он спокойно вынести не мог.

И путем надежды страстной, как на яркий свет,
Он пошел жасминогрудым девушкам вослед.

Склонностью к красавцу были полны их сердца,
Довести они решили дело до конца.

Там в тени ветвей беседка старая была,
И тропинка их — к беседке прямо привела.

Девушки ему шептали: «Малость поспеш,
Пригласи в беседку этой, и целую поцелуй!»

И увиди они. В беседку женщина вошла,
И в стене ее отверстие малое нашло.

Живо к этому отверстию глазом он прищип,
И красавиц юных в сборе увидала щип.

Шумное у них веселье вскоре началось,
Осыпая пошли друг друга лепестками роз.

Ярко их глаза горели, прелесть их цвела,
Каждая из них как спелый сладкий плод была.

Душу и глаза пленила каждая из них,
Чистый сахар рассыпала каждая из них.

И у каждой среброногой — груди, как гранат,
И дракон у каждой девицы охраняет клад.²

Яблоки он и гранаты видел пред собой,³
Только было невозможно их достать рукой.

Пред беседкою лужайка свежая была,
Ту зеленую лужайку роица стерегла.

Амфорный там красовался полный водоем,
Райский водоем Ковсара был его рабом.

Наполняем был он чистым, звонким ручейком,
Рыбки стаями играли и плескались в нем.

А вокруг того бассейна лилии росли,
И нарциссы и жасмины белые цвели.

Девушки, к воде склоняясь, в зеркале ее
Отражение увидали среди рыб свое.

Их, как солнце, отражала чистая вода,
Их, как луну, привлекала чистая вода.

Весело они одежды начали снимать,
Пояса свои на бедрах стали распускать.

И разделись все, и в блеске наготы своей,
Словно жемчуг, погрузились в воду до грудей.

Сребротелые плескались радостной толпой,
Тела серебро скрывая темною водой.

Будто луны к Рыбе, в волны шумные вошли.
От Луны до Рыбы волны шумные пошли.⁴

От бросающей дирхемы на воду луны,⁵
Убегая, рыба темной ищет глубины.

Ну, а к светлым лунам этим, что играли властью,
Рыба юноши, как в сети, и сама рвалась.⁶

Целый день они плескались, за руки схватясь,
Над жасмином белоснежным белизной смеясь.

Шло вовсю у них веселье. Ты уж сам взгляни,
Как ладейки из гранатов делают они.⁷

Та — Змея! Змея! — кричала, косы распустя,
И подруг своих пугала этим, не шутя.

Бисутун любой колонну к небу подымал
И секирою Фархада острой убивал.⁸

А ручей Ширин молочный пред ее дворцом
В ослепительный вливался этот водоем.⁹

Из беседки на купальщицу юноша смотрел,
Трепетал от нетерпенья он и весь горел,

Был, как жаждущий, что воду видит пред собой,
Да не может дотянуться до нее рукой;

Трепетал он весь, не в силах дрожи превозмочь,
Как страдающий падучей в новолуныя ночь.¹⁰

Плодоносным кипарисом стап был у любой,¹¹
Но — казалось — судный день он видел пред собой.

В жилах у него стучала, бушевала кровь,
В каждом органе бедняги клокотала кровь.

Притаясь в своей беседке, он, как вор, стоял.
Благочестье отступило, змий главу поднял.

К их ногам все обожанье он повесть хотел,
Через щель в стене беседки змий пролезть хотел.

Но пролезть, увы, не мог он, щель была узка.
Рядом яблоня, да яблок не нарвет рука.

Накупавшись, вышли девы, словно из шелков
Темно-пурпурны жасмины — на ковер цветов.

И в сияющий воздушный шелк облачены —
Шум затеяли и хохот, слышимый до луны.

Видел он: средь них задорней всех одна была —
Весела, лицом румийским розово-смугла,

Подбородок — словно солнце утренних высот,
Губы нежные, как пальмы финиковой плод.

Быстрый взгляд ее стрелою острой поражал,
Смех ее — веселый, звонкий — сахар расточал.

Этот кипарис гранаты в воду урони,
А свои гранаты влагой щедро напои.

Всякому, кто в эти чары попадал, как в сеть,
Овладеть хотелось ею или умереть.

И таким гореть лукавством взгляд ее умел,
Что терял свой ум разумный, трезвенник пьянел.

Был пленен хозяин юный красотой луны —
Больше, чем огнем индийцы в храмах пленены.

От души его преграды веры отошли...
Праведник, кляни неслось! Верных восхваля!

Через час те девы-стражи вновь пришли вдвоем.
Быстрые, любовным сами полные огнем.

В ту беседку две газели легкие пришли,
Что газелей к водопою барса привели.

Прибежали, нетерпением пламенным полны
Пред хозяином любезным искупить вины.

Не сошел еще хозяин с места своего,
Девы стали, как хаджибы, спрашивать его:

«О хаджа! Из тех красавиц, что ты видел здесь,
Опиши скорей — какую нам к тебе привести?»

Юноша словами живо им нарисовал
Ту, чей облик так в нем сильно сердце взволновал.

Только молвил, те вскочили и расстались с ним,
Уподобясь не газелям, а тигрицам злым.

И в саду неподалеку вмиг нашли ее,
Лаской, хитростью, угрозой привели ее.

Ни одна душа их тайны не могла узнать;
А узнала бы, так, верно б, ей несдобровать.

Привели луну в беседку — и смотри теперь —
Чудо: заперли спаружи на щеколду дверь...

А настроили сначала, словно чанг, на лад
Эту перь, что хозяйский так пленила взгляд.

Рассказали по дороге деви обо всем —
О хозяине прекрасном, добром, молодом.

И не видевши ни разу юношу, она
Уж была в него — заною — страстно влюблена.

А взглянула — видит: лучше, чем в рассказе, он;
Видит — золото. В рассказе был он посребрен.¹²

Юношу лишил терпенья, жег любовный пыл.
Он со стройным кипарисом в разговор вступил.

«Как зовут тебя?» — спросил он, «Счастье», — та
в ответ.

«Молви, перь, чем полна ты?» — «Страстью!» — та
в ответ.

«Кто красу твою выделел?» Отвечала: «Свет!»
«Глаз дурной да не коснется нас с тобой!» — «Нет!»

«Чем ты скрыта?» — «Ладом саза», — девушка
сказала.

«В чем твоё очарованье?» — «В неге», — отвечала.

«Попелуемся?» — спросил он, «Шесть десятков раз!»
«Не пора ли уж?» — спросил он. — «Да, пора сейчас!»

«Будешь ли мой?» — «Конечно!» — молвила она.
«Скоро ль?» — «Скоро», — отвечала юная луна.

Дальше сдерживать желание не имел он сил.
Скромность он свою утратил, стыд свой погасил.

Как она свой чанг, за кудри гурию он взял.
Обнял стан ее и к сердцу горячо прижал.

Целовать он начал страстно сладкие уста —
Раз, и десять раз, и двадцать, и еще до ста.

Поцелуй распалили вожделение в нем,
Запылала пуще жажда наслаждения в нем.

Он целебного напитка захотел испить,
Он живой воды в потоке захотел добыть.

Скажешь ты, что на онагра черный лев напал,
Всеми лапами онагра мощными подмял.

Но беседка эта ветхой, дряхлою была
И под тяжестью двойною трещину дала.

И обрушилась внезапно, с треском развалилась.
Так не кончилось их дело дурно в этот раз.

Он раскаянья избегнул, хоть и был смущен.
Прянула она направо, а налево — он.

Чтобы люди их увидеть вместе не могли,
Вмиг они разъединились, в стороны ушли.

Скрылся юноша в чашобе лиственных купин;
Тосковал он и томился горько там один.

И к подругам воротилась тюркская луна,
Хмуря брови, сожалений искренних полна.

Музыкантшей и певицей девушка была;
Села грустная — и в руки чанг она взяла.

И из струн исторгла звуки. И у ней сама
Песнь сложилась, что влюбленных свесить могла б
с ума:

«Пусть поет, рыдает чанга моего струна
Всем, кто болен тем недугом, чем и я болела.

Кто влюблен, тот в сердце носит тягостный недуг,
Я болела, неразделенной мукой я полна!

О, доколь скрывать я стану жгучую любовь?
Горе мне! — я говорю вам. Да — я влюблена!

Разума меня лишает, мучит страсть меня.
Нет терпенья мне. Любовью я опьянена.

Хоть влюбленных презирает этот злобный мир,
Но раскаянье?.. Об этом даже мысль грешна!

Грех раскаиваться в сильной, искренней любви.
Я раскаиваться в страсти сердцем не воляю.

Только тот влюблен, кто душу за любовь отдаст.
В мире истинным влюбленным гибель не страшна!»

Так она, в газели страстной сетуя судьбе,
Всю невольно разболтала правду о себе.

Те два перла, что держали нить в своих руках,
Смысл сокрытый понимали в песнях и стихах.

Поняли они, что грустен юноши удел,
Что меж ними там разлуки ветер пролетел.

И они нашли Юсуфа бедного того, —
Словно Зулейха, вцепилась вновь она в него.

Повели они расспросы, — что произошло?..
Рассказал он все, как было. Горе их взяло,

Что расставленные ими сети порвались.
И налаживать все дело вновь они взялись.

«Ночевать в саду придется нам сегодня всем.
Мы займемся лишь тобою, более — ничем.

А придумать уж сумеем повод мы любой, —
Никого мы не отпустим ночевать домой.

И наедине ты будешь вновь с луной своей.
И бери в свои объятья ты ее смелей!

Обнаруживает белый день дела людей, —
Все скрывает ночь завесой темною своей».

Так сказали и расстались эти девы с ним.
И скорей пошли к подругам молодым своим.

Голько ночь кунницей черной скрыла наконец
Вечер — красный, как бартасский шелковый багрец,

Только солнца гвоздь укрылся за чертой степей
И зажглась кольчуга ночи тысячей гвоздей,

Исполняя обещанье, девы те пришли
И хозяину тюрчанку пери привели.

Тополь жаждущие корни окунул в волну,
Солнце знойное настигло робкую луну.

Рядом — гурья, и больше никого кругом, —
Тут пещерный бы отшельник согрешил тайком!

Юношу любовь палящим вихрем обвила.
От желания в кипенье кровь его пришла.

То, о чем не подобает разговор вести,
Говорю тебе, читатель; бог меня прости.

С нею он свое желанье утолить хотел,
Он жемчужину рубином просверлить хотел.

Кошка дикая по ветке кралась той порой,
Наблюдая за мышинной земляной порой.

Кошка прыгнула и с шумом вниз оборвалась,
А влюбленным показалось, что беда стряслась,

Что неведомым несчастьем угрожает ночь..
И, вскочив, они в смятенье убежали прочь.

Бросили они друг друга, шума устранив,
Посмотри: опять ленишка их недопеклась.

Грустная — к своим подругам девушка пришла,
Полная тоски сердечной, чанг она взяла

И запела песню, струны трогая рукой:
«Снег растаял. Аргаваны расцвели весной.

Горделиво стан свой поднял стройный кипарис,
И со смехом вокруг ограды розы обвилась.

Соловей запел. Веселья вспыхнули огни,
И базара наслаждений наступили дни.

И садовник сад украсил, радующий взгляд.
И державный шах явился, осмотрел свой сад.

Чашу взяв, вина из чаши он испить решил.
Но упал внезапно камень, чашу ту разбил.

О ограбивший мне сердце! Множишь только ты
Муки сердца. Дать, мне радость можешь только ты.

Я стыжусь тебе признаться, как терзаюсь я,
Сердце без тебя уныло, жизнь темна моя!»

Знающие тайну лада этих грустных слов
Тайну пери вновь узнали из ее стихов.

И печалась и вздыхая, двинулись опять
Эти девы в чащу сада — юношу искать.

Словно вор, укравший масло, горем удручен,¹²
Возле брошенной сторожки пританлся он.

Там, где ивы нависали низко над ручьем,
Он лежал в глубокой муке, наземь пав лицом.

Еле-еле отозвался он на голос их,
Пораженный этим градом неудач своих.

Две наперсницы в тревоге повели расспрос,
И в досаде были обе чуть ли не до слез.

Но подумали: «Не поздно! Еще длится ночь...»
И пошли, чтобы влюбленным в деле их помочь.

Успокоили подругу, что мол, нет беды...
И цветку послали кубок розовой воды.

Вот к возлюбленному пери та явилась вновь,
В ней еще сильнее горела к юноше любовь.

За руку ее хозяин крепко взяв, повел
В чащу сада и глухое место там нашел.

Где был густо крепких сучьев свод переплетен,
Будто на ветвях деревьев был поставлен трон.

Он красавицу в укромный этот уголок,
Нетерпением пылая, как в шатер, увлек.

Пышную траву, как ложе, для нее примял,
И, горя восторгом, к сердцу милую прижал.

Как жасмин — на саманидских шелковых коврах —
Наконец была тюрчанка у него в руках.

Вновь он вместе был с прекрасной девой молодой,
Млея, роза истекала розовой водой.

Наконец была в объятиях у него луна,
Он ласкал ее. В обоих страсть была сильна.

Быстро кости продвигал он, клетки захватил,
Он соперницу, казалось, в нарды победил.

Миг один ему остался — крепость сокрушить,
И бушующее пламя влагой потушить.

Полевая мышь на ветке, возле ложа их,
Подбиралась осторожно к связке тыкв сухих,

Что на дереве подвесил садовод-старик.
Мышь веревку этой связки перегрызла вмиг.

На землю упала связка; раскатясь кругом,
Загremели тыквы, словно барабанный гром.

Будто грянул отступленья грозный барабан,
На ноги вскочил хозяин, страхом обуян.

С грохотом вторая связка наземь сорвалась —
И опять газель от барса вихрем унеслась.

А хозяин думал: «Стража в барабаны бьет,
Мухтасиб, стуча в литавры, с гилями идет...»

Бросив туфли, он в смятенье — тоже — наутек.
Где бы спрятаться, искал он в чаще уголок.

Задыхаясь от испуга, трепеща, бледна,
К двум подругам прибежала бедная луна.

Время некое молчала; дух пересела,
В руки чанг взяла, завесу тайны подняла.

Так запела: «Я слышала, смущена душой,
Что влюбленный повстречался с девой молодой.

Он желанного добиться от нее хотел,
Знойною объят любовью, истомлен тоской.

К сердцу юную тюрчанку он хотел прижать, —
Быть в объятиях кипариса линии весной.

Яблоков ее, гранатов жадно он хотел,
Всей душою он тянулся только к ней одной.

Чтобы двери клада перлов наконец открыть,
Прикоснуться к тайной двери он хотел рукой.

Изу красную прозрачной кровью обогреть
И смешать на чистом блюде леденцы с халвой.

Вдруг напрасная тревога, страшный стук и гром...
Налетел и все развеял ветер ледяной.

По цветку в тоске остался робкий мотылек,
Умирающий от жажды — без воды живой.

Почему в неверном ладе песню ты ведешь?
Заниграй же в верном ладе наконец со мной!

Милый, ты в неверном ладе свой настроил чанг?
Но зато уж буду верно я играть с тобой!»

Лишь газель свою пропела пери, в тот же миг
Быстрый ум ее наперсниц правду всю постиг.

Снова обе побежали юношу искать.
Чтоб исправить и наладить их дела опять.

Страшно пристыжен, испуган, — где-то под кустом —
С вытянутыми ногами он лежал ничком.

Девы ласково беднягу подняли с земли
И расспросы осторожно, мягко повели.

Он ответил, что ни в чем он тут не виноват,
Что холодный адский ветер вторгся, видно, в сад...

А наперсницы, воскликнув: «Это ничего!» —
Все рассеяли сомнения в сердце у него.

Развязали этот узел живо. И — гляди —
Ожила опять надежда у него в груди.

В поучение сказали: «Опыт свой яви!
И настойчивее надо быть в делах любви!

Выбери побезопасней место для гнезда,
Чтоб напасть не прилетела новая тула.

Зорко вас теперь мы сами будем охранять.
Тут на подступах, как стражи, будем мы стоять».

И к подруге воротились и опять взялись
Уговаривать прекрасный, стройный кипарис.

Чтоб она набег свой тюркский совершила вновь,
Чтоб пошла и подарила юноше любовь.

И пошла она, всем сердцем юношу любя,
Увидав ее, хозяин позабыл себя.

Он за локоны, как пьяный, ухватил ее.
В угол сада лотаенный потащил ее.

Там укромная пещера вырыта была, —
Куполом над ней сплетаясь, жимолость росла.

И жасмины поднимали знамя над стеной.
Сверху — заросль, а под нею — вход пещеры той.

Места лучшего хозяин больше не искал;
Местом действия пещеру эту он избрал.

Разорвав густую заросль, путь он проложил
И красавицу проворно за собой втащил.

Растегнул на ней он платье, забыв про стыд.
Растегнул и то — о чем мой скромный стих молчит.

Обнял эту роз охапку, все преграды смел...
И уверенной рукою приступ он повел.

Палочка не окунулась в баночку с сурьмой,
А уж свод горбатый новой занялся игрой;

Несколько лисиц в пещере пряталось на дне,
Чтобы позже на охоту выйти при луне.

Выследил их волк свирепый; голоден он был,
А на этих лис давненько зубы он точил.

В этот миг, прокравшись к лисам, начал он их рвать.
Лисам в ужасе от волка бросились бежать,

Выскочили из пещеры. Волк за ними след,
Прямо по чете счастливой, здесь не ждавшей бед.

Рухнул столп любви хозяйский. Рать увидел он,
На ноги вскочил он, визгом, лаем оглушен.

Весь в земле, в пыли, метался он по сторонам.
Что в его саду случилось — он не ведал сам.

В ужасе не понимал он, что ему начать,
Где спастись теперь — не знал он — и куда бежать?

Девы, что взялись усердно помогать ему,
Что от всей души хотели счастье дать ему.

Что стояли, словно стражи, на его пути,
Милую его схватили, не дали уйти.

«Что за подлые уловки? — ей они кричат, —
Ах ты этакая! Бесы, что ль, в тебе сидят?»

Долго ли еще ты будешь этак с ним шутить?
Иль по злобе хочешь вовсе в нем любовь убить?

Да ведь даже с незнакомым так шутить нельзя!
А тебе, злодейка, это извинить нельзя!

На какие ты уловки хитрые пошла,
Сколько раз его ты за ночь иначе прогнала?»

Та клялась, что невиновна, начала рыдать.
Но подруги не хотели клятвам тем внимать.

Услыхал хозяин звуки гневных голосов,
Подоспел — свечу увидел между двух иншипов.

Их упреки и угрозы услышала хаджа,
На лице любимой слезы увидал хаджа.

«Стойте! — крикнул он. — Не смейте больше обижать
Ту, что нужно, как дитяню, нежно утешать.

Берегитесь вы и знайте — нет на ней вины,
Но дела судьбы и в малом кознями полны.

Как ни довок муж проворный на пути земном,
Но является он неба вечного рабом.

И сегодня нам не дьявол, а пречистый бог
Помешал и удержаться от греха помог.

Нам препятствия решило небо возвести,
И несчастьем преградило все оно пути.

Тот, кого с дороги правды див не совратит,
Сердцем чист. А чистый сердцем зла не совершит.

Кто к греховному привязан от рожденья, тот
Стороною от дороги праведных идет.

Эту деву был бы каждый в жены взять счастлив.
Поступать нечестно с нею мог бы только див.

И неужто эту деву может оскорбить
Тот, кто мужествен, способен искренне любить!

По пути греха не может верный муж пойти,
Если встанет добродетель на его пути.

Если яблоно весной сглазит глаз дурной,
То никто плодов не вкусит с яблона такой.

Твари здесь на нас смотрели сотней тысяч глаз...
И поэтому не вышло ничего у нас.

Что прошло, — пускай. Не будем плохо понимать.
В том же, что осталось, должен честь я сохранять

Клятвой тайною и явной здесь поклялся я,
Перед небом и землею обещался я:

Если ночь благополучно наконец пройдет
И охотницу добычей дичь сама возьмет, —

То отныне я пред богом обручусь с ней,
И по всем законам брака сочетавшись с ней».

Девушки его речами были смущены,
Пажошностью столь примерной были сражены.

Две сообщницы склонились перед ним главой,
Воскликая: «Слава чистой совести твоей,

Что посеяла благие в сердце семена,
Что дурному совершиться не дала она!

О, как много минных тягот видим мы кругом,
Что неожиданно озаряют счастьем и добром!

О, как часто от несчастий человек храним
Тем, что горько называл он бедствием своим!»

А когда светильник мира над горами встал,
И сиянием с горизонта глаз дурной прогнал, —

Астролябии рассвета стрелка замерла,
И столпы небес паучьей сетью оплела,

С ярким факелом в деснице ветер прискакал,
И хозяина из сада в город он умчал.

От непрощенных помощниц тех освобожден,
Вновь султана знамя поднимал по-хозяйски он.

Но вчерашней ночи пламя тлеющим костром
Вспыхивало — и сильнее пламенело в нем.

В городской свой дом вернувшись, слово он сдержал.
Цели он своей немедленно добиваться стал.

И благоуханный полный ветер полевой
Над семьей фиалок черных веял галлей.

Кипарис свой темный парус к небесам подъял,
И самшит свои густые кудри расчесал.

А глаза у лилий дрема стала застилать,
А они в чертог хрустальный скрылись подремать.

Персиковый сад цветением ранним обуян.
В красной раковине черный жемчуг скрыл тюльпан.

Лилия в венец нарцисса явно влюблена,
Слиток золота в ладони принесла она.

Звезды, в свежем дуновенье тех весенних дней,
Для Суда не ожидая, падали с ветвей.²

На травинках капли, словно слезы на глазах,
Рассмеялась от шафрана вся листва в садах.³

Кто живой водою розы здесь нарисовал?
Кто тюльпаны ярко-алой краской нарисал?

Лист шиповника алмазом блещет водяным,
Ветви лилий трут зеины спадоблем глазным.⁴

В кудри завиты мышинных ушек лепестки,
Высунули аргаваны в жажде языки.

Радует живая зелень и ласкает взор,
Простирается долина, как цветной ковер.

Гиацинт китайским муском стал благоухать
Так, что красные гвоздики начали чихать.

Мальва у оград садовых бурно расцвела
И наследство все жасмину щедро отдала.

Водяною мятой берег заблагоухал
И у Скорпиона неба жало оторвал.⁵

Вот кизилом обагрились горные леса,
В листьях приса все громче птички голоса.

Словно в мочках серебристых золото серег,⁶
Утро мускусом и амброй запах роз облек.

Ива черная с алоэ чистым поутру
Источают тонкий мускус свой и камфару.

Против ивы аргаваны и жасмин стоят,
Красно-белые знамена поднимая в ряд.

Ветви ивы окунают руку в водоем
В страхе перед первым ливнем и его копьем.

Роза стан свой повизала поясом царей,
Все вокруг — земля и воздух — благосклонно к ней.⁷

Бьет в литавры неумолчно ночью соловей,
До зари звенит и свищет в сумраке ветвей.⁸

Ликованьем он встречает раннюю зарю,
Красной розе поклоняясь — своему царю.

На вершинах кипарисов горницы поют,
Как под пальмами красавиц лютият или руд.

Голос подает на башне голубь раньше всех
И у горной куропатки похищает смех.

Франколин, когда на ниве распевает он,⁹
Даже бейты райских песен прерывает он.

Вяхирь на исходе ночи, как из книги «Зенд»,
Запевасть слогом древних сказов и легенд.¹⁰

Соловей, спаленный страстью, пел, не зная сна,
Тонким стал он, как на чанге звонкая струна.

Как картина живописца — весенний день в саду,
Стаи птиц в листве резвятся, стаи рыб — в пруду.

Шах Бахрам, весной любясь, также поутру,
Звать на пир велел любимцев к своему шатру.

Был шатер его подобен тем семи дворцам,
Что главою возносились к звездным небесам.

И гонец с котомкой пыльной прибыл поутру,
Стал он спрашивать дорогу к царскому двору.

И допущен был он тут же к шаху во дворец,
И возрадовался сердцем горестным гонец.

Пронес сперва владыке славословье он
И Бахраму отдал низкий до земли поклон.

Молвил: «Снова к нам из Чина подступила рать,
Вновь земля горячей кровью стала закипать.

Дерзостно фатфур нарушил с шахом договор,
Клятву мира преступил он, руку к нам простер.

Клятвой дружеской туранцы, зная, не дорожат
Мед у них снаружи только, а внутри их — яд.

До небес мечи подъяли, тучей пыль взмели,
Волны древнего Джейхуна дерзко перешли.

Силь пизринулся свирепый, степи затопил:
Каждый воин их — акула или крокодил.

Если шах мой не захочет с ними в бой вступить,
Нашу кровь Туран тазами скоро будет пить».

Шах Бахрам, узнав об этом, сердцем был смущен,
Оттолкнул вино и чашу, пир покинул он.

И пока он не был пойман гибельным силком,
Навсегда Бахрам расстался с чашей и вином.

Стал раздумывать, как снова оттеснить врага,
Как навеки обезвредить, сокрушить врага.

Думал: «Разрешат все беды — войско и казна,
Ибо средство для победы — войско и казна».

Посмотрел он войско — годных к бою нет людей;
Заглянул в казну поспешно — нет сокровищ в ней.

Понял он — его постигла грозная беда:
Ни казны, ни войск; исчезло все ишесте куда.

Немощим он стал, подобно тигру без клыков,
Стал ему венец Хосрова тяжелей оков.

Был тогда вазир у шаха властью облачен,
Ни во что не верил, бога не боялся он.

Звал себя он Раст-Роушаном, но по сути — дворянин,
Не был он душою светел, не был он правдив.

Свет и правда были чужды извергу тому,
Правду превращал он в кривду, свет во мрак и тьму.

Имнем своим Бахрама он в обман вовлек,
Но душой он был от смысла имени далек.

Прежде был Нарен вазиром, правда в нем жила,
Был он мудр, с боязнью бога вел он все дела.

Но когда вазиром шаха стал тот Раст-Роушан,
То погибли свет и правда, внял в беду Иран.

И когда вся жизнь у шаха превратилась в пир,
Стал насильничать и грабить подлый тот вазир.

Он копил богатства, грабил шахскую казну,
Уничтожил справедливость, разорил страну.

С главным шахским полководцем в дружбу он вступил,
Хитростью его опутал, золотом купил.

Говорил он: «Очень дерзким стал у нас народ,
Дай поблажку, — он богатства наши заберет.

Каждый нищий хочет сытым и богатым стать,
Нас с тобою перестали вовсе уважать.

Нет, людей разумно, с толком мы карать должны, —
В дерзости и своеволие гибель для страны.

Погляди на этих подлых низменных рабов,
С виду — овцы, а по сути — хуже злых волков.

Волка нам вязать, как волка, в торока пора!
Люди подлы все, невнятен им язык добра.

Порожденье праха — толпы этой нищеты,
В человеческом обличье — звери и скоты.

Повинуется неверный одному мечу,
Зверь покорен будет только клетке и бичу.

Вспомни ты мужей великих, сгубленных судьбой,
Сиявуш был уничтожен дикою толпой.¹²

Вспомни, как унижен ими древний был Джамшид,
Как Дара багрянородный ими был убит.¹³

Им бы есть и пить. Их сила — полный водоем;
Мы с тобой у них сначала воду отберем.

Если воду в водоеме замутить землей,
То другой ее мы можем осветлить землей.¹⁴

Если шах наш пьян, то — помни: вражий взор не спит,
Если стража спит беспечно, дерзкий вор не спит.

Коль народ казнить сурово перестанет шах,
То начнут мутиться люди, позабывши страх.

Но и враг и див свирепый в ужасе бегут
От царя, который крепко держит меч и кнут.

Дерзких подданных, как дивов, мы должны судить,
Чтоб не смел никто в народе меру преступить.

Наших подданных сурово, грозно ты казни
Стойкой твердостью величье власти сохрани.

Помни: слезы — ложь; обманна жалобная речь;
Твердым будь и полагайся только лишь на меч.

Шах наш пьет, ему заботы царства ни почем,
Я — каламом буду править, ты — своим мечом.

Все дела вести я стану, будешь ты карать.
И кого бы ни назвал я, должен ты хватать.

Ты богатого — богатством должен одарять,
Бедняков же непокорных кровью обогащать.

И добро и зло, где хочешь, властно ты верши, —
Забирай добро и добрых, злых чуждлей души.

Если хочешь возвышаться над людьми, то знай:
Презирай их всех глубоко, саном унижай!

Коль унижен будет в царстве каждый человек,
То порядок будет в царстве и покой навек».

Был вазиром полководец шахский обольщен,
Соучастником вазира стал в насилиях он.

По вазировой указке стал он суд вершить,
Истреблять людей несчастных, грабить и душить.

Вровень вскоре он с вазиром смог в злодействе стать—
Человека человеком перестал считать.

С каждым днем они в насилие делались лютей, —
Даже грош они последний брали у людей.

Разорение настало людям. То и знай
Слышалось по бедным селам: «Отбирай! Хватай!»

Так — в недолгий срок — злодеи эти, без помех,
В богатейшем государстве разорили всех.

Людям не было защиты, правды и суда:
Всюду стон звучал, постигла всю страну беда.

Голод наступил в лачугах жалких бедняков,
У богатых не осталось денег и рабов.

Богачи не от излщств, а от грабежа,
Впали в бедность и сидели по домам, дрожа.

А чиновников такая расплодилось тьма,
Что владельцы оставляли им свои дома

И в отчаянье бродили по глухим горам,
Уподобившись бездомным птицам и зверям.

Сеятель, волов лишенный, поле не пахал,
Сад, никем не орошенный, глож и засыхал.

Разорилась, как пустыня, высохла страна,
Перестала пополняться шахская казна.

Лишь вазир, людей ограбив, жил — не знал беды —
В море голода и горькой, бедственной пучды.

И когда готовить войско шах решил к войне
И увидел: нет ни войска, ни гроша в казне,

Огорчился он и строгий стал опрос вести,
Чтобы корень разоренья поскорей найти.

Но никто не смел ответить шаху ничего.
Ведь вазира все боялись больше, чем его.

Всяк, желая оправдаться, лишь бесстыдно лгал,
Мол, крестьянин разорился вовсе и бежал.

Засуха, мол, наступила, был тяжелый год,
Саранча посевы съела, всюду недород.

Что, мол, видно, гнев небесный посетил страну,
И доходы перестали поступать в казну.

Если шах проявит милость к ним — к рабам своим,
То, мол, возвратятся люди вновь к делам своим.

Шах Бахрам им не поверил, хоть сдержал свой гнев,
В бой не бросился поспешно, как свирепый лев.

Не услышав слова правды от своих людей,
Одинок стал он думать о судьбе своей.

Хоть теперь он в размышление время проводил,
Но исхода из пучины бед не находил.

БАХРАМ И ПАСТУХ

Размышляя непрестанно о плохих делах
Государства, несказанно огорчился шах.

Но душою утешался на охоте он
И веселым возвращался, с горем примирен.

Раз взяла за повод шаха сильная печаль.
На коня вскочил, помчался он в степную даль.

Он онагра, как бывало, жаждал затравить,
С сердца кровь тревоги черной кровью ланей смыть.

Поохотился, пустыней целый день скакал;
Ноги — горю, руки — муке накрепко связал.

Был он вепрей и оленей с самого утра.
Время к ночи. В город было поспешить пора.

Так стремительно за зверем рыскал целый день,
Что возжаждал, и укрыться захотел он в тень.

Стал воды искать, — как коршун по степи кружил.
Но ни родника, ни капли влаги не открывал.

Вдруг увидел дым, подобно змею, в вышину
Выраставший, затмевавший полную луну.

Огибал, клубясь, он склоны гор и скал отвес.
И тянулся головою мгlistой до небес.

Шах сказал: «Поеду к месту дыма и огня;
Люди, что костер разводят, напоят меня».

Поспешил тогда туда он, где горел костер,
И пастушеский в лошине увидал шатер;

Вкруг шатра — овец отару, а перед шатром —
Суковатую чинару — диво! — с мертвым псом,

На суку в петле висевшем. А в самом шатре
Старец восседал, подобный утренней заре.

Выражением приветия и огнем живым
Ясных глаз. Увидев гостя, он вскочил пред ним.

И, почтив паря приветом, слезть с коня помог.
Все, что отыскать съестного у себя он смог, —

Вынес шаху, молвил: «Правда, ястию столь убавил
Не тебя бы угощать мне — посланного богом;

Но да будет извинением скудости такой,
Что далек от населенных мест наш край глухой».

Сыр овечий, хлеб и воду предложил овчар.
Жажду утолил, но хлеба не коснулся царь.¹

И сказал: «Поем я хлеба, если на вопрос
Мне ответишь: в чем повинен этот бедный пес,

И за что такой жестокой казнью он наказан?
Здесь обитель львов, зачем же, словно волк, он
связан?»

И овчар ответил: «Слушай, гость прекраснейший!
Все подробно расскажу я с радостью великой.

Этот пес был умным стражем стада моего.
Уходя, взамен себя я оставил его.

Верно, преданно свечек он берег моих.
Лапы вора, зубы волка не касались их.

Я, вручив ему охрану дома моего, —
Не рабом, не псом, а другом почитал его.

Это был могучий, страшный для злодеев пес.
День и ночь он службу верно и бессменно нес.

Если я из степи в город уходил порой,
Стадо он стерег, а к ночи приводил домой.

Он моей рукой железной, неизменной был.
Много лет умно и честно так он мне служил

До поры, как я в измене уличил его.
Стал считать я поголовье стада моего;

Счел и не дочелся в стаде я семи голов.
Побоялся, что ошибся. Через семь дней — вновь

Перечел по списку стадо. Снова не хватало,
Но уже — четырнадцати. Перечел сначала, —

Не хаатает! Стал я стадо сам стережь тогда,
Но не углядел, откуда подошла беда.

Бдительно стерег, разумно, по ночам не спал,
Но один я был, и только пес мне помогал.

Он по дивному устройству слуха и чутья
Был как сторож — знаю — в сто раз бдительней,
чем я.

И еще через неделю вновь я счел овец.
И еще десятка с лишним не нашел овец.

Наконец, по пять, по десять, за день недочет.
Вижу: таять стало стадо, как на солнце лед.

И явился злобный мытарь. И, как жадный зверь,²
Взял за подати — остатки... Так я стал теперь

Из владельца стал богатых нищим пастухом.
Это горе падо мною грянуло как гром,

Сильный дух во мне сломило, в печень поразило.
Думал я: по чья же сила жизнь мою сгубила?..

Кто бы справился, безумно даже осмелев,
С добрым псом моим, который доблестен, как лев?

Так до времени я думал. Как-то у ручья,
Утомленный, задремал я. А проснувшись, я

Продолжал лежать недвижно, как лежал во сне;
Горе грозное убило бодрость мыши во мне.

Вот и вижу я: волчица к стаду подошла
И на языке собачьем пса подозвала.

Дружественно ей навстречу пес мой побежал;
И хвостом и головою он пред ней вилял.

Ослабев пред нею, к стаду подпускал ее,
И обнюхивал волчицу, и лизал ее.

Под конец на зад волчине пес проклятый сел
И исполнил тут же с нею то, чего хотел;

А потом разлеся — вижу — мирно отдыхать;
И — молчания на морде у него печать.

Так сперва волчица взятку сторожу дала
И тогда спокойно в стадо, как в свое, вошла.

И могучего барана — стада вожака —
Медленно таскающего тяжесть курдюка,

Вмиг зарезал кровожадный хищник и унес.
Не брехнул, не потянулся, не очнулся пес.

О проклятый! Из-за подлой похоти своей
Волку в зубы отдал стадо! Плод забот мой!

Жизни, лет моих отраду! И тогда схватил
Я преступника и крепко по ногам скрутил.

И жестокие мученья причинил ему,
Ибо раб повиноваться должен своему

Господину. Был он должен бдеть, мой дом храня,
Он же оказался волком, грабящим меня.

За доверие коварством мне он заплатил;
Был поставлен стражем дома, а воров пустил.

Понял я: от пут разврата душу не спасет
Никогда он. И решил я: лживый да умрет!

Кто предателя собакой смертью не казнит, —
Знай: того никто на свете не благословит!

Поученье в этой речи овцепас сокрыл.
Тайный смысл речей властитель мыслью уловил.

Было в них иносказание, — это понял шах.
Поблагодаривши старца, он направил шаг

В город, думая: «А этот старый овцепас
Царствовать меня научит, вижу, в добрый час!

Мудрое мне указание дал он навсегда.
Да, пастух я. Подданные — то мой стада.

А доверьем облаченный первый мой вазир, —
Пес, глядящий, чтобы в стаде был покой и мир.

И когда основы царства рушатся в пучину —
У доверенного надо спрашивать причину!»

И едва приехал в город шах, у приближенных
Он потребовал немедля список заключенных.

И когда он глянул в этот горестный дневник, —
День ему чернил чернее стал и в тьму поник.

Он в смятении и в гневе видит белый мир
Скорби — сонм безвинных, коня заточил вазир.

Там написано: «Таких-то шах казнить велит»,
А потом: «Помилование им вазир дарит».

Так насильем имя шаха опорочил он,
За собой же — милосердия свет упрочил он.

Разобрав дела, увидел в ярости Бахрам,
Что добро свое домашним отдал он вору.

Вот он — пес, предавший волку все стада его, —
Воровски врага впустивший в города его.

И решил Бахрам вазира в ту же ночь схватить
И, лишив чинов и сана, в башню заточить.

Шах сказал: «Когда оставлю в должности его, —
Про него мне не посмеют молить ничего.

А во мраке даже искра малая светлая;
Сам народ теперь откроет мне его дела».

БАХРАМ ВЕЛИТ СХВАТИТЬ ВАЗИРА-НАСИЛЬНИКА

Линь свернула ночь подстилку темную свою
И опять зарей блеснуло утро бытию.

И, как Сам — одним ударом острым двух мечей,
Солнце дня луну сразило блеском двух лучей, —!

Прямо под открытым небом шах Бахрам воссел.
!! вельмож, пред всем народом, он созвать велел.

Все пришли, кого князьями величал Иран,
Выстроились перед троном, соблюдая сан.

С гордым видом из чертога вышел Раст-Раушан,
Подошел к царю он дерзко, не сгибая стан.

Грозным взглядом, полным гнева, шах пронзил его,
Крикнул так, что скажешь: криком он бил его.

«Подлый раб! Ирана землю окровавил ты!
Разорил народ мой, царство обесславил ты!

Ты богатствами вселенной свой подвал набил,
А заветные богатства шахов истребил!

Вор! Тобою даже войско все разорено!
Снаряжение могучих ратей — где оно?

Подданных моих ограбил, жизнь их ты сгубил,
Кровью слуг моих примерных ноги обагрил!

Вместо податей законных все ты отбирал,
Пояса, венцы бесчестно с избранных снимал.

Ты забыл, видать, о щедрой милости моей!
Не меня — своих поступков постыдись, злодей!

«Жадность хуже, чем безбожье» — вера говорит.
Но давно забыл ты бога, веру, честь и стыд!

Если бы благодеея шаха помнил ты,
Большей бы достиг ты чести, большей высоты.

По твоей вине терплю я ныне гнев небес,
Правда при тебе погибла, свет добра исчез.

Войско и казну сгубил ты! Ныне, в дни войны,
У меня — ни войск на месте, ни моей казны!

Неужель, злодей, ты думал, что, мол, за вином,
Обо всем забыв, владыка спит беспечным сном?

Думал: раз я пьян, ты можешь царство истребить?
Думал древнего Ирана корни подрубить?

Мол, Бахрам забыл о брани на своих иврах...
И что пусть, мол, он скорее превратится в прах?

Если я и забывался прежде за вином,
Я не забывал о вечном небе голубом!»

Сотню обручей железных словом шах ковал
На шею Раст-Роушану тяжко налагал.

Как злодея, он вазира приказал схватить
И в узилище из рая, словно в ад, тащить.

Чтоб связать вазира, сняли у него тюрбан,
Потащили, заковали, бросили в زندан.

Ноги у него — в колодках, руки же — в цепях,
Так злодей с вершин гордыни свергнут был во прах.

Тут глашатаев повсюду шах послать велел
И глашатаям повсюду выкликать велел:

«Все, кто пострадал по воле злого судни,
Пусть приносят прямо к шаху жалобы свои!»

Толпами, услышав это, войны пришли,
Жалобы на все обиды шаху принесли.

Шах затем пошел в зинданы, в тюрьмы из дворца,—
В ад, где кровью обливались скорбные сердца.

И рассказ он заточенным повелел вести —
В чем виновны, чтоб к цепям их ключ скорей найти.

Больше тысячи их было, в тюрьмы без вины
Брошены. Все были тут же освобождены.

Из числа их шах великий выбрал семерых —
И расспрашивал отдельно каждого из них.

Каждого спросил он: «Молви, правды не тая:
Ты откуда? Чей ты родом? В чем вина твоя?»

ЖАЛОБА ПЕРВОГО УЗНИКА

Первый узник молвил кротко: «Царь мой пусть живет,
Пусть врагов его раздавит мстящий небосвод!

Раст-Роушан безвинно брата моего схватил,
Истязаньями замучил, пытками убил.

Все имущество, богатство, землю и стада,
Что осталось после брата, взял он без суда.

Люди все вокруг жалеют брата моего,
Жизнь загубленную, юность, красоту его.

Стал я жаловаться судьям, громко стал вопить,
Но вазир велел за это и меня схватить.

Он сказал: «Твой брат негодный другом был врагов,
Смуту сеял он. Я вижу, что и ты таков!»

И меня в темницу бросить он велел. Потом
Приказал он грубым гурам мой ограбить дом.

Руки твой вазир и ноги в цепи мне забил,
И в цепях я, как в могилу, в яму брошен был.

Брат мой умер, страшных пыток вынести он не мог,
Я же был лишен бессудно рук своих и ног.

Целый год я протомился в темной яме той,
Но опять надежду жизни лик мне дарит твой».

Так о Раст-Роушане правду услышал Бахрам,
Внял он, полн дщ состраданья, узника словам.

Все вернул ему, что изверг лютый отобрал,
От себя ему за брата щедрый выкуп дал.

Сердце узника от страха он освободил,
Жизнь ему вернул, достаток прежний возвратил.

ЖАЛОБА ВТОРОГО УЗНИКА

Вызвал узника второго милосердный шах;
Тот упал, целую землю, перед ним в слезах.

Он сказал: «Неподалеку у меня был сад,
Свежестью своей и тенью привлекавший взгляд.

Сад такой найдешь средь райских, может быть, садов,
Круглый год там созревало множество плодов.

Щедро осенью дарил он радостью сердца:
Мне достался по наследству сад мой от отца.

Раст-Роушан моим прекрасным садом был пленен,
И ко мне однажды в гости вдруг явился он.

Все свое гостеприимство я ему явил,
Угощал его плодами и вином полн.

С благодарностью, что дом мой посетил вазир,
Для него в саду прекрасный я устроил пир.

Он шутил со мной, смеялся, яств моих поел,
Пил вино мое со мною, сколько он хотел.

Отдохнувши, он по саду малость побродил
И без памяти, как видно, сад мой полюбил.

И сказал потом: «Продай мне сад свой, о сосед,
Дам за то твоей лампаде я надежный свет».

«Не могу, о благородный! — гостю молвил я. —
Как продам? Ведь этот сад мой — это жизнь моя!

Есть у каждого пристрастие, радость есть своя, —
Я душой привязан к саду, здесь и счастлив я.

Этот сад своим считай ты. Я останусь в нем
Пусть садовником, и даже — пусть твоим рабом.

Если побывать захочешь ты в саду моем,
Ты найдешь в тени отрадной отдых над ручьем.

Приходи в любое время, как хозяин, в сад, —
Будет все тебе готово, чем мой дом богат».

Он сказал: «Не говори мне больше ничего,
Мне твой сад продай за деньги и покинь его!»

Так с твоим вазиром долго препирался я,
Сад не продал и угрозы не боялся я.

В гнев Раст-Роушан из сада моего ушел,
Ложное он обвинение на меня возвел.

В несвершенном преступлении подло обвиня,
Силой этот изверг отнял сад мой у меня.

А затем, чтоб правосудия я не стал искать,
Приказал меня забрать он, в цепи заковать.

Он великое мне горе причинил и зло,
Вверг в зиндан меня, Два года с той поры прошло».

Шах велел вернуть несемля дом ему и сад
Зеленеющий, цветущий пышно, как Багдад.

ЖАЛОБА ТРЕТЬЕГО УЗНИКА

И Бахраму третий узник правду рассказал:
«Дай тебе господь, чего бы ты ни пожелал.

Все скажу чистосердечно: раб твой был кунном,
Опытным и умудренным в ремесле своем;

В море я ходил на крепком корабле своем;
От того мой хлеб зависел, тем стоял мой дом.

Многим тайнам научился я в путях своих;
Как никто я разбирался в жемчугах морских.

Годы шли. В своих скитаниях долги добыл я
Горсть жемчужин — несравненных, словно Сурейя.

Через море с полным зобом прилетев домой,
Я с собой привез добычу — весь достаток мой.

Выгодно продать хотел я жемчуга тогда;
Выручки от них хватило мне бы на года.

И едва вазир твой первым стал осведомлен,
Что рабом твоим бесценный жемчуг привезен,

Столько стал он мне за перлы денег предлагать,
Так что сам я устыдился, цену стал сбавлять.

Взял он жемчуг. А как время подошло платить,
В отговорках он уменье проявил и прыть.

Я нишал и в горе денег требовал с него.
Отговорки получал я, больше ничего.

Долго он увертывался. День за днем сменялся.
Над обманутым — я поиял — подло он смеялся.

Раз он, будто для расчета, пригласил меня
И с убийцами в темницу заточил меня.

В обвинение придумал он бесстыдный вздор;
Как змея, меня опутал, обокрал, как вор!

Взял он жемчуг. А в уплату вместо денег дал
Мне темницу и в железо руки заковал.

Все, что я имел, украл он без стыда. И вот
Здесь лежу я, нем как камень, в муках третий год.

Но теперь вознагражден я: я увидел лик
Падишаха и свободный вновь обрел язык!»

И велел Бахрам оковы тут же сбить с него
И немедля из темницы отпустить его.

И украденный вазиром жемчуг возвратил
И еще: у вора взятым златом наградил.

ЖАЛОБА ЧЕТВЕРТОГО УЗНИКА

Встал четвертый, слава шаха и благодаря:
«О поистине достойный имени царя!

Музыкант я чужеземный, спутник мой — струна,
Я играю на барбате плавно, как волна.

Я влюблен был. Эта дева мой была кумир,
В ней — единственной — мой светлый заключался мир.

Лик ее бело-румяный солнце бы затмил.
Светлый день, как ночь, пред нею мертв и темен был.

Колокольчиком китайским смех ее звенел,
Пред ее улыбкой сладкой мрак ночной светлел.

И завидовала, видя эту красоту,
Юная весна с полями, с чащами в цвету.

Змен кос ее спадали до подола вниз,
Стройности у ней учился тонкий кипарис.

И она была мне благом и отрадой глаз,
Светом счастья, наполнявшим каждый день и час.

Чернота ее блестящих амбровых кудрей
Драгоценного казалась мускуса черней.

Эта пери научилась пению у меня.
Жили в счастье мы, не ждали горестного дня.

Снял я дом, и в этом доме жили мы вдвоем,
Неразлучны, как вечерний светоч с мотыльком.

Дева радовала сердце, как светильник, мне,
Равовалась мне, как зелень первая весне.

Раст-Роушан ее со мною злобно разлучил,
Светоч мой в своем чертоге силой заточил.

Светоч мой взяла тирана черствая рука.
Лютым пламенем спалила сердце мотылька.

С каждым днем меня разлука мучила сильнеей,
В двери я стучал; хотел я повидаться с ней.

Зло смеясь, меня велел он в цепи заковать,
Утверждая, что безумцев надобно вязать.

У меня невесту силой отнял Раст-Роушан,
Я же, скованный, на муки брошен был в зندان.

Он меня четыре года взаперти держал,
Как безумца. И спасенья я себе не ждал.

Тут же шах ему невесту возвратить велел,
И не просто, а богато одарить велел.

И еще ему особый выкуп заплатил
И на волю их обоих с миром отпустил.

ЖАЛОБА ПЯТОГО УЗНИКА

Пятый молвил: «О владыка мира, чей шатер,
Над землей четыре гордых купола простер!»

Я — правитель пограничной области твоей,
Верный раб твой; я покорен был царю царей.

Я о пользе государства думал, о мой шах,
Серьги верности владыке у меня в ушах.

Благосклонность и величие шаха и Яздан
Даровали мне богатство, достоянье, сан.

И, молясь, чтоб долголетьем шах был одарен,
Был я в милостыне щедрым, как велит закон.

Раздавал я бедным людям хлеб и серебро,
Ради счастья падишаха делал я добро.

Люди радовались, если в город я въезжал,
Мудрецов, мужей науки в круг я собирал.

Благодеянием и счастьем одарен я был,
И другим я часть достатка раздавать решил.

Серебром дарил я бедных вдов, сирот, детей;
Не было людей голодных в области моей.

Помощи, бывало, просят — помощь я даю,
Падающему я руку простираю свою.

Если кто-либо, бывало, попадет в беду —
Я спасать его немедля с помощью иду.

Край богат был. Получал я много подаятий.
Раздавал я много, тратил много на гостей.

Я сводил доход с расходом, в счете был не плох.
Был народ простой доволен, был доволен бог.

А когда вазир твой первый услышал о том,
В гневе он котел насилья вскипятил ключом.

Взял меня под стражу, власти он лишил меня,
Мира, и добра, и счастья он лишил меня.

Он сказал: «Не сам богатства собираешь ты,
Государственные средства расточаешь ты!»

Или ты алхимик тайный? Ибо ты богат
Непомерно! Иль огромный отыскал ты клад?

Овладеть твоим богатством скрытым должен я,
Сам отдай, не то отскочит голова твоя!»

И забрал себе он силой все, чем я владел;
Думал, что я клад скрываю, взять меня велел.

Истерзал меня жестоко, истомил меня,
И в цепях, в тюрьме подземной позабыл меня.

Так — с семьей, с детьми в разлуке — вот уже пять лет
Я томлюсь; не выйти, думал, больше мне на свет».

Шах вернул ему богатство, одарил его,
В область прежнюю к правлению возвратил его.

ЖАЛОБА ШЕСТОГО УЗНИКА

Был тогда шестой к Бахраму узник приведен,
От темницы, как от хмеля, вдруг очнулся он.

Он, произнеся молитву, пал лицом во прах:
«О пекущийся о бедных, милосердный шах!

Гурд я родом, и от знатных я происхожу,
С юности своей тебе я воином служу.

И в твоих походах прежде я с тобой ходил,
Мой отец в войсках у шаха старого служил.

Как моя служили предки в прежние года,
Я — на жизнь и смерть — владыке верен был всегда.

Я во всех боях сражался, жизни не шадил,
Изнурил в походах силу и изранен был.

Наконец ты, справедливый, сам — своей рукой —
Наградил меня за службу домом и землей.

И пахал я эту землю с помощью волов,
И в поход по зову шаха был пойти готов.

Но вазир-насильник, бедных воннов тесня,
Клок земли, тобою данный, отнял у меня.

Кроме поля, я доходов не имел других,
От земли жену кормил я и детей своих.

Я не раз потом к вазире с жалобой ходил;
Впал в нужду и, ради бога, помощи просил.

Умолял я справедливо поступить со мной,
Сжалиться его просил я над моей семьей, —

Жалованье из дивана мне установить
Или мне надел земельный прежний возвратить.

Закричал тут на меня он гневно: «Замолчи!
Не нужны теперь нам стрелы ваши и мечи!

Мир у нас! Никто не смеет шаху угрожать!
Царь наш мудр, он не намерен больше воевать.

Не грозит стране опасность больше от войны.
Очень дороги казне вы! Вы нам не нужны!

Ты же сам не будь ленивым! Сам — без дальних
Поработай землекопом, — будешь сыт, здоров!

А не хочешь, то запомни: спор со мной — во зло...
Продавай коня, оружие, сбрую и седло!»

Я ответил: «Дива злобы, князь, остерегись,
Немощен я, весь изранен. Бога утрашись!»

Верно я служил, обиды я себе не ждал,
Видишь сам, как я на службе шаху пострадал.

Ночью ты лежал на ложе мягком, в холодке,
Я же, сна не зная, в битву шел с мечом в руке.

В жизни ты не видел горя, знал лишь свой калам;
Я — мечом своим и кровью — был защитой вам.

Бился я мечом во славу шаха моего, —
Ты каламом истребляешь воинство его.

То, что дал мне шах, верни мне! Или же — клянусь —
С жалобой за омерзения шаха сам я ухвачусь!»

На меня вазир свирело, как дракон, взглянул,
Разъярился он, чернила мне в лицо плеснул.

Крикнул: «Ты меня пугаешь, будто ты — поток,
Будто я перед тобою, что земли комок.

Ах, глупец ты и невежда! То ты низко лестишь,
То пожаловаться шаху на меня грозить?»

Знай, что это сам я шаха посадил на трон,
Без меня рукою двинуть не решится он.

Под моей пятою шахи! Все они — вот тут!
По моим лишь указаньям все они живут!

Если бы они не стали слушать слов моих,
Коршуны бы расклевали головы у них!»

Так он, честь мою и славу добрую черня,
Отнял у меня оружие, сбрую и коня.

Палачам потом меня он бичевать велел,
И в цепях в زندан подземный отослать велел.

Я в цепях, в زندане этом, просидел шесть лет,
Думал, что к свободе, к жизни мне позирата нет».

Обласкал бойца седого справедливый шах,
Наградил его великий и счастливый шах.

И Бахрам в глазах бедняги радость увидал
И надел ему земельный вдвое больше дал.

СЕДЬМОЙ УЗНИК

Выступил седьмой по счету узник и простер
Перед сумрачным Бахрамом слов живой узор:

«Я из тех, кто устранился от мирских тревог,
Кто идет путем дервишей. Мой пожатый — бог.

Длань узка, но взор мой, словно у свечи, широк.
На горенье ради мира я себя обрек.

Надо мной людских соблазнов стал невластен глас.
И от брения земного руки я отряс.

От воды, от сна и нищи отвратился я,
Без воды, без сна и нищи обходился я.

Не имел воды и хлеба, днем не пил, не ел,
Ночью же не спал я — ибо ложа не имел.

Утвердился я в служенье богу моему,
И не знал я дела, кроме как служить ему.

Взглядом, словом, делом людям благо приносить, —
Вот как я старался богу моему служить.

И за мною от вазира стражники пришли.
Вызвал — посадил меня он от себя вдали.

Молвил: «Стал тебя в злодействах я подозревать!
А закон страны — злодеев нам велит карать...»

«О вазир! — в ответ сказал я. — Мысли мне открой,
Жить по-твоему хочу я и в ладу с тобой!»

«И боюсь твоих проклятий, — отвечал вазир. —
Да скорее бог избавит от тебя свой мир!»

Ты злонаправен по природе, мстителен и зол.
Ты дурных молитв немало обо мне прочел.

Из-за злых твоих молений я ночью порой
Поражен, быть может, буду божьей стрелой.

Только раньше, чем от злого твоего огня
Искра божьего проклятия опалит меня,

В глотке яростной молитву я запро твою:
Руки злобные в колодки с шеей закую!»

Заключил меня в оконы, неба не страшась,
Старика поверг в темницу нечестивый князь.

Как осла, что вертит жернов, он меня велел
Заковать: колодки, цепи на меня надел.

На семь лет меня он бросил в страшный сей затвор...
Я же скованные руки к небесам простер, —

Ниспроверг величье князя я мольбой своей
И сковал злодею руки — крепче всех цепей!

Хитростью меня он бросил в крепость, под замок.
Я же у него разрушил крепость и чертог!

А теперь я отдан небом доброте паря,
И из сердца бьет лучами радости, как заря!»

И прижал властитель к сердцу старца, как отца,
Льва — убийцу нечестивых, божьего борца.

Молвил: «Кроме слов о страхе пред мольбой твоей
И возмездьем, — слова правды не сказал злодей.

Но отшельнику молитву запретить нельзя.
Праведника, как убийцу, осудить нельзя!

И когда творил нечестья он рукой своей, —
Он произносил проклятье над главой своей!

И проклятье это пало на него, как меч.
Голову его мгновенно похитила с плеч.

Ты в награду все богатства, чем владел вазир,
Все себе возьми! Да будет над тобою мир!»

Но сказал дервиш: «Что делать стану я с казной?
Нет! Сокровищем ценнейшим поделись со мной!»

Как с тобою поделился лучшим я!» И вот
Круг он сделал, закружился, словно небосвод.

Заплясал, хоть бубен такта и не отбивал, —
И пропал. Растаял, словно вовсе не бывал.

БАХРАМ КАЗНИТ ВАЗИРА НАСИЛЬНИКА

В час, когда палас свой грязный темная земля,
Выбила, тяжелой пылью солнце застеля,

Шах сидел один бессонно, позднюю порой.
Разрывался он от гнева, как кирпич сырой.

Он искал пути прямого к исправленью дел,
Тернии из сада жизни вырвать он хотел.

Он узрел несправедливость мира пред собой,
Насаждать решил он правду сам — своей рукой.

А когда он о вазире вспомнил, то без сил
Голову свою в ладони с горя опустил.

От стыда всю ночь до света он уснуть не мог,
От страдания и скорби век сомкнуть не мог.

А когда над миром солнце подняло свой лик,
Посадив в горшке гончарном свежий базилик,

Царь для жаждущих рассыпал дождь своих щедрот,
Как росу свою на травы сыплет небосвод,

И велел в дворцовом зале трон поставить шах,
Виселицу он устроить приказал в дверях.

Дверь открыл он всем. Сошелся городской весь люд.
С облаженными мечами войны встают.

Среди избранных владыка сел на свой престол
И верблюда правосудья в высоту повел.

Столько собралось народу ко дворцу с утра,
Что прохода не осталось страже средь двора.

Из темницы Раст-Роушана привели в цепях.
Приговор злодею вынес всенародно шах.

И насильник тот, погрязший в мерзости и зле,
Как презренный вор, с позором кончил жизнь в петле.

Шах сказал: «Отныне всякий, кто бы ни был он,
За измену и насилие будет мной казнен!»

Как его измены семя ныне проросло,
Кажлого за злое дело да постигнет зло!

Так изменники, злодеи, сеятели смут,
Словно псы, от справедливых смерть свою найдут.

Нет, не думайте: у правды больше нет друзей! —
Совесть, честь, земля и небо помогают ей!

Те, кто хитрые канканы ставят для других,
Сами — поздно или рано — попадутся в них».

Тут о пастухе, волчине и о псе Бахрам
Рассказал народу, войску и своим князьям.

Старца пастуха призвал он, щедро одарил,
Как отцу, ему он ласку и любовь явил.

Облегчил он и исправил все дела страны,
Были гнет им и насилие искоренены.

И, когда рука Бахрама за дела взялась —
Стало золотом железо, шелком стал палас.

И опять собралось войско-море у него,
И сокровищ стали горы вскоре у него.

ХАКАН ПРОСИТ У БАХРАМА ПРОЩЕНИЯ

В день, когда хахан слышал о делах наря,
Отойти от зла решил он, благо сотвори.

Распря он закончить миром поручил послам,
Написал письмо, надеясь, что простит Бахрам.

Он писал: «Винновник смуты наконец казнен;
В нем был корень всех напастей, им я был смущен.

Он хитрил и льстил; он миру и тебе вредил.
Подлой ложью на вражду он дух мой возбудил.

Простодушного — он ловко обманул меня,
На войну с тобой — великим — он толкнул меня.

Он писал: «Страна богата, путь тебе открыт.
Как прочтешь письмо — не медли. Скорый — победит.

Шах страной не управляет, только пьет вино.
Все дела его — пустое хвастовство одно.

Я с тобой теперь на дружбу пояс повяжу,
Приходи с мечом, а шаха сам я поражу.

От твоих деяний славных я, мой шах, узнал
И увидел, что изменник мне бесстыдно лгал.

В пору брани, в пору мира все вершит Бахрам,
Что великим подобает совершать царям.

Я, как прежде, раб твой верный. В Чине — у себя —
Я хахан. Но эфиопский раб я для тебя!

Дочь моя — раба, служанка твоего дворца;
Прах твоих порогов выше моего венца.

Все послания злодея, что писал он мне,
Где о падишахе мира дерзко лгал он мне,

Я свернул и отдал в руки преданных послан,
Чтобы их прочел великий царь мой и хосров».

А когда Бахрам те письма принял от гонца,
Их прочтя, он разъярился, как калам пшена.

Воздал богу он, что правду наконец обрел.
Все дела рукою твердой в царстве он повел.

И когда в дурном и добром суть увидел он,
Справедливостью одною был Бахрам пленен.

Как красавину, он правду страстно полюбил,
Отпустил он семь красавиц и о них забыл.

Корни всех других стремлений подрубил в себе,
Ради правды жил и счастлив был в своей судьбе.

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕЛ БАХРАМА
И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЕГО В ПЕНЧЕРЕ

Лал — замок жемчужной нити истины нетленной,
Что немолчным наполняет звоном слух вселенной. —¹

Лал сказал: «Когда семь башен, с чашами вина,
Перед шахом заключили сказок круг сполна, —

Купол разума, что замком был его уму,
О летящем своде мира подал весть ему.»²

«Мудрый: удались от капищ идольских земли!
Убегай уничтоженья: вечному внимай!»

Этот голос у Бахрама дух воспламенил.
Шах от сказки и обмана взоры отвратил.

Видел: свертывают звезды бытия ковер,
Золотые своды замков превращая в сор.

Он семь куполов отвеял от очей, как сон;
В дальний — к куполу иному — путь собрался он.

Ведь один тот купол тлешьем будет пощажён;
В нем до дня Суда правдивый дремлет, опьянён.

Семерых седых мобедов шах призвать велел,
Семь дворцов семи мобедам передать велел;

Вечный пламенник под каждым сводом засветил;
В храмы пламени жилища страсти превратил.³

Стал шестидесятилетним старцем властелин;
Забелел в кудрях-фиалках седины жасмин.

Стал служить Бахрам, как богу, истине одной,
И чуждался неизменно радости земной.

Но однажды, чуждым ставший ловле и пирам,
С избранными на охоту выехал Бахрам.

Но не ловля, не добыча в стень царя влекла:
Сделаться добычей неба — цель его была.

Рать рассыпалась по степи. Каждый повергал
То онагра, то косую. Лишь Бахрам искал

Одинокую могилу для жилья себе.
Убивал порок и злобу бытия в себе.

В солонцах, где лань к потоку в полдень не стремится,
Где газели — зол громада, а онагр — гробница,⁴

Вдруг онагр, резвей, красней прочих, в облаках
Пыли показался, — мчался в сторону, где шах

Ждал его. Он понял: этот ангелом хранимый
Зверь — ему указывает непослушный

Путь в селения блаженных. Устремил коня⁵
За онагром. И могучий — с языком огня

Схожий легкостью и мастью — конь его скакал
По пескам, глухим ущельям, среди пустынных скал.

Конь летел, как бы четыре он имел крыла.
А охрана у Бахрама малая была, —

Отрок или два — не помню. Вот — пещеру шах,
Вещую в зной прохладой, увидал в горах.

Кладезем зиял бездонным той пещеры зев.
И онагр влетел в пещеру; шах вослед, как лев,

В щель влетел, в пещере яркий продолжая лов;
Скрылся в капище подземном, словно Кей-Хосров.

Та пещера стражем двери стала для Бахрама,
Другом, повстречавшим друга в тайном месте храма.

Вдруг обвал пещеры устье с громом завалил
И Бахрамову охрану там остановил.

И хоть поняли: в пещеру эту нет пути,
Но обратно не решались отроки идти.

Вглядывались в даль степную, тяжело дыша, —
Не пылит ли войско в поле, шаху вслед спеша.

Так немалое в тревоге время провели.
Наконец к ним отовсюду люди подошли,

Никому, ни даже кровной матери самой!..
Разум матери от горя облачился тьмой.

Жар горячечный ей душу несущил, спалил.
И тогда старухе голос некий возгласил:

«О неистовствующая, как тигрица, мать!
Что несуществующего на земле искать?»

Бог тебе на сохраненье клад когда-то дал;
А пришла пора — обратно этот клад он взял.

Так не будь невежественна, не перечь судьбе,
С тем простись, что рок доверил временно тебе!

Обратись к делам житейским. Знай: они не ждут.
И забудь про горе, — это долгий, тиетный труд...»

И горюющая гласу вещему вяла;
От исчезнувшего сына думы отвела.

Цепи тяжких сожалений с разума сняла
И делами государства разум заняла.

Трон и скинтр Бахрама-Гура внукам отдала.
В памяти потомков слава их не умерла.

Повествующий, чье слово нам изобразило
Жизнь Бахрама, укажи нам — где его могила?

Мало молвить, что Бархама между нами нет, —
И самой его могилы стерт веками след.

Не смотри, что в молодости — именным тавром
Он клеймил онагров вольных на поле! Что в том?

Ноги тысячам онагров мощь его сломила;
Но взгляни, как он унижен после был могилой.⁸

Двое врат в жилище праха. Через эти — он
Вносит прах, через другие — прах выносит вон...

Слушай, прах! Пока кончины не пришла пора:
Ты — четыре чашки с краской в лавке маляра.

Меланхолия и флегма, кровь и желчь, от ног
До ушей, как займодавцы, жидут твой чертог⁹

Не навечно. И расплаты срок не так далек.
Что ж ты сердце займодавцам отдаешь в залог?¹⁰

Умершие, что в могиле темной лица скрывали,
Взятый в долг свой цвет и запах персти воротили.

И до дня Суда, години грозной и великой,
Ни один из них живущим не откроет лика...

Нашей жизни ночь — опасность; на путях у нас
Страх, и страж уснул, и шарит вор в домах у нас.

Пусть землею обольщенный землю ест. Но что ж,
Сильный, ты ножу слабейших сердце предаешь?

Хочешь, чтоб тебе подластро ст: о небо, — встань
И, поправ его пятою, над землей воспрянь!

Не оглядывайся только, — и высоту с ремья
Неуклонно, — чтоб на землю с неба не упасть.

Твой кушак — светила реба. Ты — Танкалуша
Звездных ликом. Цепи снимет с них твоя душа.

В каждом лике, как в зеркале, сам витаешь ты.
Что же знаменьями тайны их считаешь ты?

Но хоть ты от ощущений звезд всегда далек, —
Дух твой, разум твой навеки свету их зажжет.

Кроме точки изначальной бытия всего,
Все иное — только буквы свитка твоего.

Знай: ты страж престола бога и его веница.
Ведома тебе дорога мудрости творца.

Ты гляди на добродетель, только ей внимай,
Не уподобляйся гаду, что ползет в пыли.

Помни: все, чем обладаешь, — ткали свет и тьма.
Помни: все, чего желаешь, — яркий луч ума!

О, скорей от рынка скорби отведи лицо!
Огонь, вода, земля и воздух здесь свились в кольцо.

Хоть четыре дымохода в хижине, — тесна!¹¹
И темна для глаз и сердца и душа она.

Две есть двери в мире, словно в воровском дому.¹²
Этот мир мы тащим, словно странничью суму.

Помни: до того, как будешь изгнан из села, —
Собери свои пожитки и нанючь осла.

В путь возьми с собою душу, тело позабудь:
Тело — тяжкий груз, и труден будет дальний путь.

В мир вступая, ведай: скоро должен ты уйти
Прочь. Так будь же осторожен на своем пути

Через этот мир. Умом он быстрым наделен, —
Медленный в борьбе с тобою, быстр в убийстве он.

Пусть несправедливо пленник будет им убит, —
В списке смерти ни единый им не позабыт.

Хоть сто тысяч раз сыграешь ловко, — все равно
Благ земных не вкусишь больше, чем предпрешено.

Льдом окованный, есть в чаше неба водоем.
Чтобы не застыть навеки в дивно ледяном

Воздухе высот, куда мы скоро отойдем,
Надо сделаться живыми, прежде чем умрем!

Царь земной, стоящий в славе, словно небесод,
В час негаданный утратит славу и умрет.

Никому не подначальный мир убил его;
Ни за что — бегущим диском раздавил его.

Но росы медвяной капля с терна бытия,
Смертный, собирай — покамест дана жизнь твоя,

Чтоб о них у двери мрака ты не пожелал
В час, когда исторгнут душу меч и жала стрел.

Ты отринь отраду мира, прежде чем уйти
В смерть, чтобы унести от смерти душу унести.

Человек двумя делами добрыми спасет
Душу: пусть даст он много, мало пусть берет.

Много давние — величия обретут венец.
Но позор тебе, обжора алчный и скупой.

Только тот достоин вечной славы, кто добра
Людам хочет, ценит правду выше серебра.

Можно ль привязаться к службе, — даже у царей, —
Что беременна опалой близкою твоей?

Не гляди на взлет надменный башни в облаках,
Помни, что и эти стены препратятся в прах.

Что ты мнил своим минбаром — плахою твоей
Делается. Что ж робеешь? Будь смелей пред ней!

Смертный пусть до звездной сферы вознесет венец,
Но земное вниз земного свергнет наконец.

Пусть Хосров, достигнув неба славой дел своих,
Дань берет с семи великих поясов земных, —

Все же в некий день увидишь мертвым и его,
Обездоленным, лишенным на земле всего.

Нападений тьмы избегнуть не вольна земля.
На сокровищнице мира бодрствует змея.

Сладкий сок имеет финик и шипы свои.
Где целительный змеиный камень без змей?

Все, что доброго и злого судьбы нам дарят, —
Это суть: услада в яде, и в усладе яд.

Был ли кто, вкушивший каплю сладкого сначала,
Вслед за тем не ощутивший метительного жала?

Мир, как муха, у которой медом впереди
Полон хоботок; а жало с ядом — позади.

Боже! Дай всегда идти мне правильным путем,
Чтобы мне раскаиваться не пришлось потом!

Двери милости отверзши перед Низами!
Дом его крылом — хранящим в бурю — обними!

Дай ему сперва ты славу добрую в удел;
Дай же под конец благое завершение дел!

КОНЕЦ КНИГИ, ХВАЛА АЛАДДИНУ КУРНА-АРСЛАНУ

Только пробой осветился звонный застой,
Что в Гяндже был по-румийски отчеканен мой,¹

Начертал я имя шаха, чтоб мой рука
Прославлялась по вселенной долгие века.

Шах — в румийских одеяниях славный властелин;
Рум ему палочи платит, дань большую — Чин.

На стезе наук и знаний, словно на весы,
Разум Бахтишу он ставит и престол Исм?

Все творение земное дышит только им,
Небо, преклоняясь, падает землею перед ним,

Стражу во дворце сменил, свет веки и тень,
И за службу получает две денешки и день.²

Благородство, словно мускус, тонка и пахнет;
Чистый жемчуг — порожденье заповедных вод.³

В пене весь эфир, осадком воздух замутнен,
Чист лишь он, великодушья основание — он.⁴

И просителям, обильней меккского песка,
Сыплет золото Египта шахская рука.

Меч Аладдина скалы твердые дробит,
Словно стружку от сандала он врагов палит.

Тонкий волос рассекает шахская стрела,
В облаках орла пронзает шахская стрела.

Как рассвет, на нем блистают латы и шелом,
Он кольчугу разрывает на луне копьем.

Шесть сторон земных кольчугой носит властелин,
Семь небес — его аркана лишь изгиб один.

Ты, на милость чью надеждой полон Низами,
Средь касид и песен века — песнь мою прими.

Твой венец да вознесется к тверди голубой,
Чтоб тебе казалось небо — небом над собой.

Близок ты, далек, что небо в зеркале воды,
Быстр и медленен, как солнце, как полет звезды

Время истинное в мире ты установил,
Установивавших время ты опередил.

Ты, как ангел светозарный, превосходишь нас,
Ты — как небо, и на небо ты возводишь нас.

И когда в венец дастана яхонт вправлен был,
Книгу я — чтоб не украли — шаху посвятил.

Я творенье посвящаю шаху моему,
Да прославлен буду славой, что дана ему.

Коль найдет по праву книгу твой высокий вкус,
Я, как твой венец высокий, в мире вознесусь.

Капельки росы медвяной стынут на шинах,
Божий дар небесной манной падает в песках.

Я тебе из сада мысли отдал лучший плод,
Чистый, сладостный, как в сливки погруженный мед.

Как инжир, в плоде роскошном сладки семена,
Сердцевина же — отборным миндалем полна.

В нем, для тех, кто ценит внешность, внешность
хороша,

А ядро для тех, кем выше ценится душа.

Мой дастан — ларец закрытый, полный жемчугов,
Ключ к нему — в особом строе и значенье слов.

Я для мудрых этот жемчуг стал не нить низать,
Что сумеют самый трудный узел развязать.

Все, что доброго и злого в ней ты видеть мог,
Это — мысли указанье, разума намек.

Я семи царевен сказки низложил похрип,
То — не сказки, в каждой сказке потаенный клад.

Сказку — у которой платые были короты,
Я стихом своим крылатым удлинил легко.

Ну, а сказка, что сверх меры выросла мне — длинна,
Тоже мной была искусно укорочена.

Я подарок царю щедрый подношу царю,
Кость тебе со сладким мозгом жирную дарю.

Книгу я украсил тонко, росписью одел,
Чтоб ценитель благосклонно на нее смотрел.

Дар мой здесь неслыхан, вдохновен был,
Я в жемчужные шкатулки мысли заключил.

Девственных красавиц много во дворце моем,
Целомудренных, с покрытым кисеей лицом.

Тот — из золота — звенящий, тот жемчужный стих,
И хоть мало притязаний, много смысла в них.

Знают пусть, что завязал я здесь узлом своим,
И что все могу я сделать словом лишь одним.

Почему же так узорно изукрасил я
Семь сокровищниц, в них тайну смысла затая?

Это потому, что чтение утомляет глаз,
А на росписи узорной отдыхает глаз.

Почему так длинно, спросишь, повесть и развил,
Чтением глаза, а уши пеньем полонил?

Потому, что много мыслей было у певца,
Как красавиц узкоглазых в глубине дворца.

В каждой дөве клад бесценный, сокровенный в ней.
К кладу ключ — под завитками амбровых кудрей.

Кто проникнет в недра клада — золото найдет,
Как на дне морском в Омане, жемчуг обретет.

Я — творец, мне был каламом сахарный тростник.
Пальма, полная плодами, — эта книга книг.⁶

Мой калам с шумящей нивы сладостных стихов
Посылает Утариду снои колосьев-слов.⁷

Утарид из тех колосьев дом себе воздвиг,
Ибо лишущих не любит созидатель книг.⁸

А когда я сам из замка скромности моей
Дар царю поднес — бесценней дорогих камней,

То в уплату за верблюдов с грузом золотым
Замок Бронзовый остался должником моим.⁹

Но богат должник мой, полон всякого добра,
«Бронзовый» не потому, что нет в нем серебра.

Эта глыба мощи, гору палицей дробя,
Дождь алмазов и рубинов сыплет вокруг себя.

Те рубины дорогие — чтоб друзей дарить,
Те алмазы, чтоб подошвы вражды узавить.

То не крепость, а Кааба; к ней ведет тропа,
Где стекается с молитвой праведных толпа.

Это — главный гвоздь вселенной, центр и нуп земли.
«Бронзовым» за неприступность замок нарекли.

В город твой завоеватель не сумел войти,
Не пузирь ли желчный лопнул у него в пути?

Джабал ар-Рахма — долина вокруг твоей святыни,
Бу-Кубейс — туманный поле на его вершине.

Пусть же будут вечны стены города сего,
Ибо солине починает во дворце его!

Ну, а если шах в осаду вражью попадет,
То мгновенно с голубыми письма он поплет,

Чтобы помощь из далеких сзлал крепостей,
Чтоб разбили и прогнали незваных гостей.

Я — жестоко осажденный в городе родном —
Убежать не мог, сражаться я не мог с врагом.

Словно с голубем, с дастаном весть я шлю сейчас.
Чтобы шах пришел и друга от осады спас.

Ты, чьи серьги носит вечный небосвод в ушах,
В драгоценных одеяньях сестопоный шах,

Посмотри, какое чудо мой калам явил
В дни, когда ты добрым словом дух мой окрылил!

Завершил я эту книгу в срок, когда идет
По Хиджре без семилетья шестисотый год.¹⁰

На четырнадцатых сутках месяца поста
Утром положил калам я и закрыл уста.¹¹

Пусть благословеньем будет книга для тебя,
Чтобы ты со славой правил, правду возлюбя.

Пей из этих бейтов воду жизни и любви,
Словно Хызр, живой водою упоен — живи!

Будь во всем велик душою, с жизнью подружись,
Царствуй долго, и да будет радостною жизнь.

Коль простишь мне, что на зов твой не явился я,
То позволь, чтобы достойно объяснился я.

Хоть и в море наслаждений, царь мой, ты живешь,
В этой книге наслажденье вечное найдешь.

И всего, что ценно в мире, выше в наши дни
Эта книга, остальное — тяготы одни.

Пусть сто лет наш век продлится, даже пусть —
Самый долгий прекратится век и в тьму уйдет.

Этот клад, что освятил я именем твоим,
Вечен будет, как небесный светоч, негасим.

Слово разума и правды завершаю я,
И тебя с открытым сердцем восхваляю я.

Счастливы буды! Пусть будет солнце хлебом для тебя,
Пусть стреманный будет послан небом для тебя!

Да пошлет творец владыке радостный удел
И счастливым увенчает завершением дел!

КОММЕНТАРИИ

Прежде всего необходимо прокомментировать название поэмы. В подлиннике вместо «красавица» употреблено слово «пейкар», смысл которого значительно шире. В классическом персидском языке, в частности в поэзии Низами, оно прежде всего означает: 1) тело, фигура; 2) небесное тело, планета, звезда; 3) портрет, а затем лишь (метафорически) — красавица. Не случайно, Алишер Навои, написавший ответы на поэмы Низами, назвал свою аналогичную поэму «Семь планет».

Низами в зависимости от контекста употреблял слово «пейкар» почти во всех вышеперечисленных значениях. Из названия поэмы он, скорее всего, вкладывал в это слово смысл «небесное тело», «звезда». Поэтому, на наш взгляд, было бы правильнее перевести название поэмы «Семь звезд». Первоначально же поэма называлась «Бахрам-наме» («Книга о Бахраме») аналогично другим поэмам, которые названы по именам их главных героев — «Хосров и Ширин», «Лепан и Меджнун», «Книга об Искендере» («Искендер-наме»).

ВОСХВАЛЕНИЕ

¹¹ Т. е. твоя сущность являла для всех пропитательных людей, но они могут узреть тебя лишь через твою творения, а не тебя одного.

¹² Черный шатер — ночной небосвод, белый шатер — дневной небосвод.

¹³ В подлиннике сказано:

Несмотря на всю расторопность разума,
Он теряется перед тобой, и это в порядке вещей.

Иными словами, разум, несмотря на присущую ему остроту, теряется, как только стремится постичь тебя, и это естественно, ибо ты так велик, что постичь тебя не дано никому.

¹⁴ Перевод двуступенчат. В подлиннике сказано:

Как может разум одолеть путь до тебя (т. е. добраться до тебя)?
Как может воображение справиться с этим делом?

¹ Все планеты, звезды, небесные и земные тела суетятся, толкуются у твоего порога, чтобы поклониться тебе.

² С помощью постоянных занятий я изучил все звезды, постиг тайны небесного мира, но, обрета тебя, я отрекся от всех них.

³ Бейт переведен неточно. В подлиннике буквально сказано:

Дабы в то время, когда будем отчитываться
о своих деяниях,

Этот бедняк стал венценосцем.

Смысл этого и предыдущего двустишия таков: Господи, возложи на голову Низами венец довольства малым, чтобы он не обращался из-за хлеба насущного к владыкам мира, награди его в этом мире нетребовательностью, чтобы в награду за лишения этот бедняк стал венценосцем на том свете в Судный день.

ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА МУХАММЕДА

¹ Когда Аллах задумался над сотворением мира, он взял свое перо и на хранимой скрижали начертал план и судьбы будущего мира и всех живых существ. Первой точкой круга он сделал Мухаммеда и на нем же замкнул круг. Это значит, что бог сотворил его раньше всех живых существ, в том числе ангелов и пророков, но явился Мухаммед в этот мир позже других пророков; он является последним пророком и после него других пророков не будет.

² Согласно понятиям средневековой астрономии, небо состоит из семи основных сфер и двух высших сфер над ними. Смысл бейта: Мухаммед — самое совершенное создание в поднебесном мире, самый уминый из всех обладающих разумом и самый красноречивый.

³ В подлиннике сказано:

Хотя он был неграмотным, но стал светочем [четырех]
матерей,
Стал светом [земного] ковра и сенью небесного
престола.

В стихе обыгран неполная омонимия слов «умми» — такой (такой, как мать родила его мать), т. е. неграмотный, и «уммахат» — матери, что означает четыре стихии (воздух, земля, огонь и вода), из которых состоит весь материальный мир.

Смысл двустишия: Хотя он и не учился грамоте, но стал основой, источником всего материального мира, светочем земли и сенью божественного небесного престола.

⁴ В подлиннике сказано:

Свод его чистых законов состоит из пяти фанфар,
Земное царство состоит из четырех подушек.

Основу ислама, как известно, составляют пять «столпов»: 1) исповедание веры, произнесение формулы: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник божий»; 2) молитва; 3) пост; 4) обязательная милостыня; 5) паломничество в Мекку.

Эти столпы ислама уподоблены пятикратным фанфарам. В середине века перед дворцами султанов и шахов пять раз в день громко били в литавры и играли фанфары, что символизировало могущество царствующей особы.

Во второй строке имеются в виду четыре «корня» правоверного мусульманского права: 1) коран; 2) предания; 3) решения старейшин общины (иджема) и 4) аналогия (кияс). В стихе они уподоблены четырем подушкам на сиденье престола могущественных венценосцев.

Некоторые комментаторы считают, что здесь имеются в виду четыре первых правоверных халифа: Абу-Бакр (632—634), Омар (634—644), Осман (644—656) и Али (656—661).

⁵ По мусульманскому учению, со времени создания мира до наступления Страшного суда пройдет 70 тысяч лет, а пророк родился через 7 тысяч лет после сотворения мира.

⁶ Четверо его избранных — его ближайшие сподвижники, первые правоверные халифы (см. прим. 4).

⁷ Одно из чудес пророка Мухаммеда заключалось в том, что он якобы мог расщеплять луну.

⁸ Избранный (по-арабски «Мустафа») — почетное прозвание Мухаммеда, ибо из всех пророков он единственный был принят Аллахом.

О МИРАДЖЕ ПРОРОКА

¹ Мирадж (Ми'радж) — вознесение, восхождение. Согласно кораническому преданию и мусульманской традиции, вознесение Мухаммеда к Аллаху совершилось вне времени — вода из опрокинутого кувшина не успела вылиться, — но за этот миг духовная сущность пророка покинула его телесную оболочку, оставила материальный мир и вознеслась выше на легендарном коне Бураке, оставив позади все девять небес. Аллах допустил Мухаммеда к себе на расстояние двух выстрелов из лука.

² Шесть граней или сторон — шесть физических измерений: юг, север, восток, запад, верх, низ.

³ Небесная Рыба — созвездие Рыбы.

⁴ Юсуф см. в Словаре.

⁵ Рабы обычно носили большие металлические кольца в ушах. Отсюда и идиоматическое выражение «вдевать кольца (серьги) в уши», что означает: быть покорным, исполнять бесприсовестно чьи-либо приказы.

⁶ Четыре орла — четыре стихии, из которых состоит материальный мир.

⁷ Кавус (Кей-Кавус) — легендарный иранский царь, который по наущению алых духов решил влететь в небо. По его приказу был приготовлен специальный паланкин, в каждом углу которого привязали по

одному орлу, а над голодными орлами повесили мясо. Орлы, стараясь достать мясо, взлетели вверх и подняли паланкин в воздух, но через некоторое время они обессилили и уронили паланкин с Кей-Кавусом.

⁶ Муштары — планета Юпитер, символом которого является сандл-ловый цвет; в средневековой медицине сандал использовался как лекарство от головной боли. Смысл двустишия: Мухаммед, заметив страдания Юпитера, мимоходом исцелил его своим дуновением.

О ПРИЧИНЕ СОСТАВЛЕНИЯ КНИГИ

¹ Я ответил Сулейману. — Как удалось установить нам, первоначально заказчиком поэмы был султан из Малой Азии — Сулейман-шах (1166—1204), сын Кызыл-Арслана. Низами посвятил свою первую поэму «сборщице тайн» его вассалу и шурину Бахрам-шаху Эрзинджанскому (1166—1225). Слава, выпавшая на долю Бахрам-шаха, побудила Сулейман-шаха тоже заказать Низами поэму. В дальнейшем по неизвестным причинам Низами отказался от первого адресата и посвятил поэму владетелю Мараци Курпа-Арслану (Корп-Арслану).

² Небесные Невесты — планеты, звезды.

³ В средние века существовал обычай гадать на песке.

⁴ По мусульманскому учению, человек создан из комка глины и капель воды. По поверью, жемчуг на дне морей образуется из капель дождевой воды, проникающих сквозь толщу вод в раковины.

⁵ Согласно представлениям тогдашней астрологии, созвездия Скорпиона и Стрельца вечно воюют между собой. Стрельцу и Скорпиону соответственно уподоблены поэт Фирдоуси (936—1020) и могущественный султан из династии Газневидов — Махмуд (999—1030), который якобы не заплатил поэту обещанной за эпическое «Шах-наме» награды, а тот написал на него злую сатиру.

⁶ К джиннам, волшебству учащихся, снова воззови! — см. Харут и Марут.

⁷ По легенде, Марнам — дева Мария, мать Мессии — Иисуса Христа (см. *Иса*) однажды села отдохнуть у высохшей финиковой пальмы, и тогда последняя расцвела и принесла ей сладкие финики.

⁸ Поэт уподобляет свое тростниковое перо — калам этой финиковой пальме, а память — Марнам.

ХВАЛА СЧАСТЛИВОМУ ПАДИШАХУ, ДА ОЗАРИТ ЕГО АЛЛАХ

¹ Кровь лозы — вино; лед — хрусталь.

² Четыре основания сущего всего — четыре стихии, составляющие основу материального мира (вода, огонь, воздух, земля).

³ У Курпа-Арслана, владетеля Мараци и адресата Низами, было два сына. В стихе они уподоблены двум зорям.

⁴ Прозвище старшего сына Курпа-Арслана было Пусрат ад-Дин, что в переводе означает «Победа веры», имя его было Мухаммед.

⁵ Второго сына Курпа-Арслана звали Фалак ад-Дин, что значит «Небо веры», а имя его было Ахмед.

⁶ Имена «Ахмед» и «Мухаммед» образованы от одного корня: «х-м-ада». Оба имени означают «Славный», «Преславный».

⁷ Желу Курпа-Арслана звали Бакис в честь парня Саяской, супруги пророка Сулеймана (см.).

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕЛЮЩЕГО ЗЕМЛЮ

¹ В средние века стражники, подбирившиеся обычно из чернокожих индусов, привязывали к поясу колокольчики, которые звенели при совершении ночного обхода. В стихе ночь уподоблена черным индусским стражникам, а луна — колокольчикам.

² Румец — тюрок, живущий в Руме (Малой Азии), а турки в поэме Низами — символы белланы. Зиндл — занзибарец, негр — символ черноты. Сардар — капитан, полководец. Смысл бейта: белый, как тюрок, день служит у тебя полководцем, но если ты лишешь его этого звания, то он превратится в ночь, черную, как негр.

³ Хотя скатерть небосвода просторна, но он менее щедр и великодушен, чем ты, ибо он кладет на скатерть всего две лепешки — солнце и луну, а ты кормишь семь планет — жителей семи обитаемых частей света.

⁴ Число «семь» является сакральной цифрой в восточной космологии. Поэтому в «Шах-наме» Фирдоуси герои обычно совершают по семь подвигов. Так, богатырь Рустам, главный герой эпоса, совершил семь подвигов для освобождения Кей-Кавуса в Массандаране; другой богатырь Исфандиар, отправляясь в Туран для освобождения своих сестер из плена, тоже совершил семь великих подвигов. «Двенадцать, вестников» — поединки двенадцати иранских и туранских богатырей, которые решили исход многолетней борьбы иранцев и туранцев в войну персидов. Эти поединки подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

⁵ По легенде, изложенной в поэме Низами «Искандер-наме», персид (здесь — грек, византиец) Александр Македонский изобретением желез, добываемого из камня-руды, сделал зеркало, а *Хизр* (см.) нарек в подземном царстве источник живой воды, нашедшей этот мир и обрел вечную жизнь.

⁶ По представлению средневековых географов, обитаемая часть земли состоит из семи поясов (климатов). Семь поясов — все земное царство.

⁷ Г. Мараци и Иран находятся в пятом поясе.

ВОСХВАЛЕНИЕ СЛОВА И НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МУДРОСТИ

¹ Поговорка: «Никто не назовет свое молоко прокисшим» употребляется, когда хотят подчеркнуть, что никто не станет порочить собственный товар.

² Опасаясь грабителей на больших дорогах, купцы возили мускус, пряпая его в камеди, чтобы запах мускуса не выдал его местонахождение.

³ По поверью, драконы спят на спрятанных сокровищах, сторожа их. По поверью, в голове змеи находится шарообразный камушек, который служит проглотителем от укуса змеи.

⁴ Лелестки тюльпана уподоблены золотым монетам.

⁵ Слово «золото» по-персидски состоит из двух согласных звуков и на письме изображается двумя буквами.

⁶ Три носильщика — минеральный, растительный и животный мир, составляющие основу существования человека.

Вторая строка переведена неточно. В подлиннике сказано: «А четыре носильщика расхищают твой дом». Под «четырьмя носильщиками» подразумеваются четыре стихии (вода, огонь, воздух, земля), которые разрушают все, постоянно враждуют между собой.

⁷ Уподобляя этот мир ланке мясника, поэт хочет сказать, что без страданий в нем невозможно достать и куска мяса.

⁸ Семь рогов — семь небесных сводов; четыре подковы — четыре элемента (вода, огонь, земля и воздух), составляющие материальный мир.

⁹ Тайный колодец — символ мировой мишуры, примитивных радостей, болото низменных страстей.

¹⁰ «Бек» здесь означает старость, «быть старостой, не находясь в селе» — идиоматическое выражение, означающее: все делать, но быть не у дел.

¹¹ Эфиопия, которая в классической восточной поэзии служила символом черноты, в данном стихе уподоблен родной город поэта — Гянджа. Писателю жаль, что его белые, красивые, как турки, стихи не ценятся в Гяндже.

¹²⁻¹⁴ Поэт жалуется на то, что пока он был молод, его стихи ценились высоко, хотя они и были «кислые» как незрелые виноградины, но когда он стал зрелым поэтом и начал писать сладкие, как спелый виноград, стихи, их теперь воруют придворные поэты, подобно осам, пьют их сок и даже жуют его.

¹⁵ Продолжая свою мысль, поэт говорит, что нет подлинного ценителя (винодела), нет заинтересованных людей, которые поощрили бы его труды.

¹⁶ Продолжая жаловаться на своих соотечественников, поэт говорит, что они не умеют отличать подлинную поэзию от лживых стихов одождных.

¹⁷ В персидском языке слово серебро — «сим» состоит из трех букв, если отбросить средний гласный «и» и переставить согласные, то получится «мис» (медь).

¹⁸ Широко распространенная и поныне поговорка «Он не отличает пень от веревки» употребляется применительно к глухим, тупым, самодовольным пенедам.

НАСТАВЛЕНИЕ СВОЕМУ СЫНУ

¹ По мусульманскому обычаю, есть мясо животного, не зарезанного особым образом, запрещается, но если собака на охоте принесет дичь, то ее мясо есть разрешено.

² Отрекись от трех, т. е. от тронны, являющейся символом христианства, будь благочестивым верующим.

³ Отрекись от дуализма, символа огнипоклошников, веруй в единого Аллаха.

⁴ Широко распространенная поговорка: «Ахмедчик был очень красив, но оспа его еще больше украсила». Т. е. безобразный стал еще безобразнее, или несчастный стал еще несчастнее.

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БАХРАМЕ

¹ Жемчуг — Бахрам; камень — его отец Ядигерд (Езатигерд).

² Сближение планет Муштар (Юпитера) и Зухры (Венеры) — счастливое предзнаменование. Бахрам родился под этим счастливым гороскопом.

³ Когда родился Бахрам, планета Бахрам (Марс) была в созвездии Льва, что сулило ему стать бесстрашным и отважным богатырем.

О ПОСТРОЕНИИ ХАВАРНАКА И О ДОСТОИНСТВАХ СТРОИТЕЛЯ СИМНАРА

¹ По-румийски — здесь по-гречески.

ОПИСАНИЕ ДВОРЦА ХАВАРНАКА И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПУМАНА

¹ Храмы дудийцев и манихейцев, живших в Китае. Книжки Туркестана, отличались исключительной роскошью убранства.

Кыбла — направление в сторону Мекки, куда обращаются лицом во время молитвы.

² Истина — бог, Аллах.

¹ Кей-Хосров — один из могущественных царей древнего иранского эпоса, жизнь и царствование которого подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси. Кей-Хосров в зените своего могущества отказался от власти и исчез в горах во время снежного бурана.

² Звезда Пеме́на — звезда Канопус в созвездии Корабль Арго (Сухейла).

ОХОТА БАХРАМА И КЛЕИМЕНИЕ ОНАГРОВ

¹ По поверью, сафьян, который изготовлялся в Пемене, своим блеском и отличным качеством был обязан силению Пеме́нской звезды — Сухейлы.

² Унести мяч — идиоматическое выражение, означающее «победить», «превосходить». Выражение взято из игры в конное поло — *чуган* (см.); побеждал в игре тот, кто клюшкой вводил мяч и проводил его через ворота противника. Смысл бейта: он был настолько ловок и искусен, что своей клюшкой доставал солнечный и лунный шары и играл ими, как мячом.

³ В стихе обыграны омонимия слова «даг», которое означает: 1) тапро, клейко и 2) страдания, муки. Смысл двустишия: Ныне нет ни одного существа, которое не было бы отмечено муками, гнетом насилия.

БАХРАМ УБИВАЕТ ЛЬВА И ОНАГРА

¹ Аджам здесь означает Иран, т. е. все, кто видел как Бахрам сразился одним выстрелом льва и онагра, поняли, что Бахрам будет истинным царем Ирана.

² Гур — онагр. Свое прозвище Бахрам-Гур получил якобы за то, что он постоянно охотился на гуров (онагров).

БАХРАМ УБИВАЕТ ДРАКОНА И НАХОДИТ КЛАД

¹ Во времена поэта зинджи — негры из Занзибара славилась как фокусники, которые ловко жонглировали красными ремнями. Т. е. онагр жадно отгонял своим хвостом мышку с крупа, а копытами чесал свои уши.

² Дев — Бахрам.
³ Гурхан — одно из прозвищ Бахрама, которое он получил за победу над предводителем среднеазиатских тюрков Гурханом. Гурхан одновременно означает «новедитель гуров-онагров».

БАХРАМ НАХОДИТ ИЗОБРАЖЕНИЕ СЕМИ КРАСАВИЦ

¹ Ягма и Тараз (ныне Талас) — города и области в Восточном (Китайском) Туркестане. Китай в поэзии Низами не соответствует современным географическим представлениям. Значительную часть современного

Китая в те времена составлял Восточный Туркестан, жители которого отличались белизной кожи, изысканством и красотой. Поэтому в поэзии Низами тюрки символизируют белизну. Говоря о дочери китайского хакана, поэт имел в виду дочь тюркского императора Ягмаиза, что означает «Прелесть Ягмы», «красавица из Ягмы», красоте которой могли бы позавидовать обитательницы других областей Туркестана — Тараза и т. д.

² Назери — прелестная, капризная фея, перн.
³ В одеянии румийском — т. е. в одеянии христианском, византийском; Рум в данном случае — Византия.

⁴ Хума — легендарная птица, приносящая счастье. По поверью, тот, на кого падала тень Хумы, становился царем. Хумаюн (ср. русское Гамюн) — осененный, ослепленный Хумой, августейший.

⁵ Имя иранской царевны искажено: ее звали не Дурасти, а Дурасад, что значит «Госпожа жемчужины».

БАХРАМ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОЦА

¹ Древнеиранские парсы носили специальный пояс с семью жемчужинами, символизирующими семь поясов земли.

БАХРАМ ПРИВОДИТ ВОЙСКО В ИРАН

¹ В этом и последующих двенадцати двустишиях поэт говорит о том, что еще в молодости он дал себе слово не идти по проторенному пути, не заимствовать, подобно придворным одоисенцам, чуждого образа жизни и т. д. Несмотря на то, что тема, избранная Низами, была общепринята вперые Фирдоуси в «Книге царей», что обуславливает некоторые черты в сюжете, эта поэма не будет повторением Фирдоуси, который, кстати, тоже изложил тему, разработанную в народных творениях и древних сказаниях. Из старых медных монет, датированных Бахрамом Фирдоуси создал блестящую, словно серебряную, монету, а из старых монет создал поэму, которая будет подобна золоту.

БАХРАМ БЕРЕТ ВЕНЦ

¹ По поверью, во время лунного затмения небесный дракон заглатывал луну; чтобы изгнать дракона и заставить его выпустить луну из пасти, люди били в тазы, поднимали шум. В стихе дракон отождествлен с драконом, а венец — луне.

ХУТБА СПРАВЕДЛИВОСТИ БАХРАМА-ГУРА

¹ Хутба — здесь речь. Точнее было бы перевести: «Третья речь Бахрама-Гура о справедливости».

ЗАСУХА И МИЛОСЕРДИЕ БАХРАМА

¹ Сближение созвездий Тельца и Альдебарана с Зухрой (Венерой), являющейся покровительницей искусства и музыки, приносит счастье и радость людям.

БАХРАМ И РАБЫНЯ

¹ По обычаю тех времен, особы, представшие перед царем, должны были целовать землю перед ним. Поэт, обыгрывая этот обычай, говорит, что онагр, пронзенный стрелой Бахрама, упал ниц, чтобы поцеловать землю перед ним.

² В поэзии Низами «узкоглазая» означает «тюрянка», «красавица», а метафорически — «скушая». Поэт обыгрывает эту омонимию, говоря: «Узкоглазая красавица тюрянка была скупа на похвалы шаху».

³ Т. е. Фити облачалась в шелковые одежды, ее красивые томные глаза были словно парижески, а ее ланиты адели и благоухали, как розы. Нарциссы — в классической восточной поэзии часто сравнивались с томными, хмельными глазами.

⁴ Восточные женщины пользовались основными семью косметическими красками: 1) хной (красноватой краской, которой красили волосы, кончики пальцев и ладони); 2) сурьмой (для придания блеска глазам); 3) басмой (черной растительной краской для бровей); 4) румянами; 5) белилами; 6) золотой фольгой и 7) галлей (смесь амбры и мускуса).

Двухнедельная луна — полная луна.

⁵ По поверью, земля держится на Быке (стоящем на Рыбе-ките), в козлах которого есть жемчужина; при свете этой жемчужины Бык по ночам выходит на сушу и пасется. Поэт, обыгрывая эту легенду, говорит, что обычно Бык носит жемчужину, а теперь жемчужина (головка Фити, разукрашенная драгоценностями) носит быка.

ХАКАН ЧИНА ВТОРГАЕТСЯ В ИРАН

¹ О Быке и Рыбе — см. предыдущее примечание. Часто употребляемое Низами выражение «от Рыбы до Луны» обозначает: от недр земли до неба.

² Слово «зардгушан» (желтоухие), переведенное здесь как «преступные смутяны», означает «люди, лишенные чести и совести», «сводняки» и т. д.; «уйти в черную воду» метафорически означает «ослепить от горьких слез».

³ Т. е. стрелы пронзали тела противников и так стремительно пролетали сквозь них, что не успевали обогреться кровью.

БАХРАМ ПОРНИЦАЕТ НАЧАЛЬНИКОВ ВОЙСКА

¹ Т. е. мы теперь, как рабы, будем беспрекословно сдаться шаху.
² По-персидски Арарат-Джуди, а «джуд» означает щедрость, великодушие. В двустопном обыгрывается неполная омонимия этих слов. В данном случае Арарату угодил Пуман, а кощегу Ною — щедрость Бахрама.

БАХРАМ ЖЕНИТСЯ НА ДОЧЕРЯХ ПАДИШАХОВ СЕМИ СТРАН

¹ В подлиннике вместо «семи стран» сказано «семь климатов». По представлениям средневековых географов, обитаемая часть земли состояла из семи климатов-поисов. Таким образом, Бахрам взял в жены семь принцесс не из семи стран мира, а из семи поисов земного шара; каждая из красавиц была дочерью царя многих стран, входивших в его пойс.

² Т. е. первая красавица, которую он привел в свой дворец, была из рода древних иранских царей.

ЗИМНИЕ ПИРЫ БАХРАМА И ПОСТРОЕНИЕ СЕМИ ДВОРЦОВ

¹ Вороны, украй певцов сада — соловьев, как все воры, кричали: «Держите вора!»

² Т. е. ворон, судя по его черному цвету, происходит из Индии, а индус, как известно, в поэзии метафорически обозначает похитителя. Поэтому неудивительно, что вороны, похитив певчих соловьев, кричали в саду: «Держите вора!»

³ Ветер, как художник, создавал на воде удивительно красивые узоры.

⁴ В стихе обыграны омонимы слов «ти», которое означает: 1) меч и 2) солнечный луч. Смысл двустопия: Хозяин, похитив меч у огня, на котором плавится сталь, превратил воду в острый меч — лед, а солнечные лучи превращал в воду и росу.

⁵ Горы в горностае оделись — т. е. покрылись белым, пушистым снегом.

⁶ Т. е. хотя розы и поблекли, но сок розовых лепестков, розовая вода хранились в запечатанных кушниках.

⁷ Серебряная пластина — лед.

⁸ На углях горели благоухания — алоэ и сандал, их черный, словно индеец, благоухающий дым стоял, словно индеец во время молитвы.

⁹ Платья уподобились ярко-красной (грудиной) ягоде — унаби (см.).

¹⁰ Сандаловые поленья пламенили, подернутые черным дымом.

¹¹ В подлиннике буквально сказано:

«Огонь был родом из тюрков, происходивших из Рума, А по прозвищу был «Свет очей индусов».

Т. е. яркое (белое) пламя огня напоминало белоснежных тюрков из Малой Азии, а для индийцев оно было словно свет очей. Но широко распространено в середине века неправильно представлено, индийцы были огнеспасителями, и поэтому огонь был им дорог, как свет очей.

¹² Когда Юнус (библейский Иона) попал во чрево кита, ему светил там огонь лампы; когда Муса (библейский Моисей) на горе Синай просил Аллаха показаться ему, огонь, исходящий от Аллаха, испепелил горы, легендарный тиран Нимрод велел бросить пророка Авраама (Авраама) в горящую печь, но огонь превратился в шестник; Иса (Исус Христос) был настолько беден, что угощал своих гостей дини, светом лампы.

В двуступный огонь в камне Бахрама сравнивается с огнем указанным пророком.

¹³ Пламя уподоблено золотому кладу, а дым — дракону, который, по поверью, охраняет клад.

¹⁴ Сират — мост через ад. Огонь для обитателей кумирен, поклонявшихся идолам, будет гешной огненной, ибо они попадут в ад, а для добродетельных мусульман, спокойно проходящих через Сират, ад покажется издали садом.

¹⁵ Зороастрийцы огнеспасители в своих храмах вели стихи по своей священной книге Зенд-Авеста, а маги, служители храма огня, во время исполнения куштов танцев, входа и выхода, свистали свои влассицу. Поэтому маги в стихе уподоблены мотылькам.

ОПИСАНИЕ СЕМИ ДВОРЦОВ

¹ В этом и следующих стихах объясняется, какому цвету и дню недели соответствуют семь планет: 1) Кейван (Сатурн) — черный цвет — суббота; 2) Солине — желтый цвет — воскресенье; 3) Луна — зеленый цвет — понедельник; 4) Маррих (Марс) — красный цвет — вторник; 5) Утарид (Меркурий) — голубой (синий) цвет — среда; 6) Мунитар (Юпитер) — сандаловый (бледно-коричневый) цвет — четверг; 7) Зухра (Венера) — белый цвет — пятница.

Как отмечал Е. Э. Бертельс, все эти символические соответствия происходят к древней вавилонской астрономии. В мусульманском мире, как известно, названия дней недели не связаны с астрономическими представлениями. В Европе же названия дней недели в целом соответствуют планетам, и хотя с течением времени эти представления сильно изменились, и искажились, но и сейчас можно установить, что порядок их тот же, который мы находим у Низами. (Е. Э. Бертельс. Избр. труды. Низами и Физули. М., 1962, с. 325).

ИНДИЙСКАЯ НАРЕЗНА

Повесть первая. Суббота

¹ Т. е. когда наступили вечерние сумерки.

² Она начала сиять благоуханную, как алоэ, речью.

СКАЗКА

¹ Неотпущенное серебро изображается черным цветом, а черной ночью — символ печали. Смысл бейта: Рассказав, какое горе постигло тебя, в тем самом очисти свое сердце, как серебро, очи от печали ищешь.

² Как вода живая, а вечном мире покой. — Легендарная вода, как это описано в последней главе Низами «Повестер-наме», находится во мраке подземного царства.

³ Только амбройю орошается нощь каффара. Т. е. как туман, божья, как каффара, день сменяется ночью, как амброя, речью.

⁴ Хустиин (зем.) с древнейших времен считался драгоценным камнем. Смысл двуступный: Ее рубиновые уста, которые приговаривают, издавали больше сладости, чем нощь селар Хустиин.

⁵ В стихе обыгрыва «создающей» слов «серебро» — известность, популярность творца и «творца» — творческий дар.

⁶ Т. е. невольница, подорвала «ворона», ослепила, девственница, а он сделал ее женщиной.

⁷ С каффарой сравнивается, люди невольники, а люди благоухают, сдоброй, источаемой ее черными волосами.

⁸ Когда наступила ночь, невольники искусственно нощь, «серебро» (глаза) (кабарт), и небо наполнилось ароматом смеси амброи с каффаром.

⁹ Т. е. я искал глотка воды, чтобы утолить жажду, а вода разлилась потоком и унесла меня.

¹⁰ Шабдиз — вороной конь; класть подкову и огонь — приносить средство, с помощью которого хотели познать у доброй женщины (или мужчины) страстное желание.

¹¹ В стихе обыгрыва невольная женщина «двой «мах» — душа и «малх» — рыба. Тюркизы сравнивает себя с душой, а невольница с рыбой.

¹² Согласно понятиям средневековых медиков, у страдающих падучей болезнью (эпилепсией) в полнолуние болезнь усиливается.

¹³ Серебро — здесь талия, пояс.

¹⁴ Душа подошла к губам — идноматическое выражение, означающее «находясь при последнем издыхании».

¹⁵ Или четверою «сладости» приподня меня — расстил меня.

¹⁶ Иды на кожонной подстилке голубой дини. — Кожаная подстилка служила для калей, состоявших во дворцах пахов.

¹¹ Герой последней поэмы Низами Искендер (Александр Македонский) в поисках живой воды отправился в царство мрака и тьмы.

¹² В первом полустишии «покроя» означает знамя, т. е. над троном должно развеваться черное знамя. Здесь содержится намек на черное знамя халифов из династии Аббасидов (750—1258) и сельджукских султанов (1045—1220).

Второе полустишие поэтически перефразирует поговорку: «Выше черного цвета нет».

ТУРКЕСТАНСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть вторая. Воскресенье

¹ Шах сказал сияющей, как святильник, красавице, чтобы она свои рубиновые уста украсила красивой речью, т. е. рассказывала какую-нибудь хорошую сказку.

СКАЗКА

¹ Т. е. он был словно ясное солнце в первый день весны.

² Госпожа Рума — византийская царица.

³ Т. е. она девственна.

⁴ Т. е. она часто строитно показывает свои жемчужные зубы сквозь коралловые губы.

⁵ Согласно понятиям мусульманской теософии, у Аллаха есть хранимая на небесах скрижаль, на которой он предначертал судьбы вселенной и всех людей (см. прим. 1 к главе «Восхваление пророка Мухаммеда»).

⁶ И заставить эту перу в дивный пляс пойти. — Т. е. заставить ее плясать, словно див, пуститься в сумасшедший пляс.

⁷ Содержание второй строки перефразирует посланницу, которая примерно означает: «С паршивой овцы хоть шерсти клок».

⁸ По поверью, всемирный потоп начался из печи старухи, жившей в горе Куфе.

⁹ Сближение Солнца со знаком Тельца, согласно понятиям средневековой астрологии, предвещало счастье, удачу.

¹⁰ Раньше вместо мыла пользовались глиной, которую смешивали с ароматическими веществами. Желтая глина, употребляемая в этих целях, ценилась дороже других сортов.

ХОРЕЗМСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть третья. Понедельник

¹ Сулейман — Бахрам.

² Она открыла свои сладкие, как сахар, яхонтовые уста и начала рассказ.

СКАЗКА

¹ Бишр — буквально значит «радость».

² Т. е. она своей красотой сразила Бишра.

³ Добавив один глагольный «а» после «ш», Малиха искажает значение имени Бишр, и получается «бешар» — злобный, нахулиный.

⁴ Малиха — буквально означает безыскусный, горький.

⁵ Так называемая «наука образованности» (илм-адаб) состояла из двенадцати отраслей. В нее входили коран и предания, алхимия, логика, стилистика и стихосложение, история и география, астрономия и астрология, грамматика и языковедение и т. д. Малиха хочет сказать, что он знал в совершенстве все эти науки.

⁶ Т. е. обычно люди судят о других по своей мерке, мерят на свой аршин.

⁷ Во времена поэта еще изготовляли зеркала из полированного железа; такие зеркала нельзя было описывать укусом, ибо они ржавели от этого. Укусом здесь уподоблены нечистое тело и гнусный характер Малихи.

⁸ Т. е. она сорвала покрывало со своих рубиновых, алых ланит.

⁹ Т. е. спас луну от дракона — Малихи.

СЛАВЯНСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть четвертая. Вторник

¹ Дей — десятый месяц иранского календаря, соответствует периоду с 23 декабря по 21 января; тир — четвертый месяц (с 23 июня по 23 июля). Смысл двустишия: В короткий зимний день, который был короче самой короткой летней ночи...

² Пун недели — середина недели, ибо мусульманское воскресенье соответствует пятнице европейского календаря.

³ Бахрам — Марс. День Бахрама — вторник, ибо планета Марс покровительствует вторнику (ср. французское Марди — день Марса).

⁴ В поэме Низами красный цвет символизирует русский и другие славянские народы. Поэт был хорошо осведомлен о значении слова «рус» (красный, рыжий) и роли красного цвета в русской народной поэзии.

⁵ Эмблема в виде лунного серпа украшала фронтоны дворцов и царские шатры сельджукских султанов. Поэт относит эту традицию к сасанидам.

⁶ Славянская княжна раскрыла свои алые, словно яхонт, уста и начала наизвождать перлы речей, как ожерелье.

СКАЗКА

¹ Т. е. он решил, что впереди его ждет смерть (меч и кожаный ковер — орудия казни, совершавшейся в присутствии царя).

² Фархад и Ширин — главные герои поэмы Низами «Хосров и Ширин». На скале Бисутун, у дороги из Хамадана в Кирманшах сохранились древние барельефные изображения, которые народная легенда связывает со сказанием о Фархаде и Ширин. Эти изображения в средневека считались одним из чудес света.

³ Т. е. когда наступила ночь.

⁴ Во времена Низами перед дворном могущественных правителей пять раз в день звучали фанфары и литавры. См. прим. 4 к главе «Восхождение пророка Мухаммеда». Смысл стиха: За то, что он сумел разгадать пять загадок, я готова принять его своим царем.

⁵ Древние алхимики называли чистое золото «червоной серой».

МАГРИБСКАЯ ЦАРЕВИЦА

Поэзия пятая. Среда

¹ Магриб, согласно понятиям средневековой географии, входил в пятый пояс обитаемой части земли и составлял современную северо-западную Африку.

СКАЗКА

¹ В стихе обыграна неполная омонимия слова «мах» (луна) и Махан — имени героя рассказа.

² Т. е. он был настолько красив и белозуб, что турки — символы белизны и красоты — могли бы служить у него стражниками.

³ На средневековом Востоке в городах стража менялась пять раз за ночь.

⁴ Низами метафорически называет день «белым человеком», ибо он своим появлением окрашивает весь мир в белый цвет.

⁵ Хаил — буквально значит «чудовищный», «странный».

⁶ Т. е. когда наступило утро, эти духи, словно заключенные, выбрались из работорговой темницы и растворились во тьме.

⁷ По тогдашним поверьям, духи могли быть мужского или женского рода (самцы и самки).

⁸ Глоток халифа — название неизвестного плода.

⁹ Т. е. вегетеро приоткрыл их воротники и показалась их подобные померанцам груди.

¹⁰ В средневековой медицине растертый сандал употреблялся в качестве лекарства от головной боли и горячки.

¹¹ Т. е. пока вино не выпито, оно благоухает, а когда оно выпито, то в желудке источает злоепононе.

¹² По поверью, в гониме некоторых змей находятся шарикообразные камешки, которые служат источником от змеиного укуса. См. прим. 4 к главе «Восхождение слова и несколько слов о мудрости». Смысл бейта: Я покупал змей ради камешков, заключенных в себе протиповиде, а они оказались простыми гадюками без камешей.

¹³ Т. е. он весь утончал и делал, словно природа и месяце Нисаа (апрель). Имеется в виду Халр (см.), измывавший заключенных в пустыне, который, согласно поверью, одет в зеленые одежды.

¹⁴ Каждый и синий был одежде — синий знак по нем. Синий, вернее темно-синий, цвет в мусульманских странах считался цветом траура начиная с 750 г. — приход к власти аббасидских халифов.

РУМЫНСКАЯ ЦАРИЦА

Поэзия шестая. Четверг

¹ Т. е. четыре пословицы планеты Мунара (Юпитеру, считающемуся счастливым «везет» планетой).

² Коха — сурьма для придания блеска глазам, в оригинале имеется «Депишан» сказано «дракон». Смысл бейта: Когда ракушка мирового эфира цвета сурьмы заполнила часть неба, она стала жемчужинами, т. е. когда на темном небе появились звезды.

³ Т. е. ее сладкие, как финики, уста начали источать сладкие речи.

⁴ В средневековой медицине шафран использовался как средство для поднятия настроения, ибо считалось, что он излучает смех.

⁵ Т. е. буду вести рассказ по лангану шахе, ибо не владею дорожным нашим языком, и, может быть, это разнесет шаха.

СКАЗКА

¹ Т. е. у Хейра были два рубина чистой воды.

² Развернул перед Хейром свиток с именем своим. Т. е. Шерр по казал, что означает его имя.

³ Туз — белая, упругая кора, употребляющаяся для обмотки луков, здесь она сравнивается со зрачком глаза.

⁴ Волу, который крутит жернов, закрывают глаза, чтобы он не заметил, что он ходит по кругу, на одном месте.

⁵ Мать и дочь, раньше при Хейре ходили с открытыми лицами, ибо Хейр ничего не видел, но когда он призвал, они закрыли свои лица, так как посторонний мужчина не имел права видеть их лица.

¹ Она подавала воду Хейру, а сама старела от страсти.

² Султан Востока — солнце.

³ Сближение Утариды (Меркурия) и Зухры (Венеры) — счастливое предзнаменование.

⁴ Хейр, который первый раз умер от жажды без воды, а второй раз — от любви к курдской девушке, обрел в ее лице живую воду.

ИРАНСКАЯ ЦАРЕВНА

Повесть седьмая. Пятница

¹ Зухра (Венера) — иранская царица Дурсат.

² И покамест не напали зинджи на Хозан — т. е. пока ночь не напала на день.

³ Т. е. когда вечерний сумрак своей сурьмой обострил глаза луны и других звезд, иными словами, когда наступила ночь и на небе появились луна и звезды.

СКАЗКА

¹ В средние века существовал обычай венчать на стену дома, сада колодки, чтобы уберечь их от воров.

² По поверью, змеи (драконы) охраняют клады. В стихе змеям уподоблены выходящие кость красавиц, обрамляющие ланиты, которые сравниваются с кладом, сокровищем.

³ Дюбка — подбородки, гранаты — груди.

⁴ Луна — девушки. Рыба — мифическая рыба, на которой держится, по поверью, земля. От Луны до Рыбы — от небес до недр земли.

⁵ Дархеми — серебряные монеты. Смысл бейта: Когда луна бросает серебряные монеты своих лучей в воду, рыбы уливают в глубь моря, а здесь, наоборот, рыба юнны стремилась к лунам-красавицам.

⁶ Т. е. купающиеся, стоя лицом друг к другу, из своих грудей образовали маленькие ляды.

⁷ Висутун — пыльные телега купающихся возбуждали (поднимали к небу колонну) хозяина сада и убивали, словно Фархада, от страсти.

⁸ Согласно легенде, изложенной Низами в поэме «Хосров и Ширин», Фархад прорубил через гору канал, по которому текло молоко к замку Ширин. В двустишии с молоком сравниваются молочно-белые тела купающихся.

⁹ По представлению средневековых медиков, у эпилептиков во время припадков учащаются припадки. Трепет хозяина уподоблен припадку, а красавица — луне.

¹⁰ Но — казалось — судный день он видел пред собой, Платоносным кинирисом стал был у любви.

В двустишии обыграна неполная омонимия слов «камат» (стан) и «ки-имат» — судный день, светопредставление. Кинирис — бесплодное дерево, в стихе же с помощью стилистического приема (онематизма) кинирисовый стан красавиц предстает украшенным плодами — гранатами, грудами.

¹¹ Т. е. юнша в рассказе девушек выглядел серебром, а в действительности оказался золотом.

¹² Вор, укравший масло, обычно дрожит от страха, ибо масляные следы могут выдать его.

ХАКАН ЧИНА ВТОРИЧНО ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ БАХРАМА

¹ Т. е. каждый ручеек превратился в широкую, полноводную реку, словно Нил в Египте, а ручьи стали обильными и прозрачными, словно рыбский источник Салсаби.

² По поверью, в день Страшного суда все небесные светила упадут на землю. Смысл двустишия: Весенняя природа была так прекрасна, что звезды, не дожидаясь Страшного суда, падали на землю, плененные ее красотой.

³ Шафран, по поверью, вызывает смех. Травицы при виде распутившегося шафрана рассмеялись и их слезы — капли — мгновенно испарились.

⁴ Т. е. на листьях липовника роса блеснула, словно алмаз, а песни (стебли) липы на зеленых листьях топили тину (см.), чтобы придать блеск своим глазам.

⁵ По поверью, водяная миа убивает скорпионов.

⁶ С лесостепей роз, благоухавших мускусом и камфарой, свисали золотистые капли росы, словно золотые струны в серебряных мочках ушей красавиц.

⁷ Т. е. разв. господствовала над садом, и воздух и земля благосклонно повиновались ей.

⁸ Т. е. солоней бьет и дитяры и пост перед розой, призывавшая ее своей верховной повелительницей так же, как перед дворном могуществом царя пяти раз в день торжественно звучали фанфары.

⁹ Перевод второго полустишия источник: вместо «прерывает» должно быть «скандирует», «повторяет»; бейт — двустишие.

¹⁰ Выхарь под утро пост свои песни, словно огненноклошники-зороастрийцы, распевавшие свои священные песни из книги «Зенд-Авеста» в драмах огня.

¹⁰ Раст-Роушан буквально значит «праведный-светлый». В этом и последующих стихах поэт обыгрывает это обстоятельство.

¹¹ Раст-Роушан нарочно искажает исторические факты для того, чтобы оправдать свои злодеяния. Жизнь и подвиги героев древнеиранского эпоса — Сиявуша, Дамшанда и других подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

Сиявуш, сын Кей-Кавуса, спасаясь от самодурства отца, нашел убежище у туранского царя Афрасияба и женился на его дочери, но вскоре был подло убит братом Афрасияба Гарсивазом. Дамшанд, один из первых царей древнего Ирана, под конец жизни возгордился и потребовал, чтобы ему оказывали божеские почести. Из-за этого народ отвернулся от него, и узурпатор Захак (см.) захватил власть и казнил Дамшанда, разделив его пополам. Дара (Дарий) — иранский царь, потерпевший поражение в битве с Александром Македонским при Гагамелах, был убит солдатами великомоками. Излагая речь Раст-Роушана, поэт раскрывает его низменную сущность.

¹² Т. е. если земля загрязнит воду, то последнюю очищают той же землей, фильтруя воду через нее; пропущенная же через землю вода выходит наружу в другом месте.

БАХРАМ И ПАСТАХ

¹ Отказаться от чьего-либо хлеба на Востоке считалось признаком обиды, неприязни. Бахрам дал понять Пастуху, что он не станет есть его хлеба, пока тот не расскажет ему, за что он повесил собаку.

² И явился злобный мытарь — т. е. сборщик податей.

БАХРАМ ВЕДИТ СХВАТИТЬ ВАЗИРА-НАСИЛЬНИКА

¹ Сам — один из главных героев древнеиранского эпоса. Он одним ударом двух мечей убил дракона и был за это прозван «Одноударный Сам». В тексте обыграны омонимия персидских слов «мен» и «луч». Т. е. одним ударом двух своих лучей сразу луну и осветило землю.

ЖАЛОБА ПЯТОГО УЗНИКА

¹ Текст в переводе искажен, в оригинале буквально сказано:

Пятый заключенный сказал звездному шаху:
«О ты, чей четырехугольный шатер равен небосводу».

Шатры царей отличались от обычных шатров своей четырехугольной формой.

² Т. е. я, как покорный раб, верно служил шаху.

СЕДЬМОП УЗНИК

¹ Дервиш хочет сказать, что ему не нужна никакая казна, а нужно духовное богатство.

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕЛ БАХРАМА И ПОСЛЕДОВАНИЕ ЕГО В ПЕЩЕРУ

¹ В подлиннике сказано:

Нанизыватель рубинов на ожерелье этой [пещеры],
Который наполнил уши мира этими драгоценностями,
Сказал...

Т. е. летописец, который составил эту повесть из драгоценных перлов мудрости и красноречия. Имеется в виду Фирдоуси.

² Т. е. разум подсказал Бахраму, что нет ничего лучшего и заветнее в этом мире, где небесный свод постоянно врывается, где радости и удовольствия преходящи; поэтому отвергшись от суетного и бренного, обратившись взором к пещерному, т. е. к застойной жизни.

³ В восточных храмах над жертвенниками постоянно горел священный огонь. Поэт обыгрывает и двусмысленно слово «огонь». В подлиннике сказано:

Он вдруг поднял огонь к каждому из дворцов,
В том смысле, что превратил их в храмы огня.

⁴ В этом и двух предыдущих двустишиях обыгрывается омонимия слова «гур», которое означает: 1) огар и 2) могила.

⁵ Селение блаженных — обиталище усопших нечистым сном, забытый мир.

Уадади: вход в пещеру камнем заперт.
И в молву змеи змеиный камень заключен.

Змею, дракону здесь уподоблена пещера, а легендарному камешку в ловле змеи, служащему якобы противоядием, — Бахрам. Т. е. нужно разрыть пещеру, чтобы извлечь оттуда Бахрама подобно тому, как нужно убить змею, чтобы извлечь из ее головы волшебный камешек.

⁷ По поверью, слоны перед смертью отправляются на свою родину, в Индию, чтобы умереть там.

⁸ Здесь опять обыгрывается омонимия слов «огар» и «могила».

⁹ В этих стихах человеческое тело уподоблено кувшину маляра, содержимое которого состоит из четырех красок: крови, флегмы, желчи и черной желчи (меланхолии). Каждая из этих жидкостей, применительно кувшину тела, соответствует определенному характеру. Если в кув-

— ише красной краски (крови) больше, то характер владельца тела сап-ганический, если больше флегмы — он флегматик, желчь соответствует холерическому темпераменту, а черная желчь — меланхолии.

¹⁰ В этом и последующих стихах поэт развивает мысль о том, что земная жизнь человека бременна и поэтому следует стремиться не к мирскому, материальному, а к духовному богатству.

¹¹ Хижина — этот мир: четыре дымохода — четыре стихии (воздух, вода, земля и огонь). Смысл бейта: Этот мир тесен, он подобен хижине с четырьмя дымоходами-стихиями, которые постоянно враждуют между собой, заполняя хижину слезоточивым дымом — мучительными страданиями, поэтому не следует обольщаться им и принижаться к нему.

¹² В домах у поров всегда имелись две двери. Одна из них служила запасным выходом на случай прихода стражи. Поэт уподобляет мир воровскому дому с двумя дверями, через одну из них люди приходят в этот мир, а через другую — уходят. Странничья сума — мешок с четырьмя ручками, который паломники носили на плечах, вдев руки в нижние ручки. Четыре ручки этой сумы уподоблены четырем стихиям. Смысл двустишия: Мы по-воровски приходим в этот мир через одну дверь и уходим через вторую; мы временно носим на плечах груз бременной жизни.

КОНЕЦ КНИГИ, ХВАЛА АЛАДДИНУ КУРПА-АРСЛАНУ

¹ Золотые византийские (румийские) монеты славилась чистотой пробы, на них было отчеканено имя шаха. Поэт говорит, что он отлил в Гяндже из золота высочайшей пробы чудесную монету (поэму) и отчеканил на ней имя шаха.

² Т. е. правитель Аладдин Курпа-Арслан по своим знаниям и мудрости равен знаменитому врачу аббасидских халифов Бахтишу (VIII—IX вв.), а по высоте его престол достигает четвертого небосвода, где находится Иса (Иисус Христос).

³ Небо, целую землю, сменяет стражу перед дворцом шаха, т. е. день и ночь. За свои труды оно получает две лепешки — солнце и луну.

⁴ Как бы ни прятали мускус, он дает знать о себе запахом, и шах, как бы ни старался не выставлять напоказ свое благородство, его деяния выдают его.

⁵ Эфир — здесь означает последний, девятый небосвод, наполненный огненным эфиром. Смысл двустишия: Все пространство от земли до последнего небосвода наполнено неискренностью, злом, но, несмотря на это, шах сохранил в этой атмосфере свой добрый, великодушный нрав.

⁶ Поэт хочет сказать, что он писал эту поэму не обычным тростниковым пером, а каламом из сахарного тростника и поэтому она полна сладости — сахара и фиников.

⁷ Утарид (Меркурий) — небесный писец. Он находится в созвездии Девы. Поэт обыгрывает здесь неполную омонимию слов «Сунбула» —

созвездие Девы и «сунбула» — колос. Низами хочет сказать, что его поэма достойна пера небесного писца — Меркурия.

⁸ Смысл текста несколько искажен. В оригинале сказано:

Созвездие Девы одобрило и присвоило мой колос,
Хотя и писатели не любят друг друга.

Т. е. хотя писатели не любят друг друга, Дева одобрила мою поэму и ввела в свой чертог.

⁹ Бронзовый Замок (Руиндеж) — одна из древнейших крепостей, принадлежавших властителю Мараги Аладдину Курпа-Арслану. Смысл двустишия: Я отправил владельцу Бронзового Замка свою поэму, равную по цене золоту, нагруженному на несколько верблюдов; теперь владетель замка стал моим должником и должен расплатиться со мной.

¹⁰⁻¹¹ Т. е. поэт завершил свою поэму 14-го рамадана 593 г. х., что соответствует 31 июля 1197 г. н. э.

СЛОВАРЬ

собственных имен, географических названий
и непереведенных слов

- Аббасиды** — династия арабских халифов (749—1258).
Абассиды — см. Хабеш.
Абу-Дуаф — см. Асади.
Авеста — священная религиозная книга зороастрийцев. (см. Зардушт)
Адам — первый человек, сотворенный Аллахом из глины и плаги, прародитель человеческого рода, причисленный исламом к числу шести великих пророков (Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус и Мухаммед).
Аден — область и город на юго-востоке Аравийского полуострова; славился своими жемчугами. Аденское море — Аденский залив.
Аджам — все иранские страны, входившие в состав средневекового халифата (см. халиф). Этим словом чаще всего обозначался Иран.
Адам — рабский раб (впоследствии освобожденный в сан эмира) могущественного султана из династии Газневидов Махмуда (999—1030).
Аджан — крытая терраса перед домом или портик дворца; приемный зал, отделенный от двора аркой.
Ахмедианцы — род владельцев Марати, основанный Аксункаром Ахмедидом (1131—1134). Курна-Арслан (Корн-Арслан), которому впоследствии была предана поэма, был потомком Аксункара Ахмедидов.
Алмагест — распространенное в средние века название главного труда античного ученого Птолемея Клавдия, известное на Востоке также под названием Меджесте (от греч. «магисте» — «величайший»).
Амь — благоуханное дерево, которое во времена Низами приносило чаще всего из Индии. Его сжигали в курительницах.
Амьбурз (Эмьбурс) — горный хребет, огибающий южный берег Каспийского моря. Его высшая точка — потухший вулкан Демавенд, у подножья которого расположен Тегеран.
Амьра — благоуханное вещество, широко применявшееся на Востоке. Добывается из жемчуга и кишечника кашалота.
Анка — огромная мифическая птица, которую нельзя видеть; синоним всего невиданного, нематериального.
Ануширван — бессмертный, прозвище иранского царя из династии

СЛОВАРЬ

- Сасанидов Хосрова I (531—579). После него царствовал Ормуз (579—590), а после Ормуза — прототип героя «Хосров и Ширин» Низами Хосров II Парвиз (590—628). При Ануширване была произведена оценка всех земель и установлены точные размеры налогов, до чего раньше производилось произвольно, за что царь был прозван Справедливым.
Арабистан — Аравийский полуостров.
Арасту — см. Аристотель.
Арзаван — распространенное на Востоке дерево или полукустарник с ярко-красными цветами, называется также «кудизим деревом», «красным багрового или пурпурного цвета».
Ардашир Бабахан — основатель династии Сасанидов в Иране (224—241).
Аржанг (Эрженг) — священная книга манихейцев (см. Мани), которая будто бы была украшена предельными миниатюрами. Символ прекрасного, изысканного.
Аристотель — древнегреческий философ (384—322 до н. э.), ученый-энциклопедист, воспитатель Александра Македонского. Известен на Востоке под именем Арасту.
Араш — персонаж «Шах-наме» Фирдоуси, искусный стрелок из лука, благодаря которому иранцы одержали победу над туранцами.
Арран — древнее название западной части современного Советского Азербайджана, столицей этой области были *Барда* (см.), а затем Ганджа — родина Низами. В средневековой географии Арран и Армения зачастую рассматривались как одна страна.
Асади — персидско-таджикский поэт (XI в.), автор поэмы «Гершасп-наме» (1046—1066), которая была переведена Абу-Дуафом, прадедом Шахнешеви.
Астролябия — угломерный прибор, употреблявшийся в средние века для определения положения небесных светил.
Атабек (бука, отец-воспитатель). После распада Сельджукидской империи на мелкие султанаты-княжества феодальная власть перешла в руки атабеков — воспитателей сельджукидских принцев.
Афрасиаб — легендарный туркский царь, патриарх турков. Его личность в иранском эпосе Кей-Хосровом подробно описана в «Шах-наме» Фирдоуси.
Ахриман — имя злого духа в древнеиранской дуалистической религии. Ахриман — прародитель зла на земле, враг человека, находящийся в постоянной вражде с богом добра Ормуздом (Ахурамаздом).
Аят — стих в Коране. Текст Корана подразделяется на сурь (главы), а последние и свою очередь состоят из стихов.
Бабек — ныне город Амоль в Иране.
Багдад — один из древнейших городов и культурных центров Востока, столица арабского халифата с 755 по 1258 г., ныне столица Ирака.
Бадахшан — в средние века обширная область, охватывавшая юго-восток Памира (ныне Горно-Бадахшанская автономная область, Таджикистан).

ской ССР) и горные районы северного Афганистана. Там добывали драгоценные камни — рубины (далы) и гранаты. В стихах Низами красавицы часто сравниваются с «бадахшанскими далами».

Балхис — см. Бельхис.

Барбат (*барбед*) — восточный струнный музыкальный инструмент наподобие лютни.

Басма — растительная черно-зеленая краска для волос и бровей.

Бахрам — планета Марс.

Бахман — сын *Исфендияра* (см.), персонаж «Шах-наме» Фирдоуси; после смерти отца захватил в Иране престол и отомстил потомкам *Рустаму* (см.).

Бахтишу — знаменитый придворный врач аббасидских халифов (VIII—IX вв.).

Бейт — двуступенка.

Берат — вексель, доверенность, письмо о выплате денег и выдаче имущества и т. п.

Бижен — один из персонажей «Шах-Наме» Фирдоуси. В наказание за любовь к дочери туранского царя Афрасиаба прекрасной Маниже он был посажен в глубокий колодезь.

Билькис (*Билькис*, *Бильсейс*) — жена царя Сулеймана (Соломона), библейская царица Савская.

Бисутун — скала у дороги из Хамадана в Керманишах (северо-западный Иран). По приказу Дария I (V в. до н. э.) на ней были высечены клинописная надпись и рельефные изображения, которые впоследствии связывались с легендой о Фархаде. В этом же районе находятся развалины шахского дворца, известные под названием «Замок Ширин».

Бузурджмихр — арабизированная форма имени Бузургмихра, знаменитого визира Ануширвана; символ мудрости и учености.

Бу-Кубейс — гора близ Мекки.

Булинас Румийский (*Аполлоний Тианский*) — философ-неопифагорец, математик (ум. ок. 100 г. н. э.), много путешествовавший по Востоку. Легенды о нем как о маге, заклинателе, чарошее были широко распространены.

Бурак — легендарное животное (полукоз, полумул), на котором Мухаммед совершил свое вознесение.

Бурджейс — планета Юпитер.

Буртасы — племя, обитавшее в низовьях Волги, тюркского или финно-угорского происхождения.

Бухари — Мухаммед ибн-Ислам ибн-Ибрахим (810—870), бухарский богослов и ученый. Прославился тем, что собрал подлинные предания (хадисы) о пророке Мухаммеде и назвал свой труд «Ал-Джами ас-Сахих» («Достоверный свод»).

Вазир — (везир, визирь) — главный советник шаха, первый министр.

Гавриил — см. *Джабраил*.

Газель — небольшое лирическое стихотворение, построенное на мот-

норифме (аа, ба, па и т. д.); второе значение слова «газель» — антилопа, отличающаяся стройностью и быстротой бега.

Газна — средневековый город, столица султана Махмуда (999—1030), основателя династии Газневидов. Развалины Газны находятся около г. Газнин в Афганистане.

Гален — знаменитый греческий врач и философ (131—210 гг. н. э.).

Гебры — распространенное и популярное в Иране мусульманское название зороастрийцев. Низами называет гебрами также индийских огнепоклонников-незороастрийцев.

Гива — богатырь, витязь, один из героев «Шах-Наме» Фирдоуси.

Гуль — злой дух, который незаметно сбивает путника с дороги и заставляет его плутать, а затем пожирает его.

Гумбаз — гробница с куполом.

Гурган — город в Иране.

Гур — дикий осел, онягр. Название это созвучно слову, означавшему по-персидски — могила.

Гур — (с гортанным «г») — старинное название области, занимавшей часть территории современного Афганистана.

Гурхан — прозвище Бахрама.

Гуричи — вечно девственные и вечно юные райские девы, которые предназначены в рай для праведников.

Гуштасп — мифический царь и герой древнеиранского эпоса. По преданию, он впервые принял веру Зардущта — зороастризм.

Гяз — мера длины, соответствует старому «локтю», немного меньше метра.

Гянджа — родина Низами, один из древнейших городов Азербайджана. В XII в. Гянджа была не только столицей Азербайджана, но и политическим, экономическим и культурным центром Закавказья, Ближнего и Среднего Востока. Гянджа находилась в пяти километрах к северо-востоку от современного г. Кировабада.

Дабир (*дебир*) — писец, секретарь, письмоводитель при дворе.

Данаб (*Денеб*, *Зенаб*) — звезда Альфа в созвездии Лебедя, астролягии считали ее влияние вредным.

Дара — см. *Дарий*.

Дари — язык персидской классической литературы.

Дарид — древнеперсидский царь Дарий III Колочен (336—330 гг. до н. э.), последний из династии Ахменидов, империя которого разгромил Александр Македонский.

Дастан — сказание, поэма, сюжетный рассказ, нередко «роман» — история влюбленных.

Дастархан — скатерть.

Дастур — советник шаха в древнем Иране.

Дей — десятый месяц древнего иранского солнечного календаря (с 23 декабря по 21 января).

Деравш — мусульманский монах, зачастую странствующий.

Джабраил — вестник Аллаха, в Библии ему соответствует архангел Гавриил.

Джамшид (Джемшид, Джам) — мифический царь древнего Ирана, в царствование которого не было ни болезней, ни смерти, ни вражды. Когда Джамшид возгордился, бог в наказание отдал его во власть тирану Заххаку, который зверски казнил его — раскинул пилой пополам. Джамшид был обладателем чудесной чаши, с помощью которой мог видеть все, что происходило в любой точке земли. Легенды приписывали ему и установление *Новруза* (см.).

Джан — душа, душечка.

Джабал ар-Рахми — гора близ Мекки.

Джейран — вид антилопы. См. «газель» во втором значении.

Джейхун — арабское название Аму-Дарьи.

Джуляб — сироп из лепестков роз, который кладут в халву, применяют как лекарство и т. п.; розовая вода.

Джемавед (Демавед) — гора к северу от Тегерана, покрытая вечными снегами.

Дестур — советник.

Дехлиз — прихожая, коридор, открытая галерея.

Деций — римский император.

Джизья (газит) — подушная подать, взимаемая в мусульманских странах с иноверцев.

Джим — пятая буква арабского, шестая — персидского алфавита.

Джинн — злой дух, демон громадного роста и страшного вида, умеющий мгновенно менять свой облик.

Дия (перс.) — злой дух, демон.

Диван — правительственная канцелярия, государственный совет наподобие старых русских приказов; другое значение — сборник стихов одного или нескольких авторов с определенным порядком расположения материала.

Динар — золотая монета.

Дирхем — мера веса и название монеты (от греч. «драхма»), обычно серебряной, весом около 3,5 г.

Диххам — первоначально представитель домусульманской иранской земельной аристократии, потом этим термином стали обозначать землевладельца-крестьянина. У Низами часто употребляется в значении хранителя древних преданий.

Дувал — глиняный забор.

Занг (Занкибар) — Занзибар, группа островов у восточного побережья Африки; у Низами — вообще страна, населенная неграми.

Замзам — священный колодец в Мекке около храма *Каабы* (см.). Его минеральной воде приписывают чудотворные свойства.

Заратустри — см. Зардушт.

Зардушт — Зороастр, основатель зороастризма, древней религии Ирана и некоторых других сопредельных стран до VII в.; главным в этой религии был культ огня.

Зардушти — зороастриец (см. *Зардушт*).

Заххак — узурпатор и тиран, отнявший власть у законного царя

Джамшида. Жизнь и деяния его подробно изложены в «Шах-наме» Фирдоуси. Заххак буквально обозначает «змиа», ибо злой дух Иблис пощипывал его плечи, после чего из них выросли две змеи, которых он должен был кормить каждый день мозгом двух юношей. Он проправствовал тысячу лет. Восставший народ под руководством кузнеца Кави сверг Заххака и приковал цепями к вершинам горы Демавед. После него в власти пришел законный царь Фаридун.

Зенд (Зенд-Авеста) — название священной книги зороастризма, расположенное во времена Низами. В действительности книга называлась *Авеста*, а *Зенд* — позднейший комментарий к ней на языке Пهلви.

Зиндан — темница, тюрьма.

Зуннар — грубый волосяной пояс, который обязаны были носить христиане, подданные мусульманских правителей. Зуннар обозначает также ритуальный пояс, который носили зороастристы-огнепоклонники.

Зухра (Зухре) — планета Венера, уподоблявшаяся небесному зари-канту; на старинных восточных миниатюрах изображалась в виде прекрасной женщины с бубном в руках. См. также: *Афрут* и *Маруг*.

Ибрагим (Ибрахим) — библейский Авраам, причисленный к предкам к сонму шести великих пророков. По мусульманской традиции, Ибрагим был сыном Азера-идоложца. Призвав единобожие, Ибрагим начал разрушать созданные отцом и друзьями идолы. Тиранивший иудаизм и христианство Ибрагим возмущал, что отцы и нечестивцы превратили в идолов и служителей Ислама. За свое безразличное веру и богоборчество он получил прозвище Хаммуллах — Друг Аллаха.

Изд — см. *Издн*.

Икдиль — географические области, на которые делили тогда всю известную часть суши (Хорасан, Ирак, Занзибар, Рум, Индостан, Египет). Икдиль — также семь обитаемых поясов между воображаемыми линиями, проведенными параллельно экватору: до 20°, 27°, 33°, 38°, 43°, 47°, 54° с. ш. Прочие северные широты считались необитаемыми.

Ильяс — распространенный персонаж восточных легенд (в Библии ему соответствует Илья-пророк), помогающий мореплавателям, спасающий терпящих кораблекрушение. На суше аналогичные благодеяния оказывает *Хызр* (см.).

Индия — во времена Низами включала в себя территорию современной Индии, Бангладеша и Пакистана. Индия в классической поэзии из-за смуглости населения являлась синонимом черноты. Индийцы (индусы) обычно служили стражниками у восточных правителей.

Индостан — см. *Индия*.

Иосиф — см. *Юсуф*.

Ирак — в средневековой географии существовали два Ирака: Ирак арабский (Иран-и араб) и Ирак Персидский (Ирак-и аджам — буки, Ирак неарабский). Первый включал в себя почти всю территорию современной Иракской арабской республики, а второй состоял из центральной

части современной Исламской республики Иран, включая Тегеран, Керманы, Хамадан, Малайр, Арак, Гулпаяган и Исфахан.

Иредж — младший сын Фаридуна, легендарного царя Ирана. Фаридун в старости разделил свое царство между тремя сыновьями — Туром, Сальмом, Иреджем. Иран, центральная часть державы досталась Иреджу, а Туру и Сальму — Туран и Рум. Сальм и Тур из зависти убили Иреджа, из-за чего возникла длившаяся веками вражда Ирана и Турана. Предание об Иредже подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси.

Ирем — прекрасный сад, созданный мифическим тираном Шеддадом, который решил устроить на земле подобия ада и рая. По легенде, Шеддад умер, не успев войти в свой рай.

Иса — Иисус Христос, причисленный в исламе к шести великим пророкам. Мусульманский Иса — не сын Бога, а лишь пророк, человек, предавший людям божественное откровение. Согласно поверью, Иса обладал способностью воскрешать мертвых своим дыханием.

Искендер — Александр Македонский (356—323 до н. э.).

Исфаган — один из древнейших городов Ирана.

Исфендиар — легендарный иранский богатырь, обладавший будто бы железным телом, один из героев «Шах-наме» Фирдоуси.

Ифриты — самый страшный и злобный вид нечистых духов.

Йемен — страна на юге Аравийского полуострова; в поэзии Низами — синоним счастья, счастливого предназначения (см. *Сухейла*).

Кааба — храм в Мекке кубической формы, где хранится священный монолит — черный камень. Кааба — величайшая святыня ислама, к которой совершают паломничество и в сторону которой обращаются во время молитвы мусульмане.

Кабарга — разновидность небольшого безрогого оленя; из мускусов желез самца кабарги добывают *мускус* (см.).

Кайсар (кейсар, кисра) — византийский император, арабизированная форма слова «кесарь» (цезарь).

Каюмарс — см. *Сиямак*.

Калам — перо для писания, изготовлявшееся из тростника.

Камфара — кристаллическое белое сильно пахнущее вещество; добывается из камфарного дерева, произрастающего в юго-восточной Азии и употребляется как возбуждающее средство.

Камча — кнут, хлыст, плетка.

Канопус — см. *Сухейла*.

Карнай — труба, рожок (духовой инструмент в виде длинной трубы).

Карун — легендарный богач (в Библии — Корей), который был проклят Мусой (Моисеем) за скупость и поглощен земель. Предание о сказочно богатстве Каруна идет от мусульманской традиции.

Касаб — тонкая желтая льняная материя; в мусульманских странах ее должны были носить евреи для отличия от мусульман и христиан.

Кавус — см. *Кей-Кавус*.

Касыда — большое стихотворение с монорифмой (аа, ба, ва и т. д.), нередко панегирического или философского содержания.

Каф, Кафские горы — легендарные горы мифической восточной географии, находящиеся на краю земли. В этих горах обитает птица *Симург* (см.).

Кашмир — область в Индии.

Кебаб — жареное на пертеле мясо, шашлык.

Кей — титул древних иранских шахов из мифической династии *Келлидов* (см.), иногда синоним слова *шах*.

Кейван — планета Сатурн, символ необратимого времени, несущего несчастья и смерть.

Кей-Кубад — легендарный шах древнего Ирана, прославившийся своим могуществом и пышными ширмами.

Кей-Хосров — легендарный шах древнего Ирана, в «Шах-наме», где рассказана история его правления, Кей-Хосров на вершине своего могущества отрывается от власти и таинственно исчезает в горах.

Киноварь — минерал красного цвета, а также получаемая из него красная краска.

Китай — в поэзии Низами страна тюрков, не соответствующая современному географическому представлению о Китае, Китайской Туркестан, страна, откуда привозят прекрасных белокожих рабынь-тюрчанок, где живут искусные художники. Китай — это также Восток, страна восходящего солнца.

Ковсар (Коусер) — один из райских источников, упоминаемых в Коране.

Колоквинт — горькое на вкус, ядовитое растение; применялось в медицине.

Константинополь — столица Византии до 1456 г., когда турки завоевали его и переименовали в Стамбул.

Курпа-Арслан, Корп-Арслан (1174—1208) — правитель, Мараги и владетель мощной крепости Руиндеж, происходил из рода Ахмедли Ак-сункара (1131—1134), был вассалом и родственником атабеков Азербайджана.

Кубла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращаются во время молитвы.

Лал — рубин, обычное сравнение с устами красавицы.

Лотос — водяное растение из семейства кувшинковых с красивыми крупными цветами, почитавшееся у древних египтян и индусов.

Луша (Танглуша) — персидская форма имени вавилонского астролога Тевкра (I в. н. э.), автора книги об эклиптике и зодиаке. Книга Луши, роскошно иллюстрированная миниатюрами, изображениями звезд и созвездий, пользовалась большой популярностью на Востоке.

Мапернахр — буква. Междуречье, т. е. территория, расположенная между реками Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей.

Мазн — зороастрийцы, жрецы-огнепоклонники, кулесники, волшебники. Так как ислам запрещал употребление вина, то его поставщиками были зороастрийцы и христиане.

Магриб — западная часть средиземноморской Африки (Алжир, Тунис, Марокко, иногда Египет и арабская Испания).

Мазендеран — область в Иране.

Майдан — поле, площадь, ристалище для игры в *човган* (см.).

Мактаб — школа, начальное духовное училище.

Майдоран — душистое растение, употребляемое в пищу как пряная приправа.

Мани — основатель манихейства, дуалистической религии, вообразившей в себя раннехристианские, зороастрийские и гностические верования. Манихейство было распространено в Иране и Средней Азии до X в. и позднее. Мани в поэзии Низами известен прежде всего как искусный художник (см. *Аржане*). Казнен в 244 г.

Мариам — дева Мария, мать Исы (Иисуса Христа).

Маррих — планета Марс.

Махди — Мессия, последний XII имам, якобы таинственно скрывшийся. Он явится перед концом мира на белом коне, очистит мир от скверны, насилия, тирании и установит идеальный порядок.

Махмуд — самый выдающийся представитель династии Газневидов (Газна — столица Газневидов на территории нынешнего Афганистана), могущественный султан Махмуд (999—1030), создал обширную империю; завоеватель Индии.

Медаин — арабское название Ктесифона, древней столицы иранских царей династии *Сасанидов* (см.), находившейся неподалеку от современного Багдада, где до сих пор сохранились развалины огромного дворца Сасанидов, известные в народе под названием «Дворец Хосрова».

Меджисте — см. *Алмагест*.

Меджлис — шахский прием, на котором читали стихи, слушали музыку. Меджлис — это и духовная беседа суфийского старца со своими учениками.

Меджун — буквально «содержимый», «пестовый», прозвище Кейса, героя арабского сказания, положенного в основу поэмы Низами «*Лейли и Меджун*»; в нарицательном значении — безумно влюбленный.

Медина — город на Аравийском полуострове, где Мухаммед впервые утвердился как пророк и где он похоронен.

Меджидиречье — см. *Мавераннахр*.

Мелик — царь, государь, почетный титул многих султанов и правителей.

Меликшах — могущественный сельджукский султан (1072—1092).

Мекка — священный город мусульман, религиозный центр ислама, расположенный на Аравийском полуострове, на берегу Красного моря. В Мекке находится знаменитый храм *Кааба* (см.).

Мен (ман) — мера веса от 3 до 12 кг.

Мерв — исторический город в Средней Азии (ныне город Мары Туркменской ССР).

Мессих, Мессия — то же, что *Иса* (см.). Древнееврейское слово «*Мессих*», от которого произошло «мессия», в I в. стало обозначать Христа.

Мишбар — кафедра в мечети.

Михаил — архангел Михаил.

Михраб — стрельчатая ниша в мечети, указывающая направление в сторону Мекки. Во время молитвы лицо молящегося должно быть обращено к михрабу. Михраб — обычное в поэзии Востока сравнение с бровями красавицы.

Мобед — зороастрийский жрец-огнепоклонник; в поэзии Низами — често-жрец-идолопоклонник или огнепоклонник вообще (например, индусский мобед).

Моисей — см. *Муса*.

Мунджук — бубнук, эмблема в виде полумесяца на вершине дечки знамени. Под мунджуком крепилось блюдо из драгоценного металла.

Муса — арабизированная форма имени библейского пророка Моисей. Муса совершил два чуда: когда он бросил свой посох перед фараоном, тот превратился в змею, а когда вынимал пята палухи руку, она пачкала белый снег. Отсюда «белая рука» — в классической литературе мифафора, обозначающая необычайное мастерство, искусство.

Мусикар — свирель, дудка.

Мускус — ароматическое вещество, добываемое из «мусха» — желез самца кабарги.

Мустафа — Избранник, почетное прозвище пророка Мухаммеда, имя Аллаха из всех пророков избрал его и приблизил к себе.

Мутриб — певец и музыкант, трубадур; слова «*мутриб*» и «*стрелбур*» имеют в основе общий арабский корень «*триб*», обозначающий радость, веселье.

Мухаммед (570—632) — пророк мусульман. Родился в Мекке на Аравийском полуострове. В детстве лишился родителей, воспитывался в доме своего дяди Абу-Талыба. Выступил с проповедями в начале XII в. В 622 г., спасаясь от преследований соотечественников, ушел вместе со своими сподвижниками в г. Медину. К 630 г. православная им мина-тенническая религия — ислам — была признана обязательной частью населения Медины, Мекки и других близлежащих районов. Умер в 632 г. в zenith славы и всеобщего признания. Он считался последним пророком, хотя и был сотворен Аллахом еще «когда Адам был глиной». Он оставил после себя священную книгу мусульман Коран, который был дан ему Аллахом как откровение.

Мухтасиб — должностное лицо в мусульманском городе, обязанное следить за соблюдением *шариата* (см.). Мухтасиб осматривал город, базары, проверял правильность гири, ловил продающих вино, пьяниц и т. д.

Муштари — планета Юпитер.

Мюрид — послушник, ученик духовного наставника, последователь суфизма.

Набат — род леденцов, белые круглые конфеты из хорошо очищенного сахара.

Най — небольшая тростниковая флейта, пронзительные звуки которой возносили о начале сражения.

Нарды (*нард*) — широко распространенная на Востоке игра. На спе-

циальных досках игроки делают ходы, которые определяются цифрами, выпавшими на игровых костях (зарах). Дважды шесть — наивысшее число, могущее выпасть на костях.

Нат — кожаная подстилка, на которой обезглавливали осужденного.
Недсан (Нисан) — месяц древнего солнечного сирийского календаря, совпадающий с апрелем.

Немрод (Немрод, Нимрод) — легендарный тиран, свергнувший в огненную печь пророка Ибрагима (Авраама). За это бог покарал его, напустив на него москита, который через ухо проник ему в мозг и терзал тирана до тех пор, пока он не погиб.

Несрин — вид дикорастущего нарнесса, жонкль.
Низам ал-Мулк — крупный государственный деятель, ученый и vizир **Мелик-шаха** (см.).

Нил — река в Египте; голубой цвет, индigo.
Нисар — древний обычай, когда понобренных или вступившего на престол шаха осыпали золотыми монетами, драгоценными камнями, драгоценностями.

Ноабат — ритуал, заключающийся в том, что перед воротами дворца, пять раз в день били в литавры. Это символизировало могущество султана и царя.

Новаузи — один из ладов классической музыки.
Новауз — новый год древнеиранского календаря, приходящийся на 22 марта.

Ной (Нух) — библейский патриарх, спасшийся на ковчеге во время всемирного потопа, почитаемый мусульманами как пророк.
Нуширван — см. **Ануширван**.

Оагр — дикий осел (см. **гур**).
Оман — область и город в юго-восточной части Аравийского полуострова, в также Оманское море, соединенное с Индийским океаном, которое отличалось изобилием жемчуга.

Орган — небольшой музыкальный инструмент с мехами и клавиатурой, предшественник современного органа.

Падишах — царь, шах.
Палас — ковер.
Палуде — вид желе, лакомство.

Пахлаван — богатырь, непобедимый воин.
Пери — фея, прекрасная лицом и злая душой, символ женской красоты.

Пехлеви — среднеперсидский язык, официальный язык Ирана до прихода туда арабов в 650 г. (напр. пехлевийский лад, пехлевийский напес).

Пир — старец, духовный вождь, наставник; глава религиозной секты.
Платон — древнегреческий философ-идеалист, известный на Востоке под именем Афлатун (427—347 до н. э.).

Рей — древний иранский город, который был расположен к югу от современного Тегерана.
Рейхан — базилик, благовонная трава вроде мяты.

Ременног — злой дух, по поверью, обитавший в пустынях. По виду старик, вместо ног у него висят ремни. Обманув путника, ременног садится ему на спину, затем обвивает его своими ремнями ногами и гонит по пустыне до тех пор, пока путник не падает мертвым.

Ризан — страж райских врат, упоминаемый в Коране.
Рузан — отверстие в потолке для света и воздуха.

Рубаб — смычковый музыкальный инструмент.
Руд — струнный музыкальный инструмент.

Рум — Византия, Малая Азия.
Румиц — **Искендер** (см.); грек, византиец, белолицый, красивый.

Рустам — главный герой так называемого эпического цикла иранского героического эпоса, непобедимый богатырь-великан, персонаж «Шах-наме» Фирдоуси.

Саз — струнный музыкальный инструмент, **рубаб** (см.).
Сакалбы — арабское название славян.

Самшит — прямое стройное дерево из семейства буков, символ стройности и высокого сана.

Сандаал — сандаловое дерево, обладающее приятным запахом.
Сапфир — драгоценный камень синего или голубого цвета. Сапфиры чашы — в поэзии голубые, синие небеса.

Сиауш — один из героев древнего иранского эпоса, сын легендарного могущественного царя **Кей-Кавуса** (см.). Он, спасаясь от необоснованных подозрений отца, бежал к патриарху тюрков Афрасиабу, который ласково принял его и выдал за него дочь Феритис. Однако позже Афрасиаб, поверив клевете своего брата Гаревиза, убил Сиауша, и после этого иранцы, чтобы отомстить за кровь Сиауша, начали длительную войну с турками. Предание о Сиауше было широко распространено в фольклоре и подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси.

Сидр — (буки, кедр) — мифическое дерево, растущее у небесных престолов, плоды которого не могут подняться даже ангелы и архангелы. В Коране это дерево зафиксировано в форме «сидрат ал-мунтаха», что обычно переводится на русский язык как «дерево крайнего предела».

Симнар — Низами вполне возводит это имя к библейскому Симеону. В действительности, имя Симнар вавилонского происхождения, от древнего божества Сина: Син-нмчар.

Симург — мифическая огромная птица, обитавшая на горе Каф, царь птиц; символ всего невидимого, таинственного.

Сиямак — сын черного человека и первого царя в иранской мифологии Кайумарса, жизнь и деяния которого описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

Соломон — см. **Сулейман**.
Справедливый — см. **Ануширван**.

Сулейман — мудрый и могучий царь (в Библии — Соломон), включенный исламом в число исторических пророков, бывших до Мухаммеда. Сулейману, согласно мусульманским легендам, были подвластны люди, звери, перн и джинны, которые носили его на ковче-самолете по всему его царству.

Сурейя — созвездие Плеяд, состоящее из семи звезд; по представлениям средневековых астрономов, оно находилось намного выше других созвездий.

Суруш — древний Сраоша, один из ангелов зороастрийского пантеона; вошел в мусульманские легенды как божественный нестник, несущий откровение (внутренний голос).

Суфа — глинобитное возвышение в виде тахты, невысокая и широкая приступка в саду, у домов или же у уличных стен во дворах для отдыха. Обычно суфу накрывали ковром, на который клали мягкие длинные подушки.

Суфра — скатерть, которую стелят на конер и кладут на нее еду; хлебосольный стол. Накрывать суфру — накрывать стол.

Сухейль — Клопус, главная звезда созвездия Корабль Арго, появляющаяся в определенное время года в южной части неба, она лучше всего видна в Персее. В поэзии Низами Сухейль и Йемен — взаимосвязанные понятия. Сухейль — символ красоты и счастья.

Табари — арабский историк (ум. 923 г.), перу которого принадлежит огромное компилятивное сочинение «История пророков и царей», через сорок лет после смерти автора оно было переведено наизмем Саманидов в Бухаре Баллами на персидско-таджикский язык.

Там — араб.

Тандлуша — см. Луша.

Танур — печь для выпечки хлеба.

Тараз — область и город в Туркестане, поставлявший белокожих красных рабынь. Развалины Тараза находятся неподалеку от современного г. Джамбула.

Тахмизан — буквально «монотельный», прозвище Рустамы (см.).

Тутия — лекарственная мазь для глаз.

Туран — мифическая страна иранского героического эпоса; туранцы — народ общего с иранцами происхождения, но враждебный им. Позже Тураном стали называть область обитания тюркских племен.

Тюрки — народы и племена тюркской расы; в классической поэзии Востока тюрки — символ бездны, красоты.

Ункаб — унаби (зизифус обыкновенный), «грудная ягода», красивый вкусный плод; традиционное поэтическое сравнение с губами и окрашенными пальцами красавицы.

Утарид — планета Меркурий, покровитель мудрости, он же искусный писец.

Фарвардин — первый месяц иранского солнечного календаря (21 марта — 20 апреля).

Фазгур — буквально «сын бога», титул китайских императоров (отсюда — русское «фарфор»).

Фаридин — один из мифических царей древнего Ирана, герой «Шах-наме» Фирдоуси, вернувший себе трон с помощью кузнеца Каве.

Фарр — божественная благодать, которой, согласно теократическим представлениям в древнем Иране, должен обладать законный правитель. **Фарр** изображался в виде сияния (нимба) вокруг головы.

Фарсана — путевая мера: столько, сколько может пройти конь за один час, т. е. шесть-семь (иногда десять) километров.

Фарси — персидский язык; язык классической литературы.

Фархад — один из главных героев поэмы «Хосров и Ширин» Низами; символ верности и чистоты в любви.

Феникс — чудесная птица, которая, согласно древним египетским мифам, достигнув старости, сжигает себя в пламени и возрождается вновь из пепла, молодой и прекрасной.

Фирдоуси — великий персидско-таджикский поэт (966—1020), автор эпоса «Шах-наме» («Книга царей»).

Хабиш — Эфиопия, откуда во времена Низами привозили темноволосых рабов; в поэзии — синоним мрака, ночи, противопоставлялся **Таразу** и **Хотану** (см.).

Хаварнак — дворец Бахрама в Персее. Это слово буквально означает «солнечный».

Хаддинг — стрела из белого тополя; метафорически — стройный.

Хадж — паломничество, которое мусульмане совершают в Мекку к храму Каабы.

Хаджи — мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

Хаджиб — приближенный паши.

Хакан — император древних тюрков, титул китайского императора ханов Китая, Турана и кайсар Рума в поэзии Низами — также же противопоставлен, как Рум и Туран, Запад и Восток.

Хаким — мудрец, провидец, суфий, а также врач.

Халлах — город в восточном Туркестане, жители которого отличались бездней и красотой. В поэзии табулати символом красоты и противопоставляется Хабишу — символу черноты и мрака. Халлах являлся также тем, что там в изобилии водились кабарги, быки, из желез которых добывали ароматическое вещество «мускус».

Хан — титул тюркских и монгольских правителей, князь, глава племени, феодал, помещик; почетный титул, присвоенный в мусульманским именам собственным.

Харут и Марут — два ангела, которые, по мусульманской легенде, были для испытания посланы на землю в человеческом облике. Они являлись в красавицу Зухру (см.) и в низвержение за то, что она возлюбилась к чарам, они были низвергнуты в колодеи в Вавилоне, где и должны пребывать до дня Страшного суда. Зухра, ставшая причиной их падения, после вознесения на небо приняла облик планеты Венера, покровительница красоты и музыки.

Хатун — титул правительницы или жены хана (см.), благородная тюркская дама.

Ходжа — феодальный придворный титул; «господин», «почетный человек».

Хорасан — обширная область, в средние века занимавшая территорию современного Ирана (от Тегерана до берегов Аму-Дарьи) и часть Афганистана (Балх, Газна).

Хорезм — древняя страна в районе оазиса в низовьях Аму-Дарьи; один из старейших очагов высокоразвитой земледельческой культуры.

Хосров, Хосрой — шах Хосров Анушйрван, чье имя стало нарицательным титулом могучего властелина подобно тому, как стало нарицательным имя Цезаря.

Хотак — название области в Туркестане, откуда привозили красивых рабынь; синоним света, безизны, красоты.

Хузистан — область на юго-западе Ирана, откуда во времена Низами привозили финики; синоним сладости.

Хурджин — переметная сумка, щербатый мешок.

Хурма — круглый сочный фрукт, широко распространенный в Азербайджане.

Хума — сказочная птица, приносящая счастье. По поверью, тот, на кого падет тень этой птицы, станет царем (Гамаюн русских сказок происходит от Хумы).

Хутба — ектенсия, торжественная молитва в соборной мечети за преставляющую особу; речь, тронная речь.

Хутталеский — от Хутталан или Хатлан, названия средневековой области, занимавшей часть современного Таджикистана. Хутталан славился своими породистыми скакунами и поставлял их во все страны Ближнего и Среднего Востока.

Хызр — таинственное существо в зеленых одеждах, обладающее вечной жизнью, открывшее источник живой воды. Хызр чудесно передвигается в пространстве и приходит на помощь путникам, погибающим в пустыне.

Чанг — большой струнный инструмент, напоминающий арфу (современный чанг больше похож на цимбал).

Чин — см. Китай.

Човган — конное поло. Всадники клюшками отбивают друг у друга мяч и загоняют его между двумя столбами; човганом называют и клюшку изогнутой формы. В поэзии — синоним всего изогнутого, и частности, куарей красавицы.

Шариат — законодательство, свод мусульманских религиозных и юридических правил, основанных на Коране.

Шах — царь, император.

Шаханшах — букв. «царь царей», древний титул иранских царей со времен династии Ахеменидов (559—329 гг. до н. э.).

Шахзаде — царевич, царевна (букв. сын или дочь шаха).

Шах-намэ — «Книга царей» Фирдоуси.

Шейбани — черный конь Хосрова Парвиша; символ ночи.

Шихна — правитель города, начальник военной и полицейской власти.

Эбек — черное тропическое дерево с ценной, твердой древесиной; символ черноты и крепости.

Эдем — по библейской легенде, земной рай, местообитание первых людей до грехопадения; благодатный уголок.

Эмилирей — самая пышная часть шоба, обиталище Бога.

Эрженг — см. Аржине.

Юсуф — герой мусульманской легенды, восхитивший в Тибетии (Египет) Прекрасный, любимый сын Якуба. Самым красивым, несомненным, благородным. Был из любви похищен другими «сыновьями Якова» и брошен в колодезь, откуда его изыскли случайные пастухи. Он был продан в рабство египетскому вельможе Китфору (Потифару), девушку которого Зулейха влюбилась в Юсуфа. Легенда о Юсуфе и Зулейхе послужила основой для многочисленных рассказов и поэмы на этот сюжет. В одной из них, в частности, говорится, что когда Зулейха ввела Юсуфа во дворец, пораженные его красотой придворные дамы, которые в это время чистили ножами плоды померанца, от растерянности стали вместе с них резать себе пальцы. Этот сюжет, как и другие, связанные с Юсуфом, часто описывался в средневековой восточной поэзии.

Язма — город в восточном Туркестане, славившийся своими красавицами-тюроканками.

Яздан (Язд) — древнее имя дореставрированного бога солнца.

Язидсеро (Язидсер) — иранский шах (ум. 420) из династии Сасанидов. Язидсеро покупался урвать провинции Зороастрийцами духовенства, за что получил прозвище Грешник.

Якуб — библейский Иаков. По исламской традиции, один из пророков, бывших до Мухаммеда, отец Юсуфа. Когда Юсуф встал у Якуба от слез ослепли глаза.

Ясмен — жасмин.

Яхни — сокращение от яхни-илои: Род яства, где курица имеет как курица кладется под рис на дно котла.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэма "Семь красавиц"	5
Восхваление	21
Восхваление пророка Мухаммеда	25
О мудрости пророка	28
О причине составления книги	34
Хвала свястному падишаху, да озарит его Аллах	40
Обращение к будущему землю	46
Восхваление слова и несколько слов о мудрости	52
Пославление своему сыну	64
Начало повествования о Бахраме	70
О построении Хаварнака и о достоинствах строителя Симнара	73
Описание дворца Хаварнака и исчезновение Нумана	78
Охота Бахрама и клеймение онагров	83
Бахрам убивает льва и онагра	85
Бахрам убивает дракона и находит клад	87
Бахрам находит и ображенца семи красавиц	93
Бахрам узнает о смерти отца	96
Бахрам приводит войско в Иран	100
Пославание к Ирану Бахраму-Гуру	103
Бахрам берет вещи	116
Бахрам восходит на престол отца	119
Худба справедливости Бахрама-Гура	120
О том, как правил Бахрам-Гур	122
Злоуха и милосердие Бахрама	125
Бахрам и рабыня	129
Хакап Чина вторгается в Иран	142
Бахрам порицает начальников войска	150
Бахрам женится на дочерях падишахов семи стран	157

Зимние пиры Бахрама и построение семи дворцов	160
Описание семи дворцов	163
Индийская царевна	171
Сказка	172
Туркестанская царевна	202
Сказка	203
Хорезмская царевна	206
Сказка	210
Славянская царевна	230
Сказка	231
Магрибская царевна	260
Сказка	261
Румийская царевна	288
Сказка	291
Иранская царевна	312
Сказка	313
Хакап Чина вторично выступает против Бахрама	337
Бахрам и пастух	339
Бахрам велит схватить вазира-насилльника	351
Жалоба первого узника	354
Жалоба второго узника	355
Жалоба третьего узника	357
Жалоба четвертого узника	359
Жалоба пятого узника	360
Жалоба шестого узника	362
Седьмой узник	365
Бахрам казнит вазира-насилльника	368
Хакап просит у Бахрама прощения	380
Завершение дел Бахрама и исчезновение его в пещере	381
Конец книги, хвала Аладдину Курри-Арслану	381
Комментарии	387
Словарь собственных имен, географических названий и непереведенных слов	410

Низами Гянджеви

Н65 Семь красавиц. Поэма. Перевод Вл. Державина.
Вступит. статья и коммент. Р. Алиева. Редактор
Н. Хатунцев. Б., Язычы, 1983.—427 с.

«Семь красавиц» — четвертая поэма Низами из его бессмертной «Патерицы» — значительно отличается от других поэм. В нее, наряду с описанием жизни и подвигов арвенкеранского царя Бахрама, включены сказочные новеллы, рассказанные семью женами Бахрама — семью царевнами из семи стран света, живущими в семи дворцах, каждый из которых имеет свой цвет, соответствующий определенному дню недели. Символика и фантастические элементы новелл переплетаются с описаниями реальной действительности. Как и в других поэмах, Низами в «Семи красавицах» проповедует идеалы справедливости, добра, выступает в защиту угнетенных и угнетенных.

Н 70403—013
М-656—83

Решение кол. за № 83 от 31 марта 1982 г.

С(Аз)1

Низами Кянджеви
ҖЕДДИ КӨЗЭЛ

Поэма

Ба к ы — 1983

«Язычы» нәшрияты 370088. Баку, Киров
проспекти 18. «Җени китаб» матбәси 370102.
Баку, Әли Тагизаде күчəsi, 4.

Художник Р. Назиров.
Художественный редактор А. Мамедов.

Технический редактор В. Плиткина.
Корректоры Н. Шамишур, Г. Мокшина.

ИБ № 1600

Сдано в набор 16. 08. 1982 г. Подписано к печати 11. 01. 1983 г. Формат бу-
маги 60×90/16. Бумага № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Физ. и
условн. п. л. 26,75+1 вкл. Учетн.-изд. л. 19,3. Заказ № 2526. Тираж 15000.
Цена 2 руб.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательства, по-
лиграфии и книжной торговли.

Издательство «Язычы», 370088. Баку, проспект Кирова, 18.
Новая Книжная типография, 370102. Баку, ул. Али Тагизаде, 4.

